

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ !

Новый журнал открыть, как город заложить. И я, безусловно, ценю смелость решившихся на это энтузиастов, которые на исходе 2016-го, не очень любезного по отношению к СМИ года, начали выпускать прекрасное задуманное издание, с таким родным для меня, как ветерана «Литературной газеты» имени её первого редактора. Пожалуйста, не меняйте обложку – пусть всегда номер открывается бронзовым, на века, изображением Александра Сергеевича Пушкина. Наша редакция сейчас располагается в историческом месте столицы – на Старой Басманной улице, совсем неподалеку от дома-музея В.Л. Пушкина – дяди нашего всего. И первый номер «Александра» я с удовольствием отнес туда. Василию Львовичу – уверен! – это понравилось бы!

Просто замечательно, что «Александръ» родился не в Москве, где прописаны издания старые и новые, а в российской глубинке – даже не в старинном Тамбове, а в пос. Первомайский. И пусть он приходит к читателям в другие города и я уверен – страны. Потому как замыслен он правильно – как именно литературно-исторический журнал. И откровенность подкупает – строчка «Издание безгонорарное». Да и ведь и вправду – не для денег пишут настоящие литераторы.

Приятно видеть и в редакционной коллегии, и на страницах журнала знаковые писательские фамилии – Лариса Васильева, Юрий Поляков. Знаю – не всякому изданию они такую честь оказывают. И рубрики точные – «Россия. Родина. Любовь», «Духовное поле», «Пленительная старина»... А какие хорошие, искренние стихи в первых номерах!

«ЛГ» с высоты своего 187-летнего возраста горячо приветствует коллег и желает новому изданию счастливой судьбы. Уверен – мы еще не раз пересечемся с «Александром» в океане литературы! И поздравляем!

Леонид КОЛПАКОВ,
заместитель главного редактора «Литературной газеты»

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В.С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск)
Е.В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)
Л.Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)
В.А. КАЗМИН (Луганск)
С.И. КОТЬКАЛО (Москва)
Л.В. КОЛПАКОВ (Москва)
Р.С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)
Т.О. МАЛИКОВА (Тамбов)
А.И. НОВИКОВ (Екатеринбург)
Ю.М. ПОЛЯКОВ (Москва)
Г.Н. ПОПОВА (Мичуринск)
А.Н. СЁМИН (Екатеринбург)
В.Е. СОЛОВЬЕВ (Тамбов)
В.И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)
Я.Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 1 (4), январь, 2017 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 4.01.2017 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8, Усл. печ. л. 12

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в ООО «Просто Печать», 398042, г. Липецк, ул. Пестеля, 38.

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

КОНКУРС

4 «Просвещение через книгу»

РОССИЯ • РОДИНА • ЛЮБОВЬ

8 Владимир Казмин.
Луганский гость журнала

ПОЭЗИЯ

12 Геннадий Былкин.
14 Виктор Кострикин. Еще – не осень...
18 Дмитрий Порошкевич. Стояла
поздняя печаль

ЖИТЕЙСКОЕ

20 Анатолий Труба. Украденное
счастье

ДАЛЁКОЕ—БЛИЗКОЕ

23 Василий Попков. Просветители

СТРАНА РОДНАЯ

36 Солнце встаёт на востоке

ГОРДОСТЬ РОССИИ

42 Владимир Зельдин

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

47 Козловский Троицкий мужской
монастырь

БЫЛОЕ

58 Преподобный Иосиф

ИСКУССТВО

61 И снова в Пензе...

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

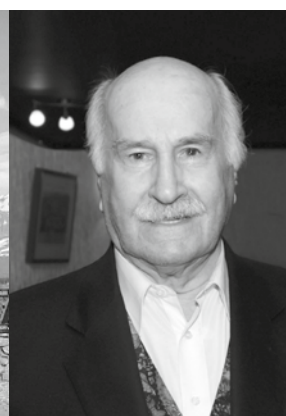
64 Женщины в сельском хозяйстве.
Почтовая миниатюра

ОБЩЕСТВО

70 Путеводитель казака

ПРОЗА

83 Николай Наседкин. Сто двадцать
лет спустя

Новогодний товарищ

КАК ИЗВЕСТНО, НОВОГОДНЕЙ СТОЛИЦЕЙ РОССИИ 2016/2017 ГОДОВ ВЫБРАН ГОРОД ТАМБОВ. И ВОТ НЕДАВНО ОРГКОМИТЕТ ПРОЕКТА УТВЕРДИЛ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЛОГОТИП САМЫХ ЯРКИХ И ЛЮБИМЫХ ЗИМНИХ ПРАЗДНИКОВ. СИМВОЛОМ ЭТИМ СТАЛ ЗНАМЕНИТЫЙ ТАМБОВСКИЙ ВОЛК.

НОВОГОДНИЙ ЛОГОТИП ИМЕЕТ ФОРМУ МЕДАЛИ. В КРУГЕ, ФОН КОТОРОГО УКРАШЕН ЛЕНТОЙ РОССИЙСКОГО ТРИКОЛОРА, В ОБРАМЛЕНИИ СНЕЖИНОК И ЛЕДЯНЫХ УЗОРОВ, ИЗОБРАЖЁН ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ ПЕРСОНАЖ – ТАМБОВСКИЙ ВОЛК, ПОЛУЧИВШИЙСЯ ПОЗИТИВНЫМ, ДРУЖЕЛЮБНЫМ И ПО НАСТОЯЩЕМУ ЗИМНИМ.

ОЛЬГА СОЛОВЬЁВА

Автором логотипа стала тамбовская художница, член ВТОО «Союз художников России» Ольга Соловьёва. Мы решили встретиться с Ольгой и задать ей несколько вопросов о том, как создавался главный символ приближающихся новогодних праздников.

Аъ: Ольга, разрешите поздравить вас с тем, что ваша работа выбрана главным новогодним символом России.

Ольга Соловьёва: Спасибо. Предложение поучаствовать в конкурсе на разработку логотипа «Тамбов – новогодняя столица России» меня очень заинтересовало. Я люблю свой город, люблю Новый год и очень рада, что мой волк стал частичкой этого волшебного праздника.

Аъ: Расскажите, почему именно этот персонаж вы решили изобразить на эмблеме, с чем это связано?

ОС: Я решила взять за основу тему волка, многие годы являющегося неофициальным символом Тамбовщины. Почему волк? Потому что, когда в поездках говоришь людям, что ты из Тамбова, большинство сразу отвечает – «О,

тамбовский волк». Возможно поэтому я и решила, что он вполне достоин украсить собой новогодний логотип. Мне захотелось создать образ добродушного, мудрого, гостеприимного волка, приглашающего всех жителей нашей страны посетить новогоднюю столицу. Волка благодаря которому люди смогут больше узнать о нашем любимом городе, его истории, увидеть всю его красоту и познакомиться с другими символами, которых у нас не мало и конечно-же надеюсь, что наш новогодний волк станет добрым товарищем для всех жителей нашей страны.

Аъ: Но ведь изначально поговорка «Тамбовский волк тебе товарищ» имела не слишком позитивный смысл.

ОС: Существует много версий происхождения данной поговорки и ни одна из них не подтверждена на сто процентов. Так или иначе в настоящее время ей удалось полностью избавиться от всякого негативного смысла. Тамбовчане – добрые, отзывчивые, приветливые люди. Всеми этими качествами обладает и наш тамбовский волк. Пожалуй лучше всего его характеризуют достаточно известные поэтические строки:

Ты в эти сказочки не верь,

Когда ты людям

сердце даришь,

Тамбовский волк

тебе не зверь,

Тамбовский волк

тебе товарищ.

Аъ: Ольга, как шла работа над логотипом?

ОС: Прежде чем заниматься каким-то проектом, я всегда интересуюсь данной темой, стараюсь собрать информацию, что-то почитать. Так было и сейчас. Потом началась работа над графической составляющей. Я предложила несколько вариантов изображения тамбовского волка и шрифтовой композиции логотипа, затем после некоторых доработок и корректировок на свет появилось изображение, которое в итоге и стало официальным логотипом праздника.

Аъ: В интернете, в социальных сетях разгорелись жаркие дискуссии о символе Нового года. Ольга, скажите, ваш волк действительно улыбается или это просто такой ракурс?

ОС: Улыбается, ведь это новогодний волк. А если серьёзно, повторюсь, что хотела нарисовать доброго, радушного и гостеприимного волка, несущего заряд позитива и праздничного настроения. Мне кажется, что это у меня получилось.

Аъ: Спасибо за ваши ответы. Хотите чего-нибудь пожелать нашим читателям в Новом году?

ОС: Хочу пожелать всем здоровья, счастья и успехов в делах. Также желаю процветания и творческого полёта вашему замечательному журналу. Пусть наш тамбовский волк будет добрым товарищем для всех хороших людей не только в наступившем году, но и на многие годы вперёд. С Новым годом!

Владимир ЯРОШЕНКО

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

Родилась в 1935 году в Харькове. Окончила в 1958 году филологический факультет МГУ. Первую книгу стихов «Льняная луна» выпустила в 1966 году. Автор поэтических сборников: «Огневица» (1969), «Лебеда» (1970), «Синий сумрак» (1970), «Встреча» (1974), «Поляна» (1975), «Листва» (1980), «Василиса» (1980), «Роца» (1984), «Странное свойство» (1991), «Четыре женщины в окне» (2005) и других. Лауреат премий: Московского комсомола, имени М.В. Ломоносова, имени М.Ю. Лермонтова, международной итальянской премии «Роза Петрарки». Живёт в Москве.

Свет и мрак
в переплетенье...

***

МАТЬ ПАРТИЗАНА

Я думаю о Вас ночами
И днями думаю о Вас,
И вырастает за плечами
Подобье крыльев каждый раз.

Я не надеюсь на свободу
Быть Вами понятой, увы,
Я каждый день вхожу, как в воду,
В сияющий поток травы.

От жарких полдней холодею
И, странности свои вина,
Я попросить Вас не посмею
Мне верить и любить меня.

Я Вас сама не понимаю,
И всё, должно быть, оттого,
Что проходящих принимаю
Всегда за Вас, за одного...

Там, говорят, дорога гиблая,
Там ветру стыть, там выпям выть,
Туда одна старуха хриплая
В ночи повадилась ходить.

Она сидит на белом камешке
Среди нехоженных болот
И на ладони будто шанежки
На сковородочке печёт.

Там ей знакомы все извилины,
Все камни, ветки и сучки,
К ней поворачивают филины
Свои безумные зрачки.

Порою утренней, туманною,
Когда кровавится восток,
Перед могилой безымянною
Она оставит узелок.

И побредёт. Мне повстречается
И скажет: «У сынка была.
Уж мне там славно отдыхается,
Уж я там ела, да пила.

Невестка добрая, опрятная,
Внучок – головушка светла...
Да тяжела путя обратная,
Поди, в последний раз была».

* * *

Свет и мрак в переплетенье.
Радость с горечью – узлом.
Умирает поколенье –
То, где девушка с веслом,

Лётчик в белоглазом шлеме,
Три танкиста, два бойца,
В завершившейся поэме
Закалённые сердца.

Провожает их, седея,
Поцелуем в лбину лба,
Их высокая идея,
Несравненная судьба,

До последнего предела
Не желая понимать,
Смотрит вслед осиротело,
Как оставшаяся мать.

* * *

На этой улице просторной,
Где ветер странствия сквозит,
Окно – площадкою обзорной –
Над гнётом времени висит.

На этой улице, где лица
Витринами оглушены,
Где трели взвившейся синицы
И не слышны, и не нужны,

Где вечная бредёт идея,
Последний испытал удар,
Где совесть мучит чародея,
Забывшего свой чудный дар.
На этой улице – ужели?
На этой улице – с тобой
Мы повстречаться не сумели,
Хоть рядом шли густой толпой.

На этой улице мне было
Темно в сплошных лучах огней.
Я эту улицу забыла,
Хоть от каждый день хожу по ней.

ТАНКИ

Моему отцу,
Николаю Алексеевичу Кучеренко

Какие-то строгие тайны
Из дому отца увели,
А вскоре по улицам танки
Гудящей волной поползли.
Я прятала руки за ватник
И следом за танками шла,
Не зная, что ожил тот ватман
С его заводского стола,
Что ожил тот ватман, который
Похитил отцовские сны.
По длинным людским коридорам
Шли новые танки страны.
Мальчишечьи крики привета
Неслись от ворот до ворот,
И женщина шла без жакета,
Кричала:
– Победа идет! –
И, стиснув руками упрямо
Тугие перила крыльца,
О чем-то заплакала мама,
Привыкшая жить без отца.
Я помню тот день потому лишь,
Что вечером этого дня
Средь старых, бревенчатых улиц
Отец мой окликнул меня.
Мне даже теперь это снится,
Как в тот незапамятный год
Отцу разрешил отлучиться
Домой оборонный завод,
Как следом за ним я бежала
И в комнату нашу вошла,
А мама подушки взбивала,
А мама лепешки пекла,
Смеялась то громко, то робко,
О том говорила, о сем...
Но съела в тарелке похлебка
Отец мой уснул за столом.
А мать улыбалась все шире
И куталась в старую шаль...
Шли танки Т-34
В тревожную, трудную даль.

Александр Александрович Пушкин

КОЗЛОВСКИЙ АРХИВ ПУШКИНА

В НАЧАЛЕ ИЮНЯ 1880 ГОДА В МОСКВЕ БЫЛ ОТКРЫТ ПАМЯТНИК А.С. ПУШКИНУ РАБОТЫ СКУЛЬПТОРА А.М. ОПЕКУШИНА. НА ТОРЖЕСТВА ПРИЕХАЛ ИЗ ГОРОДА КОЗЛОВА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ СТАРШИЙ СЫН ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПУШКИН...

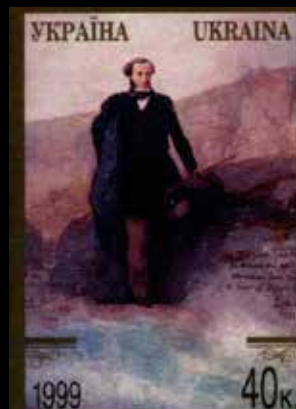
15 июля 1870 года Александр Александрович Пушкин был назначен командиром 13-го гусарского Нарвского полка. В его боевой летописи немало ратных подвигов, в том числе и сражения в турецкой кампании 1877–1878 годов. Сразу же после завершения этой войны, в апреле 1879 года Нарвский полк во главе с полковником А.А. Пушкиным дислоцировался в Козлове. Именно с козловским периодом жизни сына поэта и связан его выдающийся вклад в отечественную пушкинистику.

К торжествам по случаю открытия памятника А.С. Пушкину в Москве была приурочена и первая в истории русской культуры публичная выставка пушкинских реликвий.

Материалы той выставки ныне сосредоточены в фондах Центрального государственного архива литературы и искусства. В этом фонде и обнаружил недавно псковский пушкинист Виктор Михайлович Русаков письмо А.А. Пушкина, написанное им в Козлове 9 мая 1880 года и имеющее самое непосредственное отношение к истории формирования пушкинского рукописного архива.

По семейному разделу имущества от 5 февраля 1870 года к старшему сыну поэта перешел весь пушкинский архив. Один из первых биографов А.С. Пушкина П.И. Бартнев и хранитель отделения рукописей Румянцевского музея А.Е. Викторов в письмах,

Из коллекции Александра Николаевича СЕМИНА

адресованных в Козлов, убеждали Александра Александровича в том, что «эти бесценные пушкинские бумага надо, наконец, поместить в надежное государственное хранилище».

И вот с каким письмом обратился А.А. Пушкин к директору Московского Публичного и Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека им. В.И. Ленина) В.А. Дашкову:

«Милостивый государь Василий Андреевич! В ознаменование торжественного дня открытия в Москве памятника отцу моему Александру Сергеевичу Пушкину, предполагая передать в общественную собственность сохранившиеся у меня рукописи его сочинений, я избрал местом хранения их на вечные времена находящийся под Вашим управлением Московский Публичный и Румянцевский музей, куда эти рукописи и будут доставлены из Общества любителей российской словесности, которому временно я их передаю, вместе с правом воспользоваться ими для особого литературного сборника. Уведомляя о сем Ваше превосходительство, прошу принять уверение в моем почтении и преданности. Ваш покорный слуга Александр Пушкин, г. Козлов. 9 мая 1880 г.»

Материалы «поливановского» архива сохранили для нас сведения и о том, что по поручению комиссии Общества любителей российской словесности в Козлов отправился историк литературы П.И. Бартенев. Каково же было содержание пушкинского архива, отправленного из Козлова в Москву? Это как раз и удалось установить В.М. Русакову.

В октябре того же года (1880) архив Пушкина, бывший у его старшего сына в Козлове, поступил почти полностью в Румянцевский музей. Здесь находились четырнадцать «рабочих тетрадей», содержащих преимущественно черновые тексты всевозможных произведений Пушкина, они отражают едва ли не весь его творческий путь – от лицейских стихотворений и «Руслана и Людмилы» до знаменитого стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», помеченного 21 августа 1836 года, то есть за пять месяцев до гибели поэта. Кроме того, из Козлова прибыло несколько десятков самодельных тетрадок, в которые Пушкин переписывал набело такие крупные произведения, как «Медный всадник», «Дубровский»,

«Капитанская дочка», «Маленькие трагедии». Из тетрадок были сброшюрованы авторизованные копии «Бориса Годунова», «Истории Пугачева», материалы к ней. После смерти Пушкина все рукописи поэта, черновые и беловые, были просмотрены жандармами, прошиты, пронумерованы по листу красными чернилами и перепечатаны. А отдельные листки, которые трудно было шить в тетради, сложили в пакеты. Только в 1930-х годах «жандармские тетради» были расшиты, и рукописям Пушкина возвращен тот порядок, какой они имели до «посмертного обыска» в квартире поэта, что значительно облегчило их изучение...

Помимо рукописей из «козловского архива» сына поэта были отправлены в Румянцевский музей 62 письма Пушкина к жене, большое количество писем к поэту от разных корреспондентов. При передаче рукописей отца в музей А.А. Пушкин предоставил право пользоваться ими исключительно П.И. Бартеневу. Поскольку многие тетради Пушкина находились тогда еще в Тамбовской губернии, Петр Иванович Бартенев, получив разрешение публиковать из рукописей поэта все, «что найдет в них нового», ездил за ними в Козлов, а затем по мере использования тетрадей, передавал их в Румянцевский музей. Здесь же, в Козлове, Бартенев знакомился с дневником А.С. Пушкина 1833–1835 годов, публикацию которого Александр Александрович считал тогда еще преждевременной.

По свидетельству Н. Яшвили, внучки пушкиниста П.И. Бартенева, он «просидел однажды несколько дней закрытый на ключ в комнате, выписывая из дневника Пушкина нужные ему данные, так как только при этом условии сын поэта Александр Александрович позволил ему ими воспользоваться».

Хранитель отделения рукописей Румянцевского музея Алексей Егорович Викторов сумел убедить сына поэта сделать и еще один шаг: с осени 1882 года прибывший из Козлова пушкинский архив стал доступен всем, кто занимался в то время изучением творчества великого русского поэта.

Зинаида АФАНАСЬЕВА

¹ В разделе представлены материалы, публиковавшиеся в еженедельнике «Литературный Тамбов» с 1989 по 1992 год. См. соответственно: 1990. Март. №1; 1989. Апрель. №2; 1989. Декабрь. №4; 1981. Январь. №1; 1990. Август. №3; 1989. Декабрь. №4; 1991. Декабрь. №4.

НИКОЛАЙ НАСЕДКИН

Прозаик, литературовед, член Союза писателей России.

Родился в 1953 г. в Сибири. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1982) и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького (1991).

Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Нева», «Урал», «Подъём», «Российский колокол», «Южная звезда» и др.

Автор 15 книг, изданных в Тамбове, Москве, Польше, Черногории.

ПОВЕСТЬ

СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ОКОНЧАНИЕ. Начало в №3 за 2016 г.

V

За ужином мы благополучно ссоримся с Лидией Петровной, и она уходит пить чай в свою комнату.

Я тоже отправляюсь в свой кабинет – пить-смаковать мартини. С собой прихватываю оставленную женой на кухне книгу, сборник Виктории Токаревой с чеховским названием – «О любви». Вообще-то я не поклонник женской прозы, но хочется просто отдохнуть, полистать что-нибудь особо не на-

прягаясь, да и Токарева всё ж таки из всего легиона наших раскрученных дам-писательниц, может быть, как я помнил, наиболее адекватна.

Устроившись поуютнее на диване под торшером и глотнув божественного женского напитка, я берусь за книгу. По привычке, как и положено профессионалу, осматриваю для начала обложку, титульный лист, выходные данные – издательство, аннотацию, объём, тираж. Все примочки нынешнего издательского процесса налицо: издательства целых

три, год издания на титуле не указан, тираж якобы дополнительный... Ну да Бог с ними! Читаю аннотацию: «Любовь нашего времени. Странная и непростая. Счастливая и неразделённая...» Уже смешно. В прежние времена, выходит, любовь была иная. На задней обложке рядом с фото автора явно двадцатилетней давности ещё одно яркое утверждение: «Виктория Токарева не просто «золотой классик», но – СОЗДАТЕЛЬ современной отечественной женской прозы...» И «золотой классик» в кавычках и «СОЗДАТЕЛЬ» заглавными буквами смотрелись-воспринимались не так бы пародийно, если бы в явно автобиографическом рассказе «Из жизни миллионеров» я через какое-то время не прочёл утверждение самой Виктории Самойловны: «Первый вопрос – о женской литературе, как будто бывает ещё мужская литература... Но я знаю, что в литературе имеет значение не пол, а степень искренности и таланта...» Что же, издатели не могли договориться с автором, согласовать – женскую она прозу пишет или не женскую?

Понятно, что мой читательский настрой от благодушного начинает поворачивать к раздражённому. И странные порой откровения авторши меня уже не веселят, а злят. К примеру: «Кто я без своего дела? Стареющая тётка. Но вот я опускаю голову над чистым листом, и нет мне равных...» Насчёт стареющей, может быть, и в точку искренность, но вот насчёт «нет равных»... Повестушка «Стрелец» и вовсе разочаровывает: типичная кинематографическая скоропись с торчащими белыми нитками из каждого сюжетного шва. Вообще, Токарева могла бы быть неплохой писательницей, если бы не стремилась усидеть на двух стульях – сценариста и прозаика. Впрочем, я ещё продолжаю перелистывать начинающую утомлять меня книжку, и окончательно добивает меня пассаж про героиню-эфиопку. О ней сначала сказано-подчёркнуто, что она семитка, и это, в общем-то, не противоречит истине, но затем о ней же ничтоже сумняшеся говорится: «Красивая женщина не имеет национальности. И всё же еврейская женщина точно знает, что она хочет...» Приехали! С какого это перепугу эфиопка превратилась вдруг в еврейку? А почему, например, не в арабку? Ведь и арабы тоже семиты, и эфиопы, и евреи, и... Да мало ли кто!

Помню, не так давно взялся я наконец прочесть что-нибудь из прославленной Нины Садур. И что же? На первой же странице: «У него был красивый еврейский нос...» Через пару страниц: «У неё были невыразительные славянские глаза...» Ну, как после этого читать дальше? И подобное сплошь и рядом, в том или ином виде, что у Петрушевской, что у Толстой, что у Улицкой, что у Рубиной... Как только они касаются хотя бы вскользь еврейской темы, тут же и чудеса начинаются – шнобели вдруг превращаются в греческие носы, каждая красивая женщина объявляется еврейкой...

Нет, думаю я, отбрасывая Токареву на диван и наливая себе добрую порцию мартины, если уж когда вновь потянет чего-нибудь из женской прозы полистать, уж лучше взять Маринину или Дашкову – там, по крайней мере, без претензий.

В этот момент хмыкает мобильник – пришла эсэмэска. От Саши. На дисплее одно слово: «Мэйл». Я запускаю комп, получаю почту и понимаю: судьба подбросила мне образчик женской прозы, который априори мне жутко интересен. В тексте письма одна фраза: «Это мой роман». Я сохраняю пристёгнутый файл, запускаю Word, открываю текст под названием «Животная любовь». Шрифт, как всегда у Саши, какой-то экзотическо-готический. Выделяю весь текст, меняю шрифт на привычный Times New Roman, заодно увеличиваю кегль до 14 – сформировалось чуть более двухсот страниц. Распечатываю на принтере, начинаю читать...

Когда возвращаюсь в настоящее – на часах уже четыре утра. Бутылка из-под мартины давно пуста, кофе, пробираясь на кухню, варил раза три. В голове лёгкий гул, на сердце тяжесть, в душе тоскливая боль. Бедная Саша! Из её нервного, порой эпатажного, предельно исповедального текста я понял две непреложные вещи: она глубоко несчастна, и она всё ещё думает обо мне. Одного я, к сожалению, так и не понял, не прочёл в её романе – того, что до сих пор не даёт мне спать, хотя минуло тому уже два года: почему она тогда так резко, вдруг, внезапно, в самый разгар страстей откачнулась от меня?

В своё время Суворин, прочитав «Скучную историю», высказал мнение, что-де Катя любит Николая Степановича в полном смысле слова – как женщина мужчину. Плещеев написал об этом Чехову. Тот даже возмутился: *«Уж коли отвыкли от веры в дружбу, в уважение, в безграничную любовь, какая существует у людей вне половой сферы, то хоть бы мне не приписывали дурных вкусов»*.

А вот я на стороне опытного 55-летнего читателя Суворина, а не 29-летнего автора. Любила Катя моего архаического тёзку, любила в полном смысле этого слова. Как и он её. Это в повести хорошо видно. Просто характеры имели довольно робкие и вялые. Ну и, конечно, сдерживало-тормозило выплески чувств осознание, что Николай Степанович фактически играл роль отца Кати, растил-воспитывал её.

У нас с Сашей таких искусственных преппон не имелось, да и характеры, особенно у Саши, явно покруче. Она, например, уже после первой встречи-разговора со мной в коридоре Литинститута вдруг сама себе сказала: *«Я с этим мужчиной хотя бы раз пересплю!»*. Это я из её романа узнал. Порыв безотчётный, каприз. Правда, она тогда как раз переживала период депрессии после первой неудачной любви, пыталась всячески встряхнуться, самоутвердиться, выскочить из затягивающей самоубийственной воронки. Но потом она сама, и в романе это фиксируется-подтверждается, бросилась-погрузилась в наши отношения как в омут, безотчётно и с головой, влюбилась если не в меня, то в свою любовь ко мне без памяти. И я, который, надо признать, не хуже Чехова тогда ещё считал *дурным* тоном связь между девушкой и мужчиной, по возрасту годящемся ей в отцы, поначалу вошёл в эти отношения как бы помимо воли, с кривой усмешкой, но сам со временем и довольно быстро запылился не слабже юнца, тоже унырнул в отношения с головой, начал наслаждаться и творить глупости. Чуть до развода с Лидией Петровной не дошло...

Повторяю, я и тогда не понял, и потом, и вот сейчас, уже прочитав текст Саши, почему ЭТО вдруг всё рухнуло, почему казавшаяся безмерной и нерушимой любовь (Саша каждый день клялась-утверждала, что без меня

не проживёт и дня) вдруг надломилась, дала трещину, стала доставлять вместо блаженства и счастья страдания и боль?! «В «Животной любви» только фиксировалось: да, так произошло-случилось.

Я тогда уехал всего на пять дней в Париж, на книжный салон, где Россия в кои веки была почётным гостем. Ну никак нельзя было отказаться! И Сашу взять с собой не удалось – у неё ещё не был готов загранпаспорт. А когда, измучившись за эти пять дней донельзя, примчался, уж по-другому не скажешь, на крыльях любви, тут-то вот и ударился-расшибся со всего лёту о прозрачную стену, которая вдруг возникла между нами. И имя автора стены вскоре мне стало известно – Стефан. Совершенно ничтожный, но смазливый студентик из Болгарии. Когда Саша во время одной из сцен (а сцены были!) крикнула в запальчивости, что не надо было уезжать в этот грёбанный Париж, а теперь я опоздал, – я вдруг понял-осознал, что возникшая ситуация уже совсем не из мира Чехова, а очень даже зло напоминает-пародирует сцену из биографии мученика Достоевского. Он собрался в Париж с молодой возлюбленной Аполлинарией Сусловой, но, отправив её, сам задержался по неотложным делам на несколько дней в Петербурге, а когда до Парижа домчался, любимая встретила его фразой: *«Ты немножко опоздал приехать!»*. Оказывается, за эти считанные дни в её жизни появился студент-испанец Сальвадор, и вся её страстная любовь к Достоевскому не остановила, не спасла её от адюльтера. Причём, Сальвадор этот насытился быстро и взялся мучить-отталкивать Полину, та посвящает Фёдора Михайловича во все подробности своих взаимоотношений с испанцем, спрашивает советов, жаждет понимания, при этом продолжая поддерживать в бедном Достоевском пламя неистовой любви, и в итоге чуть не довела и себя и Достоевского до самоубийства...

По злой иронии судьбы Достоевский «немножко опоздал приехать» в Париж, а я – из Парижа. Но в остальном всё один к одному было и у нас. Саша в злые минуты даже самые интимнейшие мучительные для меня подробности отношений со своим Стефаном выплёскивала в разговорах или мэйлах. При

этом, стоило мне набраться сил-решимости и заявить о полном разрыве, о моём уходе из больной ситуации, она прилагала максимум усилий и ласки, чтобы успокоить меня, вернуть, посадить-привязать обратно на поводок своей мучительной любви. В те дни, отчаявшись, я написал ей довольно жестокосердное письмо-предсказание:

«...Я недавно, перечитывая биографию Достоевского, понял-догадался, что ты – Сулова в моей судьбе. И характеристика этой женщины (из письма Ф. М. к её сестре) – точный твой портрет:

«Аполлинария – больная эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она колет меня до сих пор тем, что я не достоин был любви её, жалуется и упрекает меня непрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: «Ты немножко опоздал приехать», то есть что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад ещё горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю её, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: «Ты немножко опоздал приехать».

«...» Я люблю её ещё до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить её. Она не стоит такой любви.

Мне жаль её, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна...

...Ведь она знает, что я люблю её до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не люби, но и не мучай...»

К слову, насчёт «вечно будет несчастна» писатель-провидец как в воду глядел: Сулова профукала свою жизнь, мучилась в отношениях сама и мучила других...

Боюсь, что и ты свою жизнь-судьбу пустишь коту под хвост – умрёшь, как Аполлинария, в одиночестве, без любви, озлобленная на весь белый свет...»

Саша в ответ, пытаясь перечеркнуть-опровергнуть мрачный прогноз, выплеснула убийственную новость: она ждёт ребёнка от Стефана...

По сути после этого наши б л и з к и е отношения, казалось, умерли окончательно: мы стали видеться-встречаться только в редакции, обращаться друг к другу на «вы». Почему Саша, с её-то характером, не уходила из журнала, ума не приложу. Впрочем, как раз из-за своего характера и не уходила. И сама мучилась, и меня мучила. Да и, вероятно, деньги были очень уж нужны. Глухо и обрывисто, как я ни отгораживался, доходили до меня слухи о её жизни: красавчик болгарин, узнав о беременности, тут же окончательно Сашу бросил, вскоре у неё случился выкидыш (уж сам по себе или искусственный – Бог весть), она была в жуткой депрессии, естественно, на работу не ходила, закрылась в свое норе, пробовала пить, был даже какой-то скандал, связанный с милицией – соседи вызывали; мне пришлось звонить милиционеру начальству, улаживать конфликт...

Радости всё это слышать-узнавать было мало. Губила её, конечно, свобода. Ещё в начальной юности, увлечшись в первый раз, она без раздумий ушла из дома вместе с возлюбленным на съёмную квартиру. Родителей её, кстати, я ни разу в жизни не видел. Знал, что живут неподалёку от Литинститута, на Малой Бронной. Отец, довольно крупный чиновник-функционер, служит в команде мэра; мать – домохозяйка. Саша – единственная дочь-наследница в семье. Расставшись со своим первым бойфрендом, она так и не вернулась к родителям, продолжала жить в съёмной однушке у метро «Войковская». Когда однажды я завёл на эту тему разговор, она пояснила-отрезала: мол, она хочет жить сама себе хозяйкой и приводить в свою квартиру того, кого хочет, ни перед кем не отчитываясь...

На часах уже пять. В квартире, что называется, мёртвая тишина. Только чуть слышно всхрапывает во сне Фарисей в углу дивана. Я иду в туалет, потом долго и тщательно чищу зубы в ванной, ещё и сам не зная, – вечерний это ритуал или утренний. Ложится вроде бы уже бессмысленно. Я всё же, потревожив кота, постилаю постель, и, странное дело, едва голова моя касается подушки, я мгновенно проваливаюсь в глубокий тёмный сон. И мне даже ничего не снится.

Будит меня Лидия Петровна – нельзя же столь долго спать: время уже одиннадцать. Я сразу вспоминаю «Животную любовь», мною овладевает какое-то нетерпение, я быстро завтракаю, уединяюсь в кабинете и отправляю sms:

«Привет! Ты уже на работе?».

Тут же получаю ответное:

«Привет! Я тоже на больничном, дома.»

«Приехать можно?»

«Приезжай.»

«Адрес тот же?»

«Тот же. ;-)»

Жене говорю, что еду в поликлинику. Она, конечно, сразу заикается о Гене, но я вполне естественно отмахиваюсь: в это время дня пробки жуткие. Да мне на метро и привычнее. Одеваюсь, выхожу из дома.

Настроение у меня странное: какие-то лёгкие туманные надежды-мечтания кружатся в голове...

VI

– День добрый, Александр Сергеич! – говорю поэту. – Давненько не видались...

Перекрёсток Тверской и бульвара – словно громадный крест из вставших намертво машин. В метро к кассам тоже огромные очереди. Слава Богу, моя карта ещё действительна на три поездки. Загружаюсь с толпой на эскалатор, еду в преисподнюю. Запах-смог шибает густо. Реклама со стен предлагает-навязывает прокладки, колготки, шампуни от перхоти, выгодные до безобразия кредиты...

Надо признать, во времена пятачкового проезда столичное метро выглядело пристойнее и праздничнее. Впрочем, в те времена лично мне и по особой причине славно ездить в подземке: первые мои книги имели без преувеличения шумный успех, так что я часто видел-встречал среди пассажиров своих читателей, склонивших головы над страницами моих романов, меня порой даже узнавали, просили автограф. Никогда бы я не согласился на судьбу, допустим, Майкла Джексона, спасающегося от неистовых толп поклонников за спинами охранников, но вот та моя тихая вполне интеллигентная слава очень даже

приятно грела мне душу. Теперь в метро книг моих не читают и меня не узнают. Да, может, и к лучшему. Признаться, в последнее время я всё более склоняюсь к мизантропии – общение с людьми доставляет мне всё меньше и меньше удовольствия. Если вообще доставляет.

Что-то отвлекает или, наоборот, привлекает моё внимание. Женщина, новая пассажирка, вошедшая на станции «Белорусская». Очень знакомое лицо. Замечаю, что не я один смотрю на неё. Когда до меня доходит смысл ситуации, я еле сдерживаю позывы смеха: ну ведь нарочно не придумаешь! Это – Дарья Донцова. Конечно, она знаменита не только своими ироническими детективами, которые выпекает по штуке в месяц, завалив ими прилавки книжных магазинов, и которые, вот именно, читают в основном в нынешнем метро, но и тем, что постоянно мелькает на телеэкране. Без этого, без телемельтешения, сегодня славы-популярности не завоеешь.

Надо отдать должное госпоже Донцовой, видимо, загнанной в подземный мир своих читателей обстоятельствами, – она не звездится: скромно стоит, держась за поручень, прижимает к боку довольно увесистую сумку, мило улыбается окружающим и с явным состраданием взглядывает на спящего в углу вагона бомжа. И уж совсем неожиданность для меня, когда она, пробираясь на станции «Аэропорт» мимо меня к выходу, вдруг почтительно здоровается, причём взглядом явно давая понять, что меня узнала, хотя мы с ней никогда по литературным делам не пересекались и лично не знакомы. Я спешу ответить на приветствие и тоже стараюсь изобразить всем своим видом: мол, мы с вами, Дарья Донцова, одной крови...

Вообще-то, мне она чисто по-человечески симпатична: преодолела страшную болезнь, не сломилась, не упала духом и не ожесточилась характером. Но вот её «творчество»... Попробовал я как-то прочесть хотя бы одну её книжку, взял у Лидии Петровны – тихий ужас. Я верю, что первые свои «иронические романы», подражая пани Хмелевской, Дарья лепила-выдавала сама, но уже тогда прохвосты-издатели, раскручивая новый бренд, сделали ставку не на качество, а на количество и даже сэкономили на толковом редакторе.

Донцова стала заложницей созданного и раздутого имиджа самой плодотворной романистки современности, понятно, что теперь уже пашет на бренд «Дарья Донцова» помимо неё (если она ещё пашет) бригада литературных негров и литнегрятюнок: о каком-либо авторском стиле и речь не идёт, язык чудовищен, сюжеты, судя по рекламным аннотациям, убоги и нелепы...

Дарья Донцова – дай Бог, конечно, ей долгих лет жизни и здоровья! – как литераторша проживёт-протянет ещё недолго. Канет в Лету так же, как канули до неё уже десятки, если не сотни раскрученных в лихие девяностые авторов вроде Колычева, Абдуллаева, Доценко, Бушкова и прочих; как утонули безвозвратно в той же Лете плодотворные ремесленники пера вроде Ежова, Лейкина, Потапенко, Василия Немировича-Данченко и иже с ними, которых при жизни Чехова ставили в один ряд с ним и даже выше его. Между прочим, и брат Василия, Владимир Немирович-Данченко, оставшийся в истории как один из основателей Художественного театра, тоже баловался писательством и хотя до братца (автора 250 книг!) и не дотянул, но всё же накропал-выдал пять романов, несколько повестей, сборник рассказов, книгу мемуаров и целых одиннадцать пьес... Всё это было издано, поставлено, в большинстве своём расхвалено (даже и Чеховым!). Ау, где всё это?! Где эти талантливые романы «Старый дом», «Мгла» и прочие? В каких театрах идут яркие пьесы «Шиповник» и «Цена жизни», сочинённые в одно время с «Ивановым» и «Чайкой»? Кто читает сейчас остросоциальную повесть «Банкоброшница. Из жизни на фабрике»?

К слову, о фабриках. Конечно, судьбы писательские неисповедимы, и не всё зависит от самого автора. Далеко не всё! Но ведь что-то зависит и от автора. О том же Василии Немировиче-Данченко другой писатель Григорович пронизательно заметил: мол, каким замечательным романистом мог бы он стать, если б вместо 250 книг написал только 5. На моих глазах как наглядный пример начинались, развивались и, можно сказать, окончательно сформировались-определились две писательские судьбы двух моих литературных товарищей. Оба на десять лет старше

меня, рождения предвоенного, вместе, работая в одной газете, начинали путь в литературу, рано начали печататься и издаваться. К сорока годам у первого было издано уже 17 книг, у второго всего 5-6. Казалось бы, первому предназначено идти вперёд по пути славы, а второму плестись в хвосте, в тени его успеха. Но, увы, первый из них умер, не дожив до шестидесяти, и сегодня благополучно забыт; второй, слава Богу, жив-здоровствует и хотя уже давно ничего нового в прозе не пишет, однако ж место живого классика прочно и по праву закреплено за ним, проза его переиздаётся, читается и перечитывается. Думается, теперь, со временем и стало наглядным то, что судьбы свои писательские оба друга-литератора определили-заложили именно в то время, до сорока лет. Один, Вячеслав Шугаев, на потребу дня стряпал одну за другой книжечки типа «Прокатчик Иван Никонов», «Деревня Добролёт», «Кое-что о сибиряках», «БАМ – стройка века» по заказу тогдашних издательств для серий «Письма из деревни», «Письма с заводов и фабрик», «Черты сегодняшней Сибири». А второй, Валентин Распутин, в это время корпел над повестями и выдавал их штучно – «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой». Всего четыре и – стал классиком! Я студентам не устаю повторять: если вы до сорока лет ничего в литературе не сделаете – ставьте на себе, как писателя, крест...

Распутин, к слову, ещё один важный критерий писательской судьбы своим примером подтвердил: после несомненного успеха первых вещей не стал выдавать-штамповать новые повести ежегодно, не разменялся на количество. Жаль, что на чужом успехе мало кто учится. Вон, к примеру, наш раскрученный «немец» Пелевин тужится-выдаёт каждый год хоть по жиденькой, но книжке, размазывая свои первые и несомненные успехи. Или же поляк Януш Вишневский – вполне заслуженно прославился после дебютного романа «Одиночество в сети» и теперь, бедолага, стряпает каждый год по книжке, явно уступающие первой по всем параметрам...

Но, по-моему, особенно наглядно беда эта проявляется в кино. Снял Бортко удивительно конгениальный телефильм «Идиот»,

потряс-порадовал образованного зрителя, и тут же, без передышки вздумал-захотел повторить ошеломительный успех – выдал «Мастера и Маргариту». Увы. А Бортко ещё и «Тараса Бульбу» сварганил-успел – и опять увы. А тут уже, как в плохом анекдоте, опьянённые его прежним успехом доморощенные режиссёры взялись стряпать сериалы по Достоевскому – «Преступление и наказание» с носатым Раскольниковым, совершенно убогие «Братья Карамазовы», сейчас, поди, кто-нибудь и сериал по «Бесам» снимает, стремясь окончательно убить-погасить вспыхнувший было после фильма Бортко всплеск интереса у широкой публики к Достоевскому...

Вообще, вероятно, художнику-творцу надо находить в себе силы и волю останавливаться после несомненного успеха, делать большой перерыв лет в 10-15, как, к примеру, американский режиссёр Джеймс Камерон, дабы накопить силы и материал на новый шедевр. Думаю, если б в своё время такой перерыв сделал Никита Михалков после «Неоконченного пианино», Георгий Данелия после «Осеннего марафона» и даже Эльдар Рязанов после «Иронии судьбы» – их творческие судьбы от этого только бы выиграли...

Два длиннющих перегона пролетели, чуть свою станцию не проскочил.

Саша от метро живёт неподалёку. Заглянув в магазин на первом этаже её дома, я загружаю бутылкой мартини, ананасом и, на всякий случай, пельменями. Хотел было и цветы в киоске прихватить, но подумал, что буду выглядеть-смотреться нелепо и смешно.

У Саши не был я больше года. Ничего не изменилось. Лёгкий поэтический беспорядок: колготки на спинке кресла, раскрытая книга на диване, бокал с недопитым зелёным чаем на столике рядом с ноутбуком. Правда, сама хозяйка не в халатике, а в джинсах и красном свитерке. То и дело встряхивает головой, откидывая чёрный чубчик. По глазам вижу – гостю рада. Чуть расслабляюсь. Мне особенно по сердцу, что мужским духом в квартире не пахнет. Впрочем, может, ещё в ванной наткнуь на электробритву или мужские носки...

– Что с тобой? Ты правда на больничном?

– Ну да, сама себе выписала, – улыбается Саша.

Понятно. Как всегда.

– Ты хоть Иванова-то предупредила?

– Да, уж Иванов-то в курсе.

Тон странный, ну да ладно. Вскоре мы сидим за сервированным журнальным столиком. Вино, бокалы, расхристанный ананас. В кухне булькают в кастрюльке пельмени – очень кстати оказались: в холодильнике у Саши хоть шаром покати.

Выпили мартини, смотрим друг на дружку. Какая-то неловкость, сформированная последним годом, никак не растает до конца. Я не могу уравновеситься. Вероятно, мне не стоило приезжать...

– Ну, как впечатления?

Саша спрашивает вроде бы небрежно, покусывая ломтик ананаса, с размытой улыбкой.

– Знаешь, впечатляет, конечно... Но местами наивно, да и, мне кажется, ты чересчур уж откровенна. Ведь это в полном смысле слова интимные письма... Ведь каждый, кто нас с тобой знает, догадается, что переписка подлинная...

– Ну и пускай! Ты же сам говорил: среди женщин нет великих писателей потому, что они не способны быть в своём творчестве смелыми, откровенными и искренними до конца. Ну вот!

– Ты, что же, и правда хочешь это опубликовать?

– А почему бы и нет. Иванову, кстати, понравилось.

– Ты давала читать ЭТО Иванову?!

– Да, он был первым читателем.

Я жалею, что приехал. Сердце придавливает, дышать тяжело. Господи, как мне хорошо жилось весь этот последний год! Моё чувство к Саше тёплым пушистым клубочком хранилось в сердце, мне было так славно ощущать его там, мысленно поглаживать, вызывая воспоминания...

Но, залпом выпив бокал мартини, я вдруг уравниваюсь. Действительно, взрослый ведь человек, давно уже всё решил-определил: хватит этих глупых ревностей и обид.

– Саша, – говорю я твёрдо. – Ты не обижайся, но в нашем журнале я это опубликовать не разрешу.

– Да кто бы сомневался! – дерзит Саша. – И пожалуйста! Мне Иванов обещал помочь издать отдельной книгой.

Не успеваю я обдумать странную информацию, как настойчиво трещит дверной звонок. Саша с загадочным выражением на лице идёт к двери, открывает, и на пороге я вижу Иванова. В одной его руке распухший пакет с торчащим винным горлышком, в другой – букет цветов.

Немая сцена.

Если кто подумает-решит, что я сразу же ушёл – ткнёт пальцем в небо. Нет, я веду себя вполне цивилизованно. Мы сидим втроем, пьем вино, едим ивановский сервелат и мои пельмени, культурно беседуем. Иванов, чувствуется, поначалу испытал шок не слабее меня. До этого вечера, признаться, мы с ним никогда, помимо работы, особо не общались. Я взял его замом по рекомендации уважаемых мною людей, зная как хорошего добросовестного работника, и он вполне со своими обязанностями справляется. Может быть, впервые в этот вечер я к нему присматриваюсь. Это довольно высокий, хорошо сложенный, лет 50, с густыми светлыми волосами, с белесыми бровями и бритый мужчина. У него вышло штук пять стихотворных сборников, но уже давно понятно и окружающим, и, думаю, самому Иванову, что пиит из него не получился. Может быть, по этой причине самое характерное в его манере говорить – это постоянно шуточный тон... Суждения его всегда резки.

К примеру, в этот вечер заходит разговор у нас о молодом поколении.

– Да, молодёжь нынче измельчала, – вздыхает Иванов. – Ни талантов, ни работать не умеют. Вот уж именно: «Печально я гляжу на наше поколение».

– Да, ужасно измельчали... – соглашается Саша. – Скажите, Николай Степанович, в последние пять-десять лет был ли у вас в институте хоть один выдающийся студент?

– Ты, Саша, – отвечаю я.

Все эти разговоры об измельчании производят на меня всякий раз такое впечатление, как будто я нечаянно подслушал разговор о своей дочери. Или сыне. Я вспоминаю: чеховскому Николаю Степановичу не нравилось в тогдашних молодых то, что они курят табак, употребляют спиртные напитки и поздно женятся. Господи Боже

мой – что изменилось-то? Только то, что раньше всем этим отличались-бравировали именно студенты, парни, а теперь и студентки. Девушки даже перещеголяли парней – процент пьющих и курящих среди них явно больше...

Звонит мой мобильный. Разыскивает-беспокоится жена. Я начинаю прощаться, всячески намекая, что нам с Ивановым в сущности по пути.

– А я ещё посижу немножко, – говорит Иванов. – Позволяете, Саша?

Он весь вечер к ней подчёркнуто на «вы», но пару раз, обмолвившись, тыкал и конфузливо торопился сразу же замять-замазать.

– Позволяю, – отвечает Саша, странно на меня взглядывая.

Оба провожают меня в прихожую, и пока я надеваю дублёнку, Иванов говорит:

– В последнее время вы ужасно похудели и состарились, Николай Степанович. Вы ещё долго на больничном будете?

– Спасибо за комплимент, – кривлюсь я. – Теперь уж, видно, только после Нового года появлюсь...

Мне не нравится выражение глаз Иванова, когда он смотрит на Сашу – в его взгляде я замечаю что-то кроткое, молящееся, чистое...

Не в силах совладать с собой, я уже из дома, поздно вечером звоню Саше на мобильный:

– Он ещё у тебя?

– Кто? – ненатуральным голосом удивляется Саша.

– Эх, Саша, Саша, – говорю я, стараясь придать голосу насмешливость. – Ведь он даже не Иванов – всего лишь обыкновенный Иванов!

– Зато ему всего пятьдесят и он не женатый, – чеканит Саша и уж совсем лишне добавляет. – В отличие от вас, Николай Степаныч!

VII

Проболел я до конца января. То мне становилось лучше, то непонятные приступы усиливались, и я порой даже не мог встать с постели, отлёживался.

В болезни есть один несомненный плюс – можно начитатьсь вволю. Пробовал я и работать над романом своим, но, увы, вдохновение моё тоже, видимо, приболело – дремлет. Читаю-перечитываю я, как всегда, Чехова и Достоевского, а из нынешней литературы предпочитаю, если не для работы, а для удовольствия, – переводную: Харуки Мураками, Джона Фаулза, Чака Паланика...

Конечно, было бы патристичнее читать русских авторов, но, признаться, я не питаю к ним особенного расположения. Исключая двух-трёх стариков, вся нынешняя литература представляется мне не литературой, а в своём роде самодеятельностью, кустарным промыслом, существующим только для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его изделиями. Самое лучшее из кустарных изделий нельзя назвать замечательным и нельзя искренно похвалить его без но, то же самое следует сказать и о всех тех литературных новинках, которые я прочёл в последние 10-15 лет: ни одной замечательной, и не обойдётся без но. Умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно; или, наконец – талантливо, умно, но не благородно.

Я не скажу, чтобы переводные книжки были и талантливы, и умны, и благородны. И они не удовлетворяют меня. Но они не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества – чувство личной свободы, чего нет у русских авторов. Я не помню ни одной такой новинки, в которой автор с первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своею совестью. Один боится говорить о голом теле, сексе, другой связал себя по рукам и по ногам психологическим анализом, третьему нужно «тёплое отношение к человеку», четвёртый нарочно целые страницы размазывает описаниями природы, чтобы подчеркнуть свой патриотизм... Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, а стало быть, нет и творчества.

Литераторы, особенно из молодых, совершенно не берут во внимание, что писать скучно – это привилегия уже ставших знаме-

нитыми писателей. Да, зачастую в нынешних книгах можно встретить много нового и интересного, но... новое в них, к сожалению, не интересно, а интересное не ново. Особенно жуткое впечатление оставляют романы и повести, награждённые нынешними странными премиями, всякими «букерами», «триумфами», «национальными бестселлерами» и прочими. Нелепы уже сами названия этих премий. Смотришь, на обложке рекламу: «Роман удостоен премии «Национальный бестселлер»»; в выходные данные заглянешь – тираж 5 тысяч экземпляров. Ни хрена себе «бестселлер»! Господа издатели даже значения слова не знают.

Современная литература, словно кривое зеркало, переполнена искажениями понятий, несуразностями. Как-то на одном из семинаров на ВЛК перед моей болезнью Олегов попросил слова и, сделав ехидным выражение лица, сказал:

– Помните, Николай Степанович, вы нам зачитывали ряд имён из статьи Куницына двадцатилетней давности?

Я неопределённо пожал плечами.

– Ну вы ещё убеждали нас, что никто из перечисленных тогда прозаиков известным не стал. Простите, конечно, но я нашёл ту статью и прочитал... Вы почему-то не все имена назвали – например, Вячеслава Пьецуха, Леонида Бежина... А вообще в том сборнике больше всех на щит Татьяна Толстая поднималась... – Олегов сделал эффектную чеховскую паузу. – Разве эти писатели не делают сейчас, как вы выразились, погоду в российской литературе?

– Ну, во-первых, я не сказал в «русской», я отлично помню, что сказал – в русской литературе. А во-вторых, вы можете называть произведения, героев этих писателей, которые обогатили бы русскую словесность?

– Ну «Кысь», например...

– Да это не «Кысь», а просто «Гнусь» какая-то! – встряла соседка Олега по столу, Маруся. – Правильно о ней в критике писали: узорчатая, равнодушная, брезгливая к русскому человеку и его истории вещь. А Пьецух твой говённый! Вон на его новую книжку тоже правильная рецензия в «Литературке» недавно была: как писал хрень ни о чём, так и про-

должает писать. Над всем ёрничает, всё оглывывает, себя только любит – самолюбование в каждой строке...

Я молчу.

– А что, – всерьёз насупился Олегов, – всякие там марковы, стадниuki, ананьевы, чаковские, – они лучше писали? Они и в самом деле классики, как их провозглашали?

Да уж, классиками сами себя эти товарищи точно числили-считали – с этим не поспоришь. Общаться с ними было трудновато. А с Чаковским, к слову, мне даже довелось работать в «Литгазете», и как раз в тот период, когда он трудился над своей «Блокадой». Бог мой, что нам, членам редколлегии, довелось вытерпеть: сначала выслушивали-обсуждали замысел, сюжетные ходы этой «бессмертной эпопеи», помогали собирать материал. Когда очередной ворох материалов был собран, Чаковский отправлялся в Дом творчества Дубулты и, слава Богу, там вдали от нас каждый год по два месяца корпел над рукописью, покрывал очередные 100-120 страниц буквами-словами. Причём, опять же, не столько сам писал, сколько диктовал машинистке (классик же!). Ну а когда шеф возвращался, мучения наши возобновлялись: надо было от и до прочесть состряпанное, тратить время на обсуждения, высказывать замечания-советы, пытаться дотягивать рукопись до приемлемого уровня. Александр Борисович, выставив из-под манжета рубашки свой дорожный «Ролекс», которым совершенно как мальчик-сноб гордился, кивал головой, соглашаясь с подсказками...

Человек за свою жизнь способен прочесть всего 4-5 тысяч книг. Всего! И как же обидно тратить время и жизнь на всякую графоманию и халтуру. С возрастом и опытом уже научаешься по первым страницам и даже абзацам понимать-определять, стоит ли читать книгу дальше. Разумеется, дальше двух-трёх страниц я не продвинулся ни в «Сибири», ни в «Войне», ни в «Танках», которые «идут ромбом», но вот их родную сестру «Блокаду» довелось прочесть от и до и даже не один раз. Судьба. (Привет Петру Лукичу Проскурину!)

А тогдашний спор на ВЛК закончился моей примиренческой речью. Я сказал примерно следующее: есть ли смысл срав-

нивать-сопоставлять между собой заплесневевший от старости сыр и какой-нибудь расхваленный рокфор с искусственной плесенью: на вкус нормального человека и тот и этот аппетита не вызывают. Сошли уже с литературной сцены старики-графоманы, провозглашённые при советской власти классиками, их скучнейшие рыхлые эпопеи уже никому не нужны; совершенно искусственно удерживаются на плаву писатели-постмодернисты, стареющие клоуны от литературы, но они ещё интересны (если интересны!) только своей ближайшей тусовке, да и то прежними заслугами – все эти пьещухи-толстые тоже вскоре сгинут без следа. Уже набирает силу молодая литературная поросль России во главе с Захаром Прилепиным. Да ведь Захар – это же Максим Горький сегодня; а его роман «Санька» – это же «Мать» нашего времени! Ну или, по крайней мере, «Андрей Кожухов», если кто помнит Степняка-Кравчинского...

– И у вас, коллеги, – сказал я тогда седовласым взэлкашникам в утешение, – есть ещё шанс заявить о себе в литературе. Пишите смело, пишите искренне, пишите откровенно. И ещё помните-читите завет Евгения Абрамовича Баратынского: *«Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия...»*

VIII

В свет впервые после болезни выхожу я в знаменательный день – 29 января.

Понятно, 150-летие Антона Павловича отмечается не так масштабно, как, к примеру, недавнее 200-летие Николая Васильевича (уж в пику Украине постарались), но всё-таки юбилейная программа получилась насыщенной: пришлось побывать и в Литинституте, и в ЦДЛ, а вечером Lidия Петровна потащила меня в соседний Ленком на премьеру «Вишневого сада». Вернулся из театра с головной болью. Уж лучше бы по «Культуре» старый добротный фильм «Три года» с Любшиным посмотрел или на Первом в «Закрытом показе» новую «Палату № 6» с Ильиным...

Впрочем, нет, про «Палату» я погорячился: судя по рекламным отрывкам, кои дове-

лось увидеть, – это агрессивная самодеятельность ещё почище, чем у Захарова: от Чехова только имя-бренд и основные конструкции сюжета остались...

Бывают страшные ночи, когда бессонница особенно сильно давит-томит, сердце притискивает, и, кажется, что оно стучит с перебоями, тело покрывается липкой испариной, страх смерти неотвязчиво мучает мозги. Обычно, это случается на полнолуние. Вот и в этот раз, вернувшись из театра с головной болью, я ложусь в постель, но, даже не задремав, встаю через час, зажигаю настольную лампу, начинаю ходить из угла в угол. Безотчётный страх охватывает всё моё существо. *Мне почему-то кажется, что я сейчас внезапно умру*. Прямоугольник окна за шторой чётко освещён снаружи, словно на него направлена мощная фара. Я хожу без усталости, сжимая виски ладонями, стараюсь думать о чём-нибудь важном, но мысли обрывочны, бессвязны, пусты. Достать бутылку с мартини я не решаюсь, мне мнится, что алкоголь ускорит какой-то страшный процесс в организме, замкнёт неведомую цепь и вызовет замыкание-катастрофу. Входит бесшумно Фарисей, садится посреди ковра на полу, смотрит на меня, нервно дёргая хвостом, и начинает жалобно мявкать. В такие ночи ему тоже нехорошо. Я подхватываю кота на руки, прижимаю к груди, бормочу:

– Ничего, ничего, старичок... Мы ещё поживём!.. Не дрейфы!..

Фарисей, взбрыкнув, вырывается, вспарывая мне руку до крови, забивается под диван. Я опрыскиваю рану одеколоном, зажимаю ладонью, продолжаю ходить-мотаться по комнате. Наконец, не выдержав, иду в спальню, бужу-пугаю сладко всхрапывающую Лидию Петровну, прошу накапать мне корвалол в стакан. Конечно, я мог бы и сам найти в аптечке пузырёк, но одиночество в такие гнетущие минуты порой просто невыносимо. Жена поднимается, накидывает халат, начинает суетиться, охат и причитать, потчует меня корвалолом, валиолом, нитроглицерином, ставит градусник, измеряет давление, перевязывает руку. Мне становится чуть легче.

Под утро я задрёмаю.

Разбуженная энергия жены по спасению-опеканию родных и близких выливается у неё в решение немедленно съездить в Переделкино к сыну. Проснувшись перед обедом, я обнаруживаю в доме полную тишину и записку в кухне на столе: «Я поехала к Диме. Буду к ужину. Обед в холодильнике: суп в кастрюльке, котлеты с гречкой в прозрачной чашке для микроволновки. Обязательно разогрей!».

Есть не хочется. Даже кофе варить лень. Завариваю растворимый, выпиваю чашку. Подкладываю Фарисею «Вискаса». Возвращаюсь в кабинет. Сажусь на постель. Делать ничего не хочется. Вяло думаю-размышляю: ещё половина субботы, целая ночь, потом бесконечное воскресенье и опять ночь... Скорей бы уж понедельник: Литинститут, редакция, ЦДЛ – в привычной круговерти время помчится быстрее. Включаю компьютер, смотрю почту: среди груды спама и ненужных писем только один мэйл стоит открытия – от Саши. За месяц это уже третье послание от неё, и раза три мы с ней говорили-контачили по телефону. Тон общения установился какой-то странный: шутливо-наигранный, натужный. Вот и на этот раз:

«Счастлива приветствовать Вас, Николай Степаныч! Как Ваше драгоценнейшее здоровье? Вы точно появитесь в редакции в понедельник? А то у меня к Вам есть дело на три миллиона, так что не манкируйте... Очень надеюсь, что Ваши дражайшие и пламенно Вами любимые родные и близкие пребывают в добром здравии и Вас ответно пылко любят. Остаюсь наипочтительнейшим Вашим другом и почитателем Вашего таланта. Пысатэльнаца N.»

Я отвечаю лаконично и сухо: «Здравствуй, Саша! Да, в понедельник в редакции буду. До встречи.»

Голова моя опять наливается тяжестью. Я встаю и начинаю бесцельно бродить по квартире. Гулкая тишина, только изредка скрипнет под ногою пол. Вдруг из комнаты дочери доносятся странные звуки, похожие на рыдания. Я замираю. Что такое? Лера в выходной среди бела дня дома?! Стучу в дверь и, не дожидаясь отклика, вхожу. *Дочь сидит на постели в одной сорочке, свесив босые ноги,*

и, уткнувшись в подушку на коленях, плачет. В эту минуту она мне так напоминает Сашу...

– Ах, Боже мой... ах, Боже мой! – бормочет она. – Не могу, не могу...

– Лера, дочка, – говорю я. – Что с тобой?

Увидев меня, она вскрикивает и бросается мне на шею.

– Папа мой добрый... – рыдает она, – папа мой хороший... Ты бы знал, как мне тяжело!

Она обнимает меня, целует и лепечет ласкательные слова, какие я слышал от неё, когда она была ещё ребёнком.

– Успокойся, дитя моё, Бог с тобой, – говорю я. – Не нужно плакать. Мне самому тяжело.

Я укладываю её в постель, укутываю, приношу в чашке холодной воды. Чем ещё помочь-успокоить, не знаю. Что же я могу сделать? Ничего не могу. На душе у девочки какая-то тяжесть, но я ничего не понимаю, не знаю. Я только предчувствую-догадываюсь, что это связано с какой-то девичьей трагедией, что мне Лера ничего не откроет. Мне остаётся только бормотать:

– Ничего, ничего... Это пройдёт... Спи, спи...

Как нарочно, за стеной у соседей раздаётся вдруг собачий вой, сначала тихий и нерешительный, потом громкий, в два голоса. Я никогда не придавал значения таким приметам, как вой собак, но теперь сердце моё мучительно сжимается и я спешу объяснить себе этот вой.

«Пустьяки... – думаю я. – Влияние одного организма на другой. Моё сильное нервное напряжение передалось Лере, собаке, вот и всё...»

До самого вечера, до приезда жены я не решаюсь больше зайти в комнату к дочери. Она то ли спала, то ли просто затихла. Я тоже почти не выходил из своего кабинета. Но и с Лидией Петровной поделиться заботой о состоянии-настроении Леры не удаётся – жена сразу нагружает новостью: застала она Дмитрия с какой-то девкой, оба в дым пьяные или обкуренные-обколотые, на даче ужасный кавардак, печь полыхает вовсю, того и гляди угорят или пожар сделают. По сообщениям соседей, дамочка эта обитает у Димы уже недели две. Понятно, что Лидия Петровна скандал устроила ужасный, наговорила ультима-

тумов, но вряд ли это кардинально поможет. Короче, выхода нет, мне придётся ехать в Перedelкино...

Еле выторговал себе хотя бы ночь.

Утром, хотя и выехали в десять, всё равно дважды попадаем в плотные пробки. В машине гнетущая тишина. Геннадий, против обыкновения, молчит и из вредности не включает приёмник. Я его понимаю: ни субботы, ни воскресенья. Впрочем, на совесть мою молчанием давит он зря: отлично знает, что получит он свои отгулы и с лихвой. А мне даже и комфортно, что Гена не в настроении. Я вообще, если откровенно, терпеть не могу болтать-общаться по необходимости. Люди, по моему глубокому убеждению, на 99 процентов говорят дурь и глупость. И я в том числе, когда вынужден поддерживать ненужный разговор. Поэтому я терпеть не могу ездить в машинах, находиться с кем-либо в одной комнате наедине или ходить с попутчиками. Самая величайшая тягость на свете – это тягость человеческого общения. Я, конечно, человек вполне адекватный и разговор-беседу поддержать могу, но мне это тяжело, мне это тягостно. Иногда, наплевав на приличия, я могу и взбунтоваться. Однажды, к примеру, на выходе со двора Литинститута меня догнал Олегов. Случился дежурный разговор, что-то по семинару, и я уже хотел раскланяться, как он спросил:

– Вы пешком, Николай Степанович?

– Да, я хожу домой пешком, – вынужден был сознаться я.

– Вот и хорошо, – обрадовался взэлкашник. – Нам же по дороге...

Настроения коммуникабельничать у меня в ту минуту не имелось вовсе, но я, вместо того, чтобы воспротивиться-объясниться, повернулся и, сжав зубы, пошёл. Бедный Олегов не сразу понял-просёк ситуацию, пытался, догнав меня, на первых шагах что-то говорить и спрашивать, но, получая в ответ лишь мычание, тоже замолчал, почему-то упорно продолжая семенить рядом. Так мы с ним в напряжённом безмолвии, сопя, прошагали весь путь от Большой Бронной до угла моего дома на Малой Дмитровке, где я напоследок всё же выдавил из себя с плохо скрытым сарказмом:

– Ну-с, прощайте! Спасибо за приятную прогулку!

Можно представить, что подумал обо мне Олег.

Геннадий в первые дни реагировал на моё отмалчивание, тоже замолкал, а потом у нас как-то так сложилось с ним, что он, не обращая внимания на мою задумчивость, болтал, если у него было настроение, выдавал информацию в пространство, не заботясь, слушаю я его или нет. Иногда, конечно, он выбалтывал и что-то лишнее, ужасно похожее на сплетни, но ведь проще делать вид, что не слышишь, чем пытаться заткнуть рот говорливому человеку. Гена служил в редакции ещё до меня, будет служить, вероятно, и после. У него есть один несомненный плюс, который перекрывает все его недостатки – он водитель от Бога: водит осторожно, ни разу в жизни не попадал в серьёзные аварии, и машина у него всегда в идеальном порядке.

Уже на подъезде к Переделкино Геннадий начинает подавать голос: костерит соседних водителей за нерасторопность, дорогу – за колдобины и наледи. Затем взглядывает на меня в зеркало заднего вида пару раз – значит, жди информации. И точно.

– Николай Степаныч, оно, конечно, всяко бывает, но ведь не каждый же раз. Я, что, отдыхать совсем не должен?

Только я, несколько фраппированный, собираюсь начать оправдываться, как Гена-хитрец проясняет ситуацию, переводит стрелку:

– Я про Иванова говорю.

– А что случилось? – вынужден поинтересоваться я.

– Ну как же! Он уже несколько раз... Да раза четыре точно! Так вот, приказывает после работы везти его и эту, из поэзии, Александру, что ли, к её дому аж на «Войковскую»... А потом ещё и забирать его оттуда часов в десять, а то и в двенадцать и везти домой... Куда это годится? Я что, личный водила ему? Мне же тоже отдыхать надо...

Геннадий ещё долго ворчит, а я не знаю, что отвечать. И вообще, как реагировать. Иногда я Геннадия не понимаю: притворяется он или действительно таков, каков есть? Издевается он или серьёзен? Я, правда, старался не обременять его, но ведь

несколько раз в своё время он и меня возил на «Войковскую»...

Наконец, чуть прихожу в себя и бормочу: мол, завтра же с Ивановым побеседую...

Подъезжаем к даче. Она у нас довольно старая и скромная, но зато своя. Эти несколько деревянных домов тогда ещё на краю посёлка после войны построили пленные немцы – для высокопоставленных советских офицеров. Один достался и моему тестю, в то время генерал-майору. Он вскоре после нашей свадьбы с Лидой умер, дача перешла к нам в собственность по наследству. За что Лидия Петровна не устаёт благодарить Бога. Да и я порой, наблюдая за неутрачивающими битвами своих сотоварищей по литцеу вокруг литфондовских дач, испытываю чувство благодарности к покойнику тестю. А битвы-сражения кипят нешуточные – с компроматами, обвинениями, кляузами, судами и даже кровопролитиями. Недавно вон напали на дачу редактора «Литературки» Полякова, избивали его жену – общественное мнение прочно связывает это с «дачным вопросом», с дискуссиями по этому поводу на страницах «ЛГ». Непонятно, правда, почему пострадал не сам редактор, а его супруга. Переделкино я, грешным делом, не люблю. Особенно вот в это время, на исходе зимы – слякоть, гниль, хмурость. Разговоры про ауру меня раздражают. Ну ходили по этим грязным тропам Пастернак и Чуковский, ну дышали этим тяжёлым воздухом – мне-то какая от этого радость? Особенно смешно, когда писатели-провинциалы, заселившись в переделкинский Дом творчества, ходят по посёлку с блаженными улыбками, вертят-крутят во все стороны головой: приобщились! А уж сам Дом творчества, особенно старое здание с «намоленными стенами», – это вообще убогость. Когда мне доводится там бывать по делам, я всегда ужасаюсь: как могут писатели, люди всё же таки по определению интеллигентные, жить-обитать в такой заскорузлой убогости да ещё и радоваться этому? В прежние времена я бывал раза три-четыре в писательских Домах творчества в Юрмале, Ялте, Коктебеле – там намного приличнее и цивилизованнее сервис, но и то было мне некомфортно. Не понимаю, какое удовольствие может быть от житья и

работы в казённых чужих стенах, пусть и на халяву? Так что, в отличие от сотоварищей, я не плакал, не горевал по украденным у Союза писателей домам творчества. Впрочем, Лидия Петровна моя плакала и горевала: вот она-то как раз обожала ездить и в Ялту, и в Дубулты с детьми...

А вот на нашей даче в Переделкино я, бывало, обитал неделями, особенно летом, в те времена, когда жив был мой сосед Роберт Рождественский – с ним мне нравилось общаться-дружить: человек открытый, без всякой задней складки. Да и поэт не из последних. Он приобрёл-купил свою дачу у какого-то адмирала ещё в шестидесятые годы, так что его вдова и дочери до сих пор спокойно живут в ней. Одного я только не мог понять-уразуметь ни тогда, ни теперь: что связывало Роберта Ивановича с такими людьми, как Евтушенко, Вознесенский или Аксёнов? Ведь совершенно противоположные миры – антимирь...

Дача наша пуста, нетоплена. Беспорядок ужасный: на столе засохшие объедки, пустые бутылки, постель скомкана, в печи гора золы... Не сразу я обнаруживаю на подоконнике записку с прыгающими буквами: «Мама, отец, меня не ищите. Я уехал и больше не вернусь. Начинаю новую жизнь. Прощайте! Дима».

Тупо читаю-перечитываю раз, второй, третий. Осматриваюсь вокруг и зачем-то думаю, что надо продать эту чёртову дачу и как можно скорее...

IX

В среду вечером я несколько неожиданно для самого себя сажусь в скорый поезд и отправляюсь в чернозёмный город Баранов.

В прежние времена в нескольких театрах страны шли инсценировки по двум-трём моим повестям и романам. В последние годы только в одном Московском театре «Отражение» остался-игрался мой спектакль по роману «Пьяненькие». И вот ещё осенью мне дозвонились из Барановского областного театра драмы: мол, вы не возражаете, если мы на нашей сцене поставим «Пьяненьких»? Я не возразил. И вот, пожалуйста, когда я уже и за-

быть успел и в момент не очень подходящий – приглашение на сдачу-премьеру спектакля.

Хотя, с другой стороны, я даже, поразмыслив, обрадовался и откликнулся на приглашение с охотой – дома установилась в эти дни такая гнетущая обстановка, что хоть святых выноси. Лидия Петровна плакала и упрашивала заявить в милицию о пропаже сына, я всячески отбояривался и уверял её, что Дмитрий у нас вполне и даже чересчур взрослый, сам принимает решения, и вообще – покурю-лесит и вернётся...

Меня, честно сказать, больше угнетала Лера: с ней творилось что-то странное, она ни с кем не хотела общаться-разговаривать, взяла больничный, на работу не ходила, дома почти не появлялась – уверяла, что ночует у подруги...

В вагоне я наконец-то чуть расслабляюсь. Хотя терпеть не могу ездить: нахождение в запертом пространстве купе с незнакомыми людьми доставляет мне буквально страдания. Но этот поезд отправился уже в одиннадцатом часу ночи и прибывал в Баранов в семь утра. Так что я, не мешкая, даже толком не разглядев двоих попутчиков, укладываюсь на свою нижнюю полку, отворачиваюсь к подрагивающей стенке и погружаюсь в свой мир. Надо признать, состояние у меня довольно покачивающееся. И дело не только в выпитом перед дорогой мартини и покачивании вагона, но и в совершенно странном происшествии.

Час назад, когда Геннадий мне позвонил-доложил, что подъехал и ждёт внизу, я простился с Лидией Петровной и Фарисеем, ритуально присел на обувную полку перед дорогой, спустился вниз, открыл дверцу машины и остолбенел: на заднем сидении – улыбающаяся Саша.

– Не ожидали, Николай Степаныч? Вот так! Мне поручено проводить вас на вокзал.

– Кем поручено? – глуповато спросил я.

– Кем, кем... Коллективом!

На Павелецком Саша настояла, чтобы Геннадий её не ждал, и мы на какое-то время остались одни. Стояли на перроне, глаза в глаза. Я вдруг стал ужасно разговорчив и велеречив. Взлся рассказывать-хвастать, в какой чудесный город еду (Олегов снабдил

меня обширной информацией), как вообще люблю старинные русские города, где сохранились русский дух и патриархальность...

Саша молчала, смотрела на меня странно и уже у самой подножки вагона, в последнюю минуту сказала:

– Мог бы и взять меня в Баранов на премьеру, – и тут же сменила выражение лица, слегка оттолкнула меня, засмеялась. – Да шучу, конечно. Езжай в гордом одиночестве...

Утром на перроне в Баранове меня встречает целая делегация из трёх человек: директор театра, импозантный крупный господин, представительница областного управления культуры, женщина с удивительно светлой улыбкой на круглом лице, и теряющийся на их фоне (и не импозантный, и не улыбающийся) человек средних лет, лицо которого показалось мне смутно знакомым. Держится он позади и, когда здороваемся за руку, представляется как-то странно: мол, я местный вождь краснокожих. И суёт в руку визитку. Только в гостинице я вижу-читаю: «Клушин Александр Александрович. Прозаик, литературовед. Председатель правления Барановской писательской организации. Секретарь правления Союза писателей России». Я начинаю припоминать. Надо было, конечно, перед отъездом справиться о барановских писателях, ведь по программе визита мне предстояла встреча с ними, но вот закрутился, да и, признаться, презрительный, через губу отзыв Олега о своих сотоварищах-земляках (сплошь бездарь и графоманы!) сыграл свою роль.

Звоню Иванову. Бог мой, ну конечно: в нашем журнале года три назад печаталась очень любопытная повесть Клушина «Прототипы» (её даже в обзоре снобистского «Нового мира» отметили), а позже – замечательная статья «Чехов и еврейский вопрос», та вообще вызвала фурор. Мы даже хотели за эту статью годовую премию журнала Клушину дать-вручить, но как раз Иванов настоял, чтобы премию по критическому отделу в том году мы отдали не малоизвестному провинциалу, а маститому Павлинову за его очередную статью о Тургеневе. Иванов напоминает-сообщает и о том, что этот Клушин недавно выпустил в крупнейшем московском издательстве «Эксмо» энциклопедию «Чехов». Да как же я

мог забыть? Я сразу её купил и, помню, поразился: как смог один человек составить такую полноценную энциклопедию о необъятном Чехове да ещё и где-то в тьмутараканской глуши! А ещё, подсказывает Иванов, в Баранове живут истинные поэты Александр Телятников и совершенно молодая Мария Петрищева – их стихи наш журнал тоже публиковал...

Меня кормят чересчур обильным завтраком в кафешке при гостинице, позволяют отдохнуть с дороги и везут на встречу с губернатором. Это не моя инициатива – избави Боже: губернатор, узнав, что в его вотчину приезжает «литературный генерал», «классик» и редактор всё ещё престижного журнала, сам загорелся желанием на меня взглянуть. У входа в местный Белый дом (назвать его патриотично Кремлём было бы нелепо, ибо здание и в самом деле белое) к нам присоединяется Клушин. Я быстро понимаю-догадываюсь, что мы с ним в какой-то мере близнецы-братья: он тоже избытком общительности и болтливости явно не страдает. И, что тоже бросается в глаза, особого пиетета ни перед столичным литгенералом, ни перед своим генерал-губернатором не испытывает.

Встреча проходит, как пишут в протоколах, в дружеской обстановке. Губернатор убеждает меня, что литературу в области любят, местным писателям загнуть в наши кризисные времена не дают, поддерживают как могут.

– Вон, Александр Александрович соврать не даст...

– Не дам, – скупно улыбается Клушин. – Поддержка есть, особенно на издание книг, – спасибо! Но ведь, Олег Иванович, вы нам друг, но истина дороже: творческих стипендий писателей в этом году лишили? Лишили...

– Ну, а как ты хотел? Кризис! Стипендии у писателей даже вон в Белгороде и Орле отобрали...

– Зато там по-прежнему не только книги местных писателей издают, но и гонорар им выплачивают...

– Ладно, ладно, – всё ещё с улыбкой, но с ноткой недовольства в голосе отмахивается губернатор. – В рабочем порядке решим...

Дальше встреча катится без сучка-задоринки, в конце мы обмениваемся подарками:

губернатор вручает мне шикарный альбом «Храмы Барановской епархии», я ему – свой последний переизданный роман и свежий номер журнала. Клушин, пользуясь случаем, тоже одаривает губернатора презентом – очередным только что вышедшим выпуском «Барановского альманаха».

– А вам, Николай Степанович, – поясняет, – мы в Доме печати наши подарки вручим.

От губернатора отправляемся в Дом печати. По дороге в машине мы сидим с Клушиным на заднем сидении. Молчим. Наконец я спрашиваю:

– Александр, а вы что, прозу перестали писать?

– Почему вы так решили? – удивляется он. – У меня в прошлом году в московском «Голосе» вышел роман «Джулия». Кстати, в этом он уже и в Польше издан, на польском...

– Ну а нам почему ничего не предлагаете?

– Как же... Уже года полтора, как повесть моя «Иск» у вас лежит. Жду. Впрочем, у вас же заведомо прозы сменился...

– Я обязательно выясню-разберусь, – горячо обещаю я. – Непременно повесть вашу опубликуем!

– Ну, Николай Степанович, вы сначала почитайте... Может, и не понравится, – усмеяется Клушин.

Барановская писательская община мне и в целом кажется симпатичной. Правда, в сборе из тридцати всего человек восемь, самых, вероятно, адекватных. К сожалению, Александр Телятников, оказывается, живёт в глубинке, в ста с лишним верстах от города, так что с ним пообщаться не получается, но зато вижу двадцатилетнюю Машу Петрищеву. С ней я уже встречался в Москве и чрезвычайно рад снова увидеть её милое русское лицо, осенённое светом таланта.

Я планировал минут через пятнадцать откланяться, но сидим часа два. Пьём кофе, чай в пакетиках, закусываем конфетами. К слову, я ожидал, что меня станут угощать по обычаю водочкой и заранее хотел отказываться. Потом, в ходе разговора, по шуткам, я догадываюсь-понимаю, что здесь действительно чай-кофе предпочитают водке-пиву. И это поразительно: приходилось в других

городах бывать-бразничать, да и в Москве, куда ни сунься на писательские посиделки, пить начинают с первой минуты и до упора...

Но меня ещё больше трезвости барановских пиитов и прозаиков поражают их оптимизм и энергия: создали своё издательство, выпускают книги, дважды в год альманахи, проводят вечера, презентации, литературные праздники... На голом энтузиазме: ни зарплат, ни гонораров, ни теперь вот и стипендий! Когда наконец Москва примет Закон о творческих союзах? Когда?! Вот о чём они меня пытаются. Что я им могу ответить? Полтора десятка лет проект этого закона гуляет по высоким кабинетам и не принимается: нет, мол, финансовой базы под этот закон, надо искать примерно миллиард рублей. За последний кризисный год, между прочим, миллиардов пятьдесят не то что рублей – баксов нашлось-отыскалось, чтобы количество долларовых миллиардеров в России увеличилось вдвое...

А пока закон не принят, жизнь-существование писателей (художников, композиторов etc.) зависит от благосостояния региона и воли местных вождей. В соседнем Белгороде, к примеру, на писательскую организацию в год официально выделяется около пяти миллионов рублей. Да ведь на самом деле не на писательскую организацию, а на сохранение и развитие-поддержку местной литературы, на культуру, на имидж области! А барановские писатели получили в прошлом году около пятисот тысяч. В десять раз меньше. Хотя и те и другие живут в одной России и входят в один Союз писателей России. Возникает вопрос: почему? Ответ прост как мычание: да ведь Белгородчина богаче Барановской области раз в десять. Что ж, спорить с этим трудно. Но ведь тогда другой интересный вопрос встаёт-назревает: а почему бы тогда барановским чиновникам и депутатам не получать раз в десять меньше их белгородских коллег?..

Были, конечно, вопросы и о Литинституте (Клушин, оказывается, учился на ВЛК в семинаре Павлинова), и о моём творчестве, и о журнале. И здесь я, дабы поддержать симпатичных людей, обещаю, что в одном из летних номеров журнала мы представим своим читателям Барановскую писательскую организацию. А чтобы не было обид, я сам от-

беру рассказы и стихи из двухтомника «Барановский писатель-2010» и трёх последних номеров «Барановского альманаха», что вручил-подарил мне Клушин.

Уже раскланиваемся и прощаемся, когда в писательскую врывается встрёпанная дама неопределённого возраста с горящими безумьем гениальности глазами:

– Хосподи, чуть не опоздала! Чё же мне никто не сказал? По радио, слава Богу, услышала о встрече! Николай Степаныч, я давно хочу с вами познакомиться...

Через минуту я становлюсь счастливым обладателем пяти сборников с автографами и объёмистой рукописи-распечатки новых стихов темпераментной поэтессы, а в качестве бонуса получаю головную боль...

Обедать меня везут в ресторан «Корсар» на Набережной. Клушин с нами не поехал, хотя его и приглашали, и я уже в машине, не зная куда девать пакет с дарёными книгами, вспоминаю, что ни я Александру свой роман не подписал, ни он о своей последней книге не вспомнил. Впрочем, будет ещё время: я обязательно хочу до отъезда познакомиться-пообщаться с Клушиным поближе.

После чересчур обильного обеда с коньяком у меня в добавление к головной просыпается и в боку знакомая томительная боль. В театр я попадаю уже в плохом настроении. Директор, не обращая внимания на мой кислый вид, тащит меня в свой кабинет, где сверкает бутербродами с икрой, фруктами и новыми бутылками коньяка фуршетный стол. Еле отбояриваюсь. Неугомонный директор увлекает меня на экскурсию по театру, начинает хвалиться интерьером и репертуаром. Интерьер и правда впечатляет – в этом роскошном здании размещалось при царях Дворянское собрание. В афише и правда помимо обязательных западных водевильчиков и неперменного Островского значатся-красуются имена и современных русских авторов – Лобозёрова, Полякова, Сигарева, моё...

– Скажите, – для поддержки разговора спрашиваю я, – а почему у вас совсем нет Чехова, тем более в юбилейный год, и местных авторов?

Директор широко разводит руками:

– Да, согласен, утупление. Если честно, на Чехова боимся замахнуться... А вот с местными... Лежит у нас уже три года пьеса Александра Клушина «Город Баранов», очень сильная, но, увы, не можем найти деньги на постановку...

Я благоразумно не решаюсь выяснять-спрашивать, где театр нашёл финансы на постановку Полякова, Сигарева, моей пьесы.

Спектакль, который давали в этот вечер специально для моего знакомства с труппой, – из классики: инсценировка «Села Степанчикова». Зал заполнен едва на треть. Я, конечно, хорошо знаю-помню мхатовский шедевр с Грибовым в главной роли. Когда барановский Опискин с первых сцен начинает вопить-орать во весь голос, топтать ногами и лупить мальчика Фалалея (которого изображает почему-то упитанный артист лет сорока!) кулаком и даже пинать, директор наклоняется к моему уху и с придыханием шепчет:

– Это наш НАРОДНЫЙ! А?! Завтра в вашем спектакле будет играть Михеича...

Мне становится совсем грустно. Признаться, к театру в последнее время у меня отношение сложное. *По моему мнению, театр не стал лучше, чем он был 30-40 лет назад. Он стал хуже. Когда актёр, с головы до ног опутанный театральными традициями и предрассудками, старается читать простой, обыкновенный монолог «Быть или не быть» не просто, а почему-то непременно с шипением и с судорогами во всём теле, то на меня от сцены веет той же самой рутинной, которая скучна мне была еще 40 лет назад. Я помню впечатление от знаменитой сцены Таганковского спектакля, когда Гамлет Высоцкого начинает хрипеть-орать и мотать во все стороны руками, грозя вот-вот их оторвать и забросить в зрительный зал – зрелище более чем странное. Да и вообще, всякий раз выхожу я из театра консервативным более, чем когда вхожу туда. Не знаю, что будет через 50-100 лет, но при настоящих условиях театр может служить только развлечением.*

Лично я, если и хожу в театр, то именно не за катарсисом. Любопытно увидеть в новых ролях знакомых и знаменитых актёров. Ещё лет десять назад я с удовольствием, к примеру, посещал все премьеры в соседнем

Ленкоме, дабы взглянуть на Леонова, Янковского, Абдулова, Караченцова в новых ролях. Не стало актёров, не стало и театра. Экзерсисы режиссёра Захарова мне мало интересны. К слову уж расскажу случай, похожий на анекдот. Лет двадцать с лишком тому Захаров поставил в своём театре спектакль «Школа для эмигрантов» по пьесе совсем тогда молодого автора по фамилии Липскеров. Оно бы и ладно, но Марк Анатольевич заявил во всеуслышанье: мол, он думал, что Россия перестала рождать Чеховых, но ошибся... Самое смешное, что сегодня 45-летний Липскеров (уже на год Антона Павловича пережил!) повторяет эту чушь, опровергнутую временем, без смущения и даже с гордостью.

Ну а зачем я сам решил связаться с театром – этого я вообще не понимаю. Тем более теперь, когда театр в упадке, окончательно деградировал. Одно дело, когда созданный одним тобой мир воспринимается читателем тоже наедине с самим собой, интимно, и совершенно другое, когда над твоим детищем поработал-произведёлся ещё и целый коллектив доморощенных гениев во главе с режиссёром, нашпиговал отсебятиной, самовыразился за твой счёт и результат выставил на потребу целой толпы зрителей, настроение которой зачастую зависит от погоды, состояния луны и реплик двух-трёх недоумков, как это было на ужасном провале премьеры «Чайки» в Александринском театре...

Из театра я, категорически отказавшись от банкета-ужина и явно обидев тем директора, отправляюсь в гостиницу в совершенно развинченном состоянии.

Предчувствие предстоящей катастрофы давит грудь.

Ж

Бессонная ночь изматывает меня.

Тишина давит. В Москве хотя бы шум машин за окном не прекращается круглые сутки. На лице, я чувствую, дрожание жилки – нечто вроде *tic'a*. Боль в боку всё усиливается.

Наконец уже утром за стеной начинает бормотать телевизор. Я встаю, беру обмотанный скотчем пульт с допотопного телеящи-

ка в своём номере, включаю. Внимательно смотрю-слушаю мировые новости (...землетрясение на Гаити – двести пятьдесят тысяч погибших... выборы на Украине – напряжение растёт... провальная Олимпиада... курс евро упал...), затем местные. Среди прочих: «Вчера прибыл в Баранов известный писатель Николай Степанович такой-то. Сегодня в областном театре драмы состоится премьера пьесы...» Очевидно, громкие имена создаются для того, чтобы жить особняком, помимо тех, кто их носит. Теперь моё имя безмятежно гуляет по Баранову. Картинкой к сообщению показывают встречу у губернатора. Я давно не видел себя со стороны: Господи, неужели это я?!

Сижу на неубранной постели, давлю на кнопки пульта, тупо смотрю в экран. В голову лезут нелепые мысли. Почему, думаю я, на всех каналах, в том числе и центральных, реклама крутится местная? Выходит, бедных барановцев местные телевизионщики лишают свободы выбора. Какая же это демократия? Вот я, допустим, житель Баранова, хочу смотреть не местный убогий канал (а их в Баранове штуки четыре) и его примитивную рекламу, а выбрал центральный 1-й или «Россию» – значит, я и рекламу хочу столичную смотреть...

Выключаю телевизор и просто смотрю в стену. Размышляю.

Зачем я, знаменитый человек, сижу в этом маленьком номере, на этой кровати с чужим, серым одеялом? Зачем я гляжу на этот дешёвый телевизор и слушаю, как в коридоре дребезжат дрянные часы? Разве это достойно моей славы и моего высокого положения среди людей? И на эти вопросы я отвечаю себе усмешкой. Смешна мне моя наивность, с какою я когда-то в молодости преувеличивал значение известности и того исключительного положения, каким будто бы пользуются знаменитости. Я известен, моё имя произносится с благоговением, мой портрет был во всех газетах и энциклопедиях, свою биографию я читал даже в одном американском журнале – и что же из этого? Сижу я один-одинёшенек в чужом городе, на чужой кровати, тру ладонью свой большой бок... Семейные дразги, немилосердие креди-

торов, грубость железнодорожной прислуги, неудобства паспортной системы, дорогая и нездоровая пища в буфетах, всеобщее невежество и грубость в отношениях – всё это и многое другое, что было бы слишком долго перечислять, касается меня не менее, чем любого обывателя, известного только своему подъезду. В чём же выражается исключительность моего положения? Допустим, что я знаменит тысячу раз, что я герой, которым гордится моя Родина; во всех газетах пишут бюллетени о моей болезни, по электронной почте и мобильной связи идут уже ко мне сочувственные адреса от товарищей, учеников и публики, но всё это не мешает мне умереть на чужой кровати, в тоске, в совершенном одиночестве... В этом, конечно, никто не виноват, но, грешный человек, не люблю я своего популярного имени. Мне кажется, как будто оно меня обмануло.

Чтобы совсем не закиснуть с тоски, я прополаскиваю себя под душем, завтракаю в гостиничном буфете кофе с булочкой и, поглаживая ноющий бок, отправляюсь в город. Накануне я выторговал себе полдня личного времени, решив посвятить его знакомству с Барановом. Меня уже покатали по его центру на машине, впечатление предварительное он произвёл. Даже хмурость утра и гололёд под ногами, надеялся я, не помешают мне получше разглядеть-узнать и полюбить этот русский губернский центр, в котором я впервые оказался волею случая. Лица встречных барановцев хмуры под стать погоде. Каждый третий болтает на ходу по мобильнику. Ну да это и в Москве так. Впрочем, я не любитель разглядывать людей, мне интересней в новом месте пейзажи и здания. Уже вскоре я выхожу на Набережную, где открывается дивная перспектива: заснеженная река с фигурками рыбаков и лыжников, за рекой темнеет бесконечный лес, вдоль излучины на городском берегу то там, то здесь среди многоэтажек золотятся купола церквей.

Вот где надо жить человеку и дышать полной грудью!

Я редко захожу в церкви. Да и молиться не умею. Однако ж помню-знаю, что атмосфера внутри храма способна успокоить душу, утишить сердечную тоску. При условии, конечно, если не смотреть на лоснящиеся лица

попов и не вслушиваться в их равнодушное бормотание. Я уже совсем было собираюсь зайти в скромную одноглавую церквушку, как вдруг, не доходя до неё, вижу-читаю вывеску на соседнем здании: «Медицинский центр». Рядом на щите – зазыв-реклама: «Томография. Полная диагностика за один час...»

Видно, сам Господь навёл...

XI

Через полтора часа я сижу в своём номере никакой. Я так оглушён, что не в силах даже по-настоящему устрашиться. В голове пульсируют бессвязные обрывки мыслей-дум: «Ну вот и всё... Значит, с тёзкой у нас одна судьба... Кому-то сообщить надо ...»

Вспоминаю, что ни разу за сегодняшний день не звонил мобильник. Нахожу его в кармане и обнаруживаю: утром забыл включить звук. На дисплее сообщение о пяти пропущенных звонках от жены и получении двух sms. Одно сообщение от Иванова, второе от жены. Что ей нужно? Открываю: «Почему не отвечаешь?! Срочно позвони, у нас горе!!!»

Я читаю эту эсэмэску и пугаюсь ненадолго. Пугает меня не известие «у нас горе», а моё равнодушие, с каким я встречаю это известие. Набираю номер, звоню. Лидия Петровна, рыдая, сообщает: у Леры диагностирован СПИД. Я хочу сказать в ответ: «А у меня диагностирован...» Но вместо этого бормочу: мол, может, ошибка, может, всё будет хорошо...

– Возвратись скорей!.. – рыдает в трубку жена.

И правда, думаю я, надо сегодня же ехать...

Потом долго сижу на постели, обняв руками колена, и стараюсь познать самого себя. Самое время подводить итоги. Я экзаменую себя: чего я хочу? (Именно «хочу», а не «хотел» – в прошедшем времени думать-размышлять никак не получается.) Я хочу, чтобы наши жёны, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не фирму и не ярлык, а обыкновенных людей. Ещё что? Я хотел бы иметь помощников и наследников. Ещё что? Хотел бы проснуться лет через сто и хоть одним глазом взглянуть, что будет с наукой, лите-

ратурой, вообще – ЧТО будет. Хотел бы ещё пожить лет десять... Дальше что?

А дальше ничего. Я думаю, долго думаю и ничего не могу ещё придумать. И сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моём желании жить, в этом сиденье на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всём, нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует моё воображение, даже самый искусный аналитик не найдёт того, что называется общей идеей, или Богом живого человека.

А коли нет этого, то, значит, нет и ничего.

Всю жизнь я ставил себе в заслугу, что не интересуюсь политикой, не вступал никогда ни в какие партии. (Позволял лишь порой шуточки в узком кругу: дескать, нами в последние два десятка лет правит президент Горелпут, страна наша стала Горелпутией, а мы все превратились в горелпутов.) Ну а разве Союз писателей – это не та же партия? Тем более сейчас, когда он разделён на несколько СП явно по политическим мотивам...

Я стою посреди комнаты, зажав голову руками. В мозгу утомительно пульсирует фраза-афоризм из «Скучной истории»: «Равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть...»

Мне вдруг вспоминается наш Фарисей. Если б он в сей момент очутился в этой гостиничной норе! Взобрался ко мне на руки, заурчал-запел свою песню, которая действует на меня всегда так умиротворяюще... Поразительно, почему Антон Павлович терпеть не мог котов?

Легкий стук в дверь. Кому-то я нужен.

– Кто там? Войдите!

Дверь отворяется, и я, удивлённый, делаю шаг назад. Передо мной стоит Саша.

– Здравствуйте, – говорит она, тяжело дыша от ходьбы по лестнице. – Не ожидали? Она расстёгивает дублёнку, садится и

продолжает, стараясь не упустить шуточный тон:

– Что же вы не здороваетесь?

– Очень рад видеть тебя, – говорю я, пожимая плечами, – но я удивлён... Ты точно с неба свалилась. Зачем ты здесь?

– Я? Да вот решила... сюрпризом, на вашу премьеру... Не рады?

Молчание. Вдруг она порывисто встаёт и идёт ко мне.

– Николай! – говорит она, бледнея и сжимая на груди руки. – Николай! Я не могу дольше так жить! Не могу! Ради истинного Бога скажи скорее, сию минуту: что мне делать? Говори, что мне делать?

– Что же я могу сказать? – недоумеваю я. – Ничего я не могу.

– Говори же, умоляю тебя! – продолжает она, задыхаясь и дрожа всем телом. – Клянись тебе, что я не могу дольше так жить! Сил моих нет!

Она падает на стул и начинает рыдать. Она закинула назад голову, ломает руки.

– Помогите мне! Помогите! – умоляет она. – Не могу я больше!

В сумочке у неё звонит телефон. Саша судорожно достаёт его, заодно и носовой платок, утирает слёзы, прижимает трубку к уху. Я слышу-узнаю голос Иванова:

– Алло! Ты куда исчезла?!

Саша захлопывает телефон, кидает в сумку. Она хватается мою руку, сжимает, впинаясь ногтями, до боли:

– Скажи! Говори же: что мне делать?

Всхлипы мешают ей говорить.

– Пойдём, Саша, пообедаем, – говорю я, натянуто улыбаясь. – Будет плакать!

И тотчас же я прибавляю упавшим голосом:

– Меня скоро не станет, Саша...

Она не слушает или не слышит.

– Хоть одно слово, хоть одно слово! – плачет она, протягивая ко мне руки. – Что мне делать?

– Чудачка, право... – бормочу я. – Не понимаю! Такая умница и вдруг – на тебе! расплакалась...

Наступает молчание. Саша достаёт расчёску, причёсывает перед зеркалом свою

чёлочку, вытирает потёкшую тушь, подправляет помадой губы.

– Давай, Саша, пообедаем, – повторяю я.

– Нет, благодарю, – отвечает она холодно.

Ещё одна минута проходит в молчании.

– Мне нравится Баранов, – говорю я. – Светлый город.

– Да, пожалуй... Уютный... Я вообще решила: брошу Москву и буду здесь жить.

Я знаю – Саша на такое способна.

– Это ты зря! – говорю я. – Тебе надо жить только в столице и – писать, писать и писать...

– Вы, Николай Степаныч, прямо как Ленин, – язвит Саша и вдруг лицо её кривится, искажается гримасой. – *Это, наконец, жестоко!* Тебе хочется, чтобы я вслух сказала прав-

ду? Изволь, если это... это тебе нравится! Таланта у меня нет! Таланта нет и... и много самолюбия! Вот!

Сделав такое признание, она отворачивает от меня лицо, смотрит в стену.

Я не знаю, что отвечать. Грустно.

Проходит несколько томительных минут. Саша встаёт и, холодно улыбнувшись, не глядя на меня, протягивает мне руку. Рука у неё холодная, словно чужая.

– Поеду домой...

Она идёт к двери, открывает. Я жду, что она обернётся, перед тем как уйти, но Саша не оборачивается.

Я сижу на кровати и слушаю, как в коридоре удаляются-затишают её шаги.

Прощай, мое сокровище!

/2010/

ВАЛЕРИЙ АРШАНСКИЙ

Сестре Шуре

Герёмный путь

РАССКАЗ

Старый двор поначалу замирает от неожиданности, а затем гулко ахает от восхищения. Ещё бы! Озарённая ослепительным летним солнцем баба Дуся ровно в полдень картинно появляется в проёме скособоченной створки щелястых ворот. Перешагнув сбитый порожек, переносит следом за собой тяжёлый клеёнчатый баул. Щепотью, в сборку приподнимает повыше щиколоток неизменную свою темно-синюю ряднину, чтобы не мешала нагнуться. И в поясном поклоне, махнув по земле пятернёй, как веником, – исполать тебе! – сорванным мушкетёрским голосом извещает:

– Драстуйтэ, соседи! Обеззяна прыхала!

Такое явление Христа народу очень хороший признак весёлого воскресенья. А пото-

му ответный гул голосов дружно приветствует виновницу торжества – свою среди своих таких же простых людей, любителей хлеба, зрелищ и поклонников таланта бабы Дуси... Тёти Дуси... Евдокии Ивановны... Кто здесь только и как не называет эту коренастую кремезную женщину с неправильными чертами морщинистого лица – проводницу дальних пассажирских поездов, именуемых ещё курьерскими. А что касается некоторой странности её словесных оборотов, то удивляться не приходится. Во-первых, пошутить, схохмить, от души народ потешить – это для тёти Дуси всенепременное удовольствие и большая радость. (Кто знает, может в ней, не будь нищего детства, великая комическая актриса не хуже Раневской умерла?). Во-вторых... В

этом тихом лесостепном краю, точнее, в посёлке Мелбугор, что сползает улицами, переулками и огородами к южному берегу Дона, до ближайших украинских селений – хутора Стецковки, а там и Юнаковки, Басов, Сыроватки, Боромли Верхней и Нижней, Краснополя – рукой подать. Что говорится, полногтя по карте. И потому на причудливом певучем суржике – крепко заваренном русско-хохлацком словесном кулеше – местный люд ровно столько, сколько помнит себя, изъясняется не испытывая никаких неудобств и дома, и в школе, и на рынке, и в больнице...

Это для приезжего москвича или питерца смешно, когда он слышит от местных, что собака здесь, оказывается, не лает, не гавкает, не брешет, а «скавчить». Бельё не отмокает, а киснет. Булыжник не камень, а «гелик» (не путать с «гелендвагеном!»), пассатижи – «общеньки», ступеньки крыльца – «ганцы», крыжовник – аргус. Про картошку не говорят, что она сварена в мундире, а говорят «бараболя влупень», народ здесь не ходит, а «чапает»... Нужны ли ещё примеры того, как некогда побратавшиеся наследники украинцев – запорожских казаков и российского новгород-северского воинства чукаво «балакають»? Не нравится? Ну что же. В каждом селе есть свои чудачки, где лучше, где хуже, только, всё равно, по-своему причёсанные...

Дружно раскинув руки в стороны, как пропеллеры, с воробьиным писком летят навстречу бабе Дусе самые мелкие граждане Мелбугра. Их шумная возня, толкотня и грай не утихнут до тех пор, пока все птенцы до единого не будут оделены жамочками, пряничками, маковыми коврижечками – привычными сладкими гостинцами, извлечёнными проводницей из кармашков, клочков и закоулочков необъятной клетчатой сумищи – исторического атрибута прежних скупщиков-перекупщиков, звавшихся челноками. Ими же в те достопамятные времена под какой-то плацкартной полкой тёти Дусяного вагона и забытого. Но не пропадать ведь добру!

– Валяй, Информбюро, рассказывай, что на белом свете деется? – с трудом пересиливая глухой утробный кашель (одного лёгкого нет, удалили, и со вторым, видать, не всё ладно) отрывает курчавую голову от шахматной до-

ски худющий, как дрель, обладатель желтоватого, почти воскового лица Вадим Каменчук. Любимец покойного гроссмейстера Крогиуса, с кем он, любитель, состоял в переписке, высылая маэстро такие заковыристые этюды и задачи, которые не могли раскусить с первого захода и признанные «гроссы»... Только это когда было? Ещё до отсидки за растрату, которую любезно подсунули ему, недотёпе, ушлые торгаши с овощебазы... Полез Вадим от денежной безнадёги товароведом в то логово, где с улыбочкой и на тот свет отправят, и сожрут – рот не оботрут. В итоге бандюгам достались немалые гроши за вагон «списанного» винограда, а худым Вадькиным плечам трёхлетнее «гостевание» у кума, потом – пустая хата, жинкой брошенная, истрёпанная меховая кацавейка на вешалке – грей свои лёгкие и в жару, чтоб не знобило, да поездки в областной тубдиспансер, к врачу-пульмонологу, на поддувку. Иначе совсем хана...

– Вадик, та шо нам от тех соседей-злыдней ждать? Теперь они друг с другом воют, – обречённо машет рукой Евдокия Ивановна, незаметно для других подсовывая шахматисту на колени, обтянутые линялым спортивным трико, загодя припасённый кулёк смуглой краснодарской черешни и такой же кулёк желтоватых, малость с зеленцой жердёл, выменянных у знакомой ростовской товарки прямо на перроне по бартеру (баш на баш) – ведро за ведро чёрной мелбугровской смородины.

Мальцом Вадька (Евдокия Ивановна не забыла) хорошие стихи сочинял, доси одно в памяти её задержалось, не уплыло:» А у нас на родине жук жужжит в смородине»...

Вадим благодарно кивает соседке, стараясь так же незаметно переложить оба пакета в карманы полосатой больничной пижамы, принакрытой старенькой толстовкой-безрукавкой.

– Соседи, соседи... На кой кий сдались они тебе, те соседи? – угрюмо бормочет вечный партнёр Вадима по шахматам, депутат райсовета Блинер Яков Аронович, лысый ловелас и в свои шесть десятков с хвостиком. – Хай они хоть перегрызут там друг друга, бычки благодарные, – с силой клацает он по кнопкам шахматных часов, играя в блиц-пятиминутку...

Вадим, уклоняясь от спора с дворовым пустобрехом, лишь слабо улыбается, неопределённо поводит густыми бровями и пожимает плечами, мимикой отвечая участливо качающей ему головой Евдокии Ивановне: «Да ничего, тётя Дуся, прорвёмся...» Скорее бы только она отошла от стола, чтобы не видела, какими сгустками мокроты отплёвывается после затяжного кашля выросший на её руках Вадька. Которому только она одна из всего их двора на два десятка семей письмишки посылала и посылочки отправляла в ту мордовскую колонию, куда загремел на целых три года этот составитель изящных шахматных этюдов и остроумных шахматных задач...

– Ой! Тётечка Дусечка! – вызвав снисходительную усмешку Якова Ароновича, издали кричит проводнице звезда эстрады Любовь Щеглова, заученно делая напомаженные губки гузочкой для смачного поцелуя и по-дамски вскидывая холёные, не тронутые загаром руки.

В школьные годы Любкин ровесник Вадик Каменчук то брэнчал по вечерам на гитаре под её окнами разные мотивы, приглашая одноклассницу на свидания («Хвастать, милая, не стану, знаю сам, что говорю, с неба звёздочку достану и на память подарю...»), то, хватанув с друзьями стакан-другой вермута или «Червоного мицного» («червивку»), орал под её же форточкой: «Люба, слезь с дуба, гад буду...» Дальше из уст отрока лилось нечто совершенно невообразимое, не приличное. Увоенное, наверное, всё на тех же вечерних внешкольных дворовых уроках под водительством старого красноного кролиководы по кличке Волоокий. Про которого что только не говорили; вроде и дезертиром он был в войну, и предателем, а кое-кто добавлял, что полицаем, за что и отсидел десяточку в Магадане... Сам Волоокий, кроме как с юнцами – пацанами к вящему неудовольствию их родителей ни с кем не общался... Только – приходится повторяться – с подростками и белошёрстными да серошёрстными (одни на шкурки и пух, другие на мясо) кролями – великанами в клетках. У которых глаза всегда налиты такой же сочной алой краской, как нос Волоокого. «Кто в клетке зачат, тот по клетке плачет»...

– Тётечка Дусечка! – трижды почмокав воздух вокруг подпечённых солнцем и ветром, посечённых морщинками щёк проводницы Любовь Николаевна Щеглова, как и положено заведующей поселковым ДК «Космос» – вся в мареве поддельных духов «Шанель» – вплотную прикикает к лицу соседки, желая нашептывать ей в ушную раковину нечто сугубо дамское, интимное, сокровенное... О чём может догадываться разве что усиленно изображающий сейчас глубокое раздумье над партией Яков Аронович – густо заросший жёстким чёрным волосом пузан в майке с широкими, надёжно поддерживающими брюхо-бурдюк шлейками.

– Я это... – вскользь простреливает бугристый затылок Ароновича чем-то чуток смущённая юношеская пассия Вадьки Каменчука. – Я, Дусечка, посудку там всю твою перемыла, постельку заправила, простыночку я приносила свою... Ты это... – опять пролетают трассирующие пули мимолётного взора по касательной к Ароновичу, – ты ключики свои заведи под дверочкой, а конвертик лежит на этажерочке...

Возмущённый взбрык негодующей «Дусечки» – какой ещё конвертик? – Любовь Николаевна нежно гасит тесным прижатием соседки к груди и всё тем же томным шёпотом: «Да не мои это денежки, его... А уж при его-то доходах...», – одними губами поводит в сторону невозмутимого Ароновича Любушка-голубушка... – В общем, возьми, и купи, пожалуйста, мультисок Анечке, она после школы – ну да, дневное пребывание, у тебя пусть останется, заночует... Я ей говорила, она знает... Витька мой в командировке, до среды. Дусечка, чао! Пока!!!

Артистичной походкой – узкая талия, нога от бедра, высокая грудь вперёд, зелёная чалма-косынка, едва прикрывающая густую копну тёмных волос, вьётся по ветру, туго чувствуют себя под узкой красной юбкой полные бёдра и округлые колени – в итальянских зеркальных очках пересекает двор по диагонали истинная Баядерка, Юдифь из «Песни песней», она же Медея – Любовь Щеглова. Дама в самом расцвете сил и женской красоты, очарованием своим вызывающая у одних мужчин вполне понятный прилив неистового желания быть с ней рядом, у других парок-

сизмы неутолённой страсти, у третьих спазмы зависти к тем, кто, в отличие от них, немощных, может... Что там говорить. Красотка!

Доолго, очень долго смотрит ей вслед затуманенным взором получивший мат за просрочку времени, но нисколько не расстроенный этим обстоятельством Яков Аронович Блинер. Очень искусный в своё время закройщик, мастер пошива верхней дамской одежды и демисезонных пальто из накрывшегося в перестройку медным тазом ателье «Заря».

* * *

– Дед, слышь, дед! – отрывает Якова Ароновича, пересевшего за стол доминошников, гнусавый голос внука – Яшки. Сильно косящего обоими глазами толстогубого пузанчика-семиклассника, статью своей, походкой, манерой пускать пузыри слюны изо рта в минуты спора удивительно напоминающего патриарха семьи Блинеров – активного депутата райсовета.

– Что, счастье моё, что у тебя случилось, шее мазл мой дорогой? – бодро откликается на трубный горн внука готовящий триумфальную концовку в «морского» Яков Аронович, крепко сжимая в потных ладонях два дупеля – шестёрочный и пусто-пусто. Будет сейчас финал оптимистической трагедии этим босякам, братьям-бульдозеристам из соседнего подъезда, затеявшим игру с самими grossмейстерами – Блинером и Каменчуком! – улыбается про себя бывший закройщик из Торжка. – Говори, Яша, я тебя слушаю.

– Слышь, дед, я жрать хочу!

– Так в чём дело, Яшенька? – тут же откликается добрый дедушка. – Возьми батончик в хлебнице, намажь маслом из холодильника, и присыпь сахарком. Я приду – будем обедать...

Всегда подозрительно косящееся на род людской и заходящее солнце толстогубое «счастье» исчезает на какое-то время за дверным пологом из плотной шторы, закрывающим доступ в жилище злым мухам. Но и пяти минут не проходит, как этот разбойник с лукавым ликом Савелия Крамарова появляется вновь. И душераздирающим криком «ДЕЕД!»

оглашает и свой, и соседний дворы. Горластому внуку почему-то кажется, что без такого отчаянного вопля grossфатер его не услышит. Понятное дело, внук абсолютно не прав.

Да, после пары камней, выставленных этими не такими уж дуралеями-братьями положение в змеящейся ленте костяшек заметно изменилось. И теперь уже «grossмейстерам» надо думать что сделать, чтобы самим не попасть в чудную... М-да... Этот стон у них песней зовётся...

– Яша, ты что хочешь? – сух и официален голос деда.

– Нашёл я булку и масло. А дальше что?

«Вроде ж и не debil, а задаёт такие вопросы» – недоумевающе переглядываются братья-бульдозеристы из аварийно-восстановительного поезда, которым даже в киоск за сигаретами выход со двора запрещён без разрешения бригадира, постоянно держащего телефонную связь со своим отрядом. А вдруг, не дай Бог, авария, сход локомотива или вагонов с рельсов? Каждая секунда дорога!

– Так возьми мой нож и намажь масло, – поворачивает не очень-то довольное лицо к внуку дедушка. И вновь утыкается взглядом в проблематичную концовку при «шесть-пусто», когда у каждого из партнёров остаётся по паре костяшек на руках...

– А ножа со штопором нету! – миг спустя злорадно выкрикивает с верхотуры деревянной лестницы Яшка, у которого один глаз на Кавказ, а другой на Север. – Ты его вчера вечером с собой брал, когда шёл к тёте Любе...

Обомлевший двор замирает в ожидании развязки: что теперь-то будет? Гром? Гроза? Молния?

Но нужно знать старого закройщика, обшивавшего и самых капризных дам из горкома и горисполкома...

– Яшенька! – спокойно оборачивает обнажённый торс (только загривок стал малиновым) дедушка к внуку. – Если нет в доме ножичка, намажь, пожалуйста, масло своим поцем!

От хохота обитателей двора дрожат ступени на лестнице, скрипит жестью крытая крыша на Щегловской голубятне, и даже вывешенное на просушку старым пьяницей Волооким исподнее бельё на скрученной уз-

лами верёвке и то, кажется, подрагивает от смеха. Ну, Аронович, ну, бес, ну, скажет, так скажет, чтоб он здоров был!

* * *

И в кого только уродилась Анечка такой рукодельницей? Ты посмотри: на участке пришкольном полдня отработала – и копали детки там что-то такое с учительницей, и сажали чего-то, и поливали... А к бабе Дусе пришла – не жалуется и не хнычет, сразу же понеслась помогать ей по дому. Мусорное ведро бегом вынесла, полы притёрла, мебель на место расставила, теперь давай, бабуль, я тебе волосы покрашу. Парикмахер так не обрабатывает все проборчики до единого, как Анечка. И это – пятиклассница!

Вместе они потом славно поужинали, насмеялись над Анечкиными школьными историями – девчончке и порассказать-то их некому: папа по неделям в разъездах своих, как бурильщик артскважин, а домой приезжает – или на голубятне торчит, как мальчишка, или дыры в сараюшке да погребу латает. Мамуле тоже некогда: в клубе каждый день репетиции, смотри, фестивали... Или с этим вечно полуголым – как ему только не стыдно так ходить – Яковом Ароновичем выкройки да ткани у Щегловых дома, пока папы нет, допоздна обсуждают, то и дело на неё, Аню, поглядывая, не пора ли, мол, детка, тебе на боковую? А то она не понимает такие взгляды...

Набегавшись за день, в охотку наплевавшись под тёплым душем, светлослая голубоглазая девочка – вот тоже вопрос – родители-то оба темноволосые, черноглазые, а она? Ну, ладно. Что тут копать... Уставшая Анечка спит сейчас в горнице бабы Дуси на лучшей в её доме – пуховой перинке. Спит сном праведника, тихо посапывая и улыбаясь во сне чему-то своему, ей одной понятному, ей одной приятному. Полюбовавшись румяняньким личиком ангелочка, баба Дуся прикрывает ноги Анечки поверх одеяла ещё и старенькой своей форменной шинелкой, доставшейся ей в наследство от мамы – тоже проводницы, только войсковых эшелонов, тихонько сгоняет с кровати заупрямившегося

Барсика, старого лежебоку, всегда готового разделить ночлег на перине с кем угодно и когда угодно. И на цыпочках, крадучись, пробирается в свой закуток к зеркалу, расчесать перед сном сохранившие прежнюю густоту, но утратившие некогда каштановый цвет, теперь уж словно посыпанные крупной серой солью коротко стриженные волосы.

Сверху над овальным зеркалом смотрит мимо неё, в пространство затянутый в морской бушлат Юрашка. Как он там именовался-то в письмах с флота – старшина второй статьи третьего года службы? Стал ему роковым тот год, когда сутками напролёт выло скорбные песни и марши радио, прерываясь только для извещений о затонувшей подводной лодке, с которой не удалось спастись никому. Вот и не зарекайся. Вот и не строй никогда планы счастливой семейной жизни, как строили они в том шалаше на правом берегу Дона, когда Юрке дали аж полтора месяца отпуска. Достроились... Кто знает теперь, где, на каком дне морском покоится тот бушлат Юрочкин... И кто знает, жива ли – нет, мама его, Татьяна Владимировна, в тот же месяц продавшая за бесценок свою квартиру Волоокому и укатившая отсюда, куда глаза глядят. Говорили, к сестре, в Кострому, что ли, или в Калугу... О внученьке родной, Ирочке, так и не узнала. А Ирочка всегда, как приезжает сюда, на Мелбугор, интересуется бабушкой Таней, пыталась даже разыскать её там, в Москве своей, через какое-то адресное бюро, где всё про всех знают. Вот неизвестно только, нашла ли? Надо будет, не забыть, как приедет доченька проведать мать – спросить...

Дрёма после длинного дня, когда раннее утро с медным пятакм восходящего солнца пришлось встречать ещё на колёсах, а с обеда до позднего вечера кружиться в хороводе неотложных домашних дел – стирка, уборка, готовка, штопка, кормёжка Анечки – одолевает неотвратимо, накатывает, как морская волна. Никуда от неё не деться. Да тут ещё вначале робким детским лепетом, а затем уверенными оркестровыми кастаньетами зашумел – забарабанил по оцинкованному жёлобу, свесам, крыльцу, а следом – по козырьку над входной дверью обильный летний дождь. И вскоре принялся в голове уставшей донельзя

проводницы монотонно стучать-перестукивать щёлк – пощёлк – перещёлк – привычный говор вагонных колёс со скрежетом невидимых путевых стрелок. Понеслась перед глазами сутемь дальних дорог, серая пелена лесов, перелесков, осиновых и берёзовых посадок с пролысынами полей и большаков, где ровно на один миг воровски блымнет и тут же погаснет то ли огонёк автомобильной фары, то ли маячок шгламбаума у переезда, то ли чей-то костерок обочь низкорослого ольшаника, на поляне...

Огромное – преогромное оно, государство российское. В какую сторону света по нему не кати – везде сотни километров не распаханых полей, давно ждущих раскорчёвки садов, лесов, пустошей, повсюду осиротевшая земля, где могли бы вырасти сказочные города, элитные дворцы, скоростные автострады. Но кому оно всё нужно при нашем-то несметном земном богатстве? Разве что мечтателям-японцам, что ни год страдающим от очередного стихийного бедствия, землетрясения или цунами...

Вагон то плавно плывёт по бархатному рельсовому пути, недавно, видимо, перестеленному на продолжительном расстоянии, то ревёт, рыдает и плачет на том позабытом перегоне, где никогда не прокатится ни один правительственный состав... А пассажиры, безмятежно вверив свои души и багаж машинистам локомотива да толстой тёте-проводнице, к странностям речи которой сразу не привыкнешь, спокойно спят. Хотя некоторые вон беспокойно ворочаются, всхрапывают и даже просыпаются, чтобы опять тут же смежить очи и окунуться вновь в жарковатое, липковатое марево поездного забытья, далёкое от домашнего уюта. Иные, сонно покачиваясь, встают и направляются враскачку по неотложным делам – кто в тамбур перекурить, кто к титану за кипяточком, кто в приплясывающий от тряски туалет. Есть и такие, которые никуда не идут, а усевшись поудобнее, примостившись в уголочке на нижней полке, пристально всматриваются в не зашторенные окна, пытаясь рассмотреть что-то за толстым двойным стеклом, хотя, спроси их вот так, напрямую, он им нужен, тот залитый дождями уличный пейзаж, где темь – хоть глаз коли? «И я вам не отвечу»...

Особая категория поездной братии – полуночники, шатуны, люди, которые не заснут в вагоне нигде и никогда, будь то шикарный комсостав Москва-Одесса, либо лихо мчащийся «Сапсан», что уж говорить о провинциальных тихоходах – Воронеж-Киев или Тамбов-Новороссийск с их чих-пых остановками у каждого столба... Зато в таких вагонах и среди такого плацкартного сословия, как нигде и ни у кого рождается лучшая в мире атмосфера поездного братства, полного доверия, предельной откровенности. И разговоры там ведутся такие, которые под самым глубоким шофе не расскажешь ни свату, ни брату, ни куме, ни куму, ни закадычному другу, ни подруженьке... Правит бал извечный закон дороги, который превыше даже вердиктов Верховного Суда: ещё час-другой и всё, пожелав друг другу счастливого пути пассажиры расстанутся, чтобы не встретиться больше в жизни никогда, ни на каком перепутье, ни на каком перекрёстке, но с благодарностью сохраняя в памяти тот душевный порыв, ту историю, которую доверил тебе случайный попутчик, ставший на время самым близким, самым кровным твоим родственником.

* * *

– Всю блокаду я в Ленинграде вынес. Было во мне тридцать кило, веришь? Да, кожа да кости. Да, завод Сталина, снаряды. Кто укладывался у станка в перерыв вздремнуть, а мы с дружкой по цеху шлялись, окурки собирали, хоть на одну папироску. Газетку мокрую найдёшь, высушишь, потягиваешь... А что? На двадцать таких же шкетов две концентратные пачки гороха, триста грамм хлеба пополам с лебедой или с опилками, кружку хвои растопишь – кусочек сахара только облизнуть, он тебе даден на две недели... В общаге спишь не раздеваясь, не то примёрзнешь к сетке... Вот тебе и 42-й... Потом на минный заградитель «Марти» взяли, сначала склады охраняли на Ханко, потом ставили мины у финских берегов, обстреливали Пушкин, Вороново крыло. Ну, как обстреливали: пять минут беглый огонь и скорее домой, на базу, в док, иначе

фриц нас самоих накроет... Прорубь для населения на Неве держали, все ж там старики квелые, полуживые, еле ходят, нет у них сил переступить, перейти канавку, а вода нужна... Гроб их мать, фашистов!!!

* * *

– Да я с девяти лет с пчёлками, от дядьки науки этой научился. Директором совхоза стал – меня трижды судить хотели, было дело, и с партии хотели попереть, а я им показатели – вот они, таких показателей по всей губернии накося-выкуси. Понял, нет? Пчёлки-то у меня не традиционные. А потому. Я кавказскую пчелу на гречиху нашу не привозил, наоборот, сам туды к ним ездил, пасеку возил и в горную Кабарду, и в долины Нальчика... Задницу никому не лизал. А чудак я такой был: всем своим специалистам первым делом жильё, вторым делом телефоны поставил, хоть ты где днём будь, то не моё дело, а вечером, в пять часов планёрка – отчитайся за результат. И ты мне горбатого к стенке не вылепишь, раскушу враз и выгоню с треском. Лучше сразу сам покайся, я на первый раз прощу. Наливай! Если б не та практикантка, мерифметика... Всю жизнь мне она сломала... Эх!

* * *

Да что вы, милая, вы же воцерковленный человек и такие рассуждения? Как раз и ошибается тот, кто считает, что пост это лишь воздержание от пищи. Истинный пост, матушка, есть удаление от зла, обуздание языка, а он распушен сейчас у многих человек сверх всякой меры, это отложение гнева, укрощение похотей, прекращение клеветы, лжи и клятвопреступлений, это я вам, как священнослужитель говорю. Пост это уничтожение смерти и освобождение от гнева, вот как надо его понимать. Чаще приходите в храм, что-то я среди прихожан вас редко вижу...

* * *

А вы сами в их школьную столовую давно заглядывали? То-то и оно. Со своим родительским комитетом и загляните. Воруют повара напропалую, ничего не боятся. Я раз зашла, попробовала. Там коклеты – ливер, сухари да лист капустный, а супчик, вообще, смерть Наполеона, один хрящ да рыбьи косточки плавают... И деточек наших этим пойлом потчуют... Я поварихе так и сказала, нехай моя слеза будет первая, а твоя вторая – отольётся тебе за воровство-то...

* * *

Гуляли мы с внучкой в прошлую субботу за мостом, есть там такая чудная поляночка для туристов. Смотрю, что это: стоит аккуратенькая поленница в мой рост, в ней чурочки лежат напиленные, сверху плёночкой всё укрыто и клапан картонный прикручен. Читаю, а на нём написано: «Мужики, это вам на костёр. А вы нам накиньте по сотенке на телефон: трудилась! Санёк. Серый». И два номера их телефонов. Ну как? Вот вам и совесть не утраченная!

* * *

Муж ваш спит, мы ему не помешаем? Да я тоже полуночница. Чайку? Хоть и вредно на ночь, но, давайте! Татьяна Владимировна меня звать. Мария Васильевна? Очень приятно. Нет, не домой, погостить еду. Не знаю только, как примут... Сложная история. Я в том посёлке и родилась, и выросла. Дочь поднимала. А у соседей наших девочка, студентка пединститута, в такую историю попала... Сошлась с преподавателем вуза, всё от всех скрывала, пока не пришла пора рожать. А отец её – ну это суший деспот, Ванька Каин. Забойщик скота на мясокомбинате, можете себе представить... И доченьку свою измордовал он смертным боем, выгнал, куда глаза глядят. Она, бедняжка, родила чуть ли не на пороге больницы девчоночку. Девчоночке и десяти дней не исполнилось, а мамочка эта пишет отказное на ребёночка и исчезает

совершенно. Где, что, как – никаких следов и никаких концов... А девочка – ангелочек, глазки голубенькие, ручки пухленькие, как ниточками перевитые, кроха совсем, а улыбка невозможна какая...

Что делать? Ребёнок-то растёт, ему родители нужны. И тут моя доченька проявляет чудеса героизма. У неё-то самой с муженьком никак это самое дело не ладится, хотя прошло семь лет как они в браке, впору уж разводиться – не даёт им Бог ребёночка и всё тут. Тогда Любаша моя и решается на такой подвиг, причём, голубятнику своему заявила: с тобой или без тебя, а эта девочка будет в моём доме! Тому куда деваться, согласен, мол, действуем!

Мы ничего, не громко разговариваем? Ваш супруг крепко спит... Ну-ну...

Растёт у них лапуля год за годом умничкой – разумничкой, всё же гены того биологического папы – профессора или доцента, кто уж он там был, сказываются. И Витя – зятёк-то – про голубей и дружков своих позабыл. Скажет, бывало, Анечка, я мандарины хочу, а она, действительно, как-то с простудой лежала, мандаринчики захотела, – Витенька среди ночи к продавщице на Мелбугор бегал, умолял на коленях лавку открыть... Притащил мандарины! Сам как ребёнок радовался.

Но у нас же, как, без ложки дёгтя нигде не бывает. Возьми да бухни какой-то доброхот в Анечкином классе, а твоя мама, мол, тебе не родная, и ты у них приёмная... Что-то такое злой мальчик от своих папаши да мамы прослышал и ей выложил. Анечка еле-еле домой приплелась, слезами вся заливаётся, спрашивает, мама, это правда? Люба не знает, что и сказать, не готова была, думала, позже всё как-то само собой откроется, образуется, а оно, видишь, раньше срока-то известие выскочило... Утешает она доченьку, как может, наветы, мол, это, сплетни, дурной сказ да чёрный сглаз... А ребёнок глазки на неё поднимает (Люба говорила, прям, снопы света брызнули на неё в тот момент, как с иконы) – и говорит: «Мама, а вот если бы тебе сказали – постриги косы или дочку потеряй, ты бы что выбрала?» Представляете, девочке девять лет и так рассуждает... Люба перед киотом на коврик стала, говорит, Анеч-

ка, доченька моя, вот, перед святыми образами клянусь, если мне скажут ходи всю жизнь лысая, только чтобы ты была живая и здоровая, я и секунды раздумывать не буду, тут же сама наголо постригусь...

Анечка наутро альбом с фотокарточками в ранец взяла, в свой класс потащила: «Вот, смотрите, смотрите, это я в коляске, это папа со мной, а вот мама, видите, видите»... Потом был школьный концерт в честь Восьмого марта. Анечка – такая нарядная вся, с бантиками, сияющая, вышла на сцену, Любочке улыбнулась, да как запела «Ридна маты моя»... Ой, что в зале творилось... Где тут мой носовой платочек лежал...

Ну, мне скоро выходить, Мария Васильевна... Спасибо вам, дорогая, так мы попричастествовали с вами, что я и дороги не заметила... Счастливо вам добратся...

* * *

– Граждане пассажиры! Скорый поезд сообщением Москва-Воронеж прибывает на нечётный путь второй платформы. Будьте осторожны. Повторяю...

Подхватившись на тесном диванчике, Евдокия Ивановна вскидывается в полуобморочном состоянии: да как же это она проспала конечную остановку? В жизни такого не было... Ищет суетливо и не может найти «патронташ» свой брезентовый с тремя «светофорными» флажками... А юбка где, а китель?...

И обмякает. И переводит сбитое дыхание. И укоризненно качает сама себе головой. А перед ней на домотканом половичке, дерюжке, в её, бабы Дуси, форменном прикиде – китель с галунами да фуражка с лакированным козырьком – стоит, сложив у рта ладошки рупором, и хохочет «вокзальное радио» – проказница Анечка. То самое видение из путаного сна...

– Анютка! Ой, Анютка, ну ты меня и напугала! Ну ты и артистка, – то запахивая, то распахивая ворот ночной сорочки посмеивается над недавним своим страхом Евдокия Ивановна, разделяя закатыстый девчоночий смех... – Как же ты изобразила тут всё... Анют, а бабушка твоя, что, правда, приехала?

– Какая бабушка? – солнечными бликами полны синеющие глазки Анечки. – Ты моя бабушка, какая есть ещё?

– Ну да, ну да, приснилось мне тут такое, – досадливо машет рукой баба Дуся...

– Вот! Сама мне говорила, не надо плохие сны запоминать, – назидательно грозит пальчиком Анечка. – Я, например, теперь никогда сны не запоминаю. И Настя, что со мной за одной партой сидит, тоже... И Кристина... Вставай, бабушка, подъём! Кто мне вчера греночки обещал зажарить?..

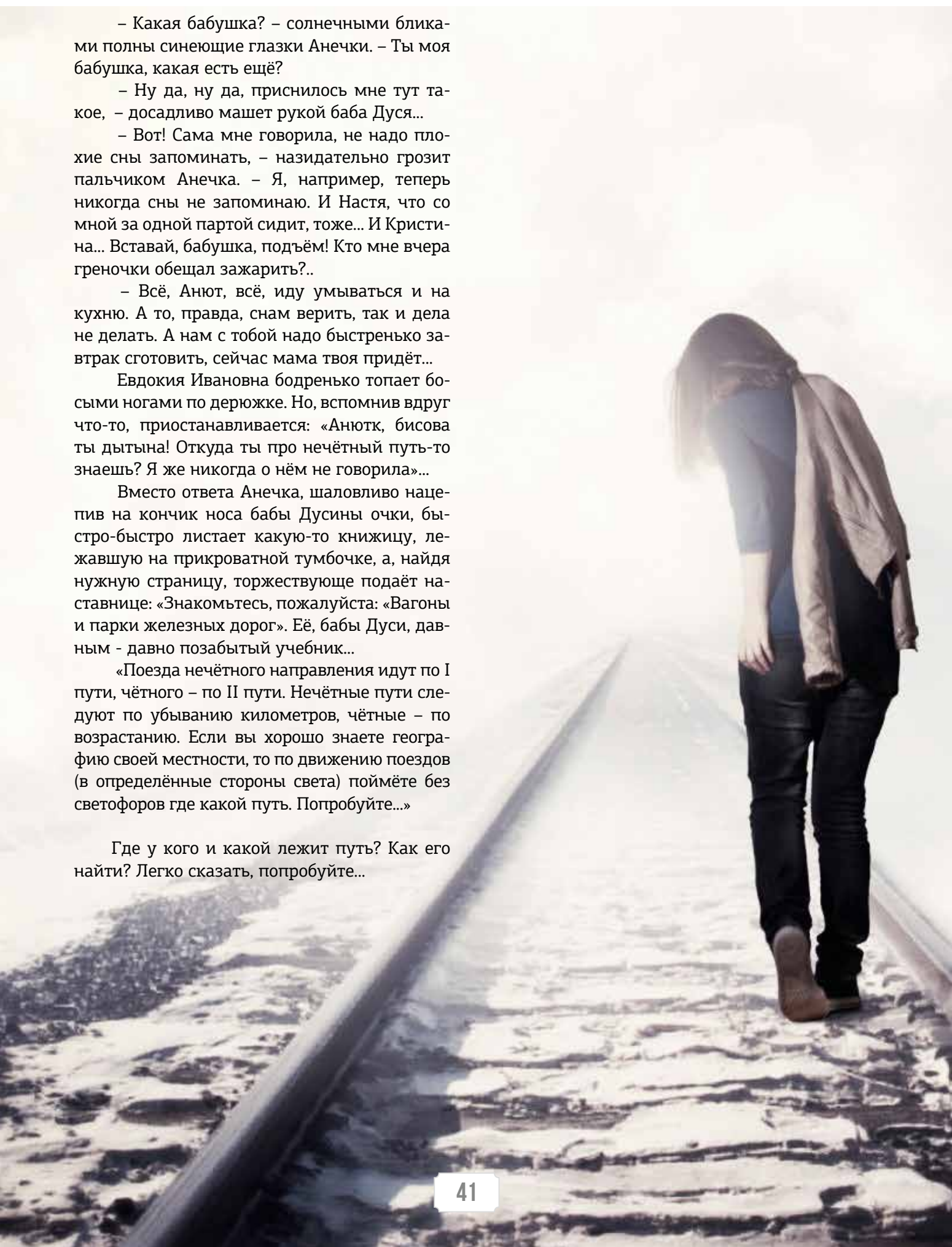
– Всё, Анют, всё, иду умываться и на кухню. А то, правда, снам верить, так и дела не делать. А нам с тобой надо быстренько завтрак сготовить, сейчас мама твоя придёт...

Евдокия Ивановна бодренько топает босыми ногами по дерюжке. Но, вспомнив вдруг что-то, приостанавливается: «Анютк, бисова ты дытына! Откуда ты про нечётный путь-то знаешь? Я же никогда о нём не говорила»...

Вместо ответа Анечка, шаловливо нацепив на кончик носа бабы Дусины очки, быстро-быстро листает какую-то книжицу, лежащую на прикроватной тумбочке, а, найдя нужную страницу, торжествуя подаёт наставнице: «Знакомьтесь, пожалуйста: «Вагоны и парки железных дорог». Её, бабы Дуси, давным - давно позабытый учебник...

«Поезда нечётного направления идут по I пути, чётного – по II пути. Нечётные пути следуют по убыванию километров, чётные – по возрастанию. Если вы хорошо знаете географию своей местности, то по движению поездов (в определённые стороны света) поймёте без светофоров где какой путь. Попробуйте...»

Где у кого и какой лежит путь? Как его найти? Легко сказать, попробуйте...

ТАТЬЯНА
БЕРДИЧЕВСКАЯ

А над этой рекой...

ВЛАДИМИРУ АНДРЕЕВУ

Как будто начиталась Боратынского –
Поездка в Мару, словно вглубь времён.
Сирени здесь цветут всё также истово
Над кладбищем, что видит тихий сон
О том ушедшем, где кудрявый отрок
Гулял под сенью вековых деревьев...
И этот холмик, как забытый остров,
Деревней был когда-то. И напев
Родных степей, как колыбельки барской,
Запоминало сердце, чтоб потом
Стихи сложить и до сердец добраться –
Через столетья... Стать таким столпом,
К которому тянуться за спасеньем,
Как к роднику, чтоб жажду утолить...
Вся жизнь его ведома провиденьем –
Не оборвать связующую нить!
О, наш родник... Я открываю книжку -
И не напиться, где ж напиться впрок?
Того сентиментального мальчишку
Полюбят Пушкин, Лермонтов и Блок!

ГОРОД

Мне помнятся эти большие кварталы
Высотных домов, что в зелёных аллеях,
И эти слова, что тебе я сказала,
Кого-то всем сердцем любя и жалея.
Там мальчик, который, о чём-то мечтая,
Глядел в это небо душою и сердцем,
И девочка та, что на скрипке играя,
Дарила прохожим любимое скерцо;
Там юноша пылкий, - влюблён и прекрасен,
Встречая её, он, смущаясь, краснеет...
Она как из сказок, а может, - из басен,
А может быть, просто она из Диснея?
Старик, чья сума и пуста, и дырява,
Одет не по росту в чужие одежды, -
Он помнит десяток заученных правил,
И чист он душою и светел надеждой...
Отбросив живое и самое лучшее,
Там город гремел, отрывая дымами,
А люди, плывущие серою тучей,
Зайдя в гастроном, поглощались домами.

Включив утюги, пылесос, душевые,
И так, по привычке, включив телевизор,
Сами уже становились машинами,
Глотая пилюлю, что выдал «провизор»...
Навряд ли из них кто-то смотрит на звёзды,
Не видя закатов, не помня рассветов.
И только кварталы, растущие грозно...
Всё меньше на свете и мира и света...

А НАД ЭТОЙ РЕКОЙ

А над этой рекой не читают молитв,
А над этой рекой гвалт и шёпот стоит –
Задавили её в берегах города,
Где от славы былой не осталось следа.
Там мужчина у женщины просит займы,
Там от диких деньжищ пошатнулись умы,
Рядом с ветхой избушкой строят дворец
В ней лишится последнего счастья отец,
И не вырастет овощ, не вызреет фрукт;
Там не знаешь, где враг, и не вспомнишь,
кто друг;
Там начальник своим «должностя» продаёт,
Там этиловым спиртом качают народ;
Там плюют на законы, там честь не в чести,
Там пытаются с правдою счёты свести;
Там встречают одёжку, погоны и чин,
Бедняка презирают без всяких причин,
Будь хоть трижды талантлив,
будь трижды умён,-
Жить «под плинтусом» он до конца обречён...
Там десятками лет у экрана сидят
Те, которые жить, словно в сказке, хотят,
Как живут на экране в красивом кино...
Или просто играют всегда в домино,
В «преферанс», в «дурака» и, испивши пивка,
Долго-долго глядят, как плывут облака,
Не теряя надежды, что явится Бог,
Чтобы Бог им, несчастным, хоть как-то помог
По финансовой части... Проходят года,
Ан глядишь, и седая уже борода...
Там девица с ведром за водой не идёт,
Там девица, гордясь, сигарету берёт...
А парнишка её угостит огоньком,
А потом - матерком, а потом - тумаком...
Так невеста на выданье из году в год –
Что-то замуж её и дурак не берёт...
Там - транзитный отец!
Там - транзитная мать!
Малышу с потолка будут метрики брать...

Сиротою пойдёт он по жизни и наг...
Всех согреет подвал, всем найдётся чердак!
И великой бедой в градах свалки растут,
А весной эти свалки по рекам плывут...
А когда-то смотреть на реке ледоход
Собирался преславнейший русский народ!
Собирались на праздник, где радость и ширь,
Собираясь всем миром, читали Псалтирь.
И молитва рекой в поднебесье текла,
И текла та река широка-далека, -
По-над Русью, где славили Бога и труд,
Где тебя не обманут и не предадут;
Почитали законы, и правду, и честь,
Выбивали плетью из разбойника спесь...
И жила, и трудилась Великая Русь!
По такой вот Руси ностальгия и грусть...
Ах, как хочется верить, что можно вернуть
Чистоту и культуру, и праведный путь!
Чтоб читались молитвы над заводью рек,
Чтоб прозрел и опомнился всяк человек!!!

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Наташе Лысенко и Людмиле Ваниной

Позвоните, девчонки, скажите, ну как вам
катается,
Как там дети и внуки растут и взрослеют
без вас?
Ваш багажный вагончик
На Дальнем Востоке качается,
И родная природа волнует и радует глаз.
То в снегах, то в цветущем, то в туманах
рассветы встречаете,
И огромное солнце над первыми вами встаёт,
И на сто километров в окошке тайга
не кончается,
И под песню колёс ваше сердце от счастья поёт.
У окошка сидите, блаженно чаёк попивая,
Ваша топка бушует - в вагоне, как дома, тепло...
И от чая качает, качает, качает, качает,
Но доедет багаж под надёжным
и сильным крылом.
Вы, девчонки, с дорогой железной
навеки обвенчаны,
Устранить неисправность для вас
не составит труда,
Как друзьям, вам сигналият
куда-то летящие встречные
Поезда, поезда, поезда, поезда, поезда.

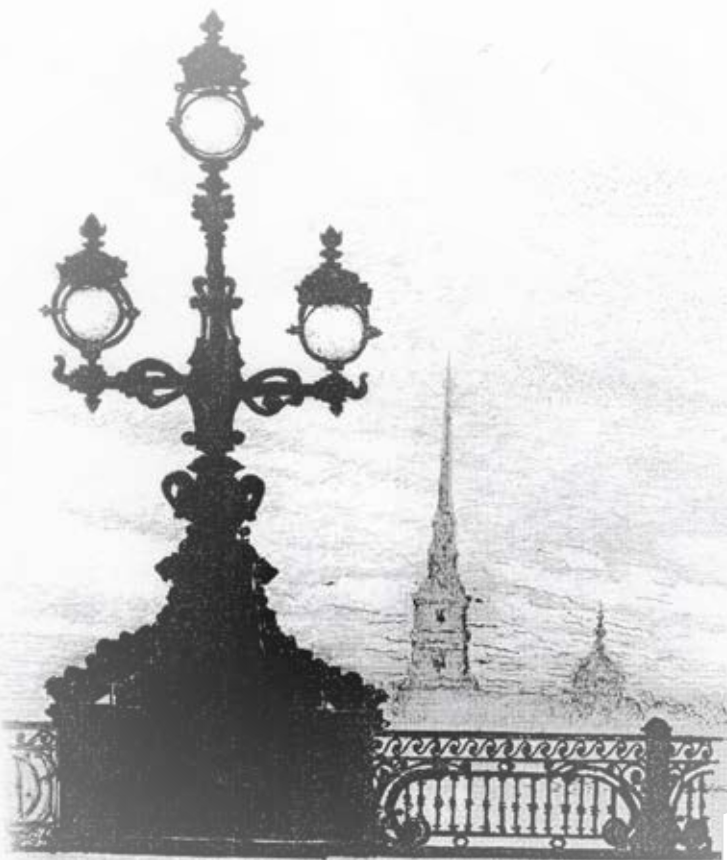
ПРИЗНАНИЕ ПЕТЕРБУРГУ

Я готова сейчас целовать тротуары твои,
 Я согласна стать камнем
     в одном из твоих монументов,
 Только дай подышать,
     только прочь от себя не гони,
 Я хочу быть хоть буквой великой
     истории этой;
 Над Невою гранитной плитой, -
     только б частью твоей, -
 Под твоими дождями и слякотным
     северным небом -
 Околеть и продрогнуть до самого
     мозга камней,
 Быть на йоту причастной к твоим и делам,
     и победам!
 Я готова стоять на коленях пред каждым твоим
 Шпилем, храмом, музеем, театром
     и каждой скульптурой!
 И с тобой, Петербург,
     пережить все тяжёлые дни!
 Быть твоим монолитом,
     твоею высокой культурой!
 Я хочу обратиться в твой воздух -
     вдыхайте меня!
 Тот, кто дышит тобой,
     не почувствует в воздухе фальши.
 От любви, от желаний и мыслей я нынче пьяна...

Только бронь на плацкарт
     мне судьбой уготована раньше,
 ...Ты плывёшь предо мною, спокойный,
     как каменный сон
 Равнодушно глядишь на мои и мольбы,
     и стенанья..
 За твоё безразличье ты мной многократно
     прощён..
 До свиданья, мой Питер, мой каменный сон,
     до свиданья!

Н.Б.

Я целую тебя через все, через все расстоянья,
 Через время, пространство и даже(!) объятья
     другой.
 Это нежность моя полетит к тебе птицею
     раненой,
 На окошке вагонном застынет каймой голубой.
 В потемневшем окне, занесённом метелью
     дорожной,
 Вдруг увидишь мой образ - я руки к тебе
     протяну..
 Может быть, наяву мы увидимся волею Божьей,
 И от счастья умру я в твоём несравненном
     плену.
 Только стрелки часов, как в опале,
     по диску вращаются..
 Он, наверно, порочен, как всё, этот замкнутый
     круг -
 Как ни бейся они, всё на «круги своя»
     возвращаются,
 Ненавистен порой сей наивный, настойчивый
     стук..
 Знаю я, наша жизнь от какой-то опалы зависит,
 Кто-то властной рукой роковую затеял игру..
 Даже мысли мои из моих ненаписанных писем
 Растерялись, как нимфы, - на нищем порочном
     пиру!
 Как хотелось бы быть мне свободней,
     чем вольная птица,
 И любить, и мечтать, и спешить лишь к тебе,
     дорогой..
 Но, увы, я целую глаза твои, губы, ресницы
 Через время, пространство и даже..
     объятья другой!

ВАЛЕНТИНА ТИХОНОВНА ДОРОЖКИНА

Поэт, прозаик, краевед. Член Союза писателей России, член Союз журналистов России. Автор около 30 книг прозы и поэзии, один из авторов «Тамбовской энциклопедии», многих литературных справочников и учебных пособий, литературовед и переводчик. Удостоена ордена Дружбы, медали М.А Шолохова, престижных литературных и журналистских премий. Заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ, Почётный гражданин города Тамбова.

ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД ДО СТАНЦИИ УСМАНЬ

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ ДЛЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ, МАТЕРИ ДВОИХ ДЕТЕЙ, НИЧЕГО НЕ ЗНАВШЕЙ О МУЖЕ, КОТОРОГО СУДЬБА ЗАНЕСЛА В ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ АРМИЮ, БЫЛИ ТЯЖЕЛЕЙШИМИ, ЕСЛИ НЕ СКАЗАТЬ ТРАГИЧЕСКИМИ. ВПРОЧЕМ, КАКИЕ ГОДЫ В ЕЁ ЖИЗНИ НЕ БЫЛИ ТРАГИЧЕСКИМИ: 20-Е, КОГДА, ПОТЕРЯВ МЛАДШУЮ ДОЧЬ, УМЕРШУЮ ОТ ГОЛОДА, МЕТАЛАСЬ В ОЖИДАНИИ РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЫЕЗД ЗА ГРАНИЦУ К МУЖУ? 30-Е, УЖЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ, ГДЕ КО ВСЕМ БЫТОВЫМ НЕВЗГОДАМ ПРИБАВИЛАСЬ ЕЩЁ И ТОСКА ПО РОДИНЕ? 40-Е, ИЗ КОТОРЫХ ЕЙ ВЫПАЛО ЖИТЬ НЕПОЛНЫХ ДВА ГОДА?.. РАЗВЕ ЧТО В ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ, КОГДА ЕЁ ЖИЗНЬ БЫЛА СПЛОШНЫМ ВООБРАЖЕНИЕМ, ПОЧЕРПНУТЫМ ИЗ КНИГ, КОГДА НАЧАЛИСЬ ПЕРВЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ И ГЛАВНОЕ – БЫЛА ПОЕЗДКА В КОКТЕБЕЛЬ К МАКСИМИЛИАНУ ВОЛОШИНУ, ПОДАРИВШАЯ ЕЙ СЧАСТЬЕ – ВСТРЕЧУ С СЕРГЕЕМ ЭФРОНОМ, ВСТРЕЧУ, КОТОРУЮ ОБА СЧИТАЛИ СУДЬБОЙ...

В многочисленных дневниковых записях Марины Цветаевой явно просвечивает нужда:

«Муки нет, хлеба нет, под письменным столом фунтов 12 картофеля, остаток от пуда, “одолженного” соседями, – весь запас...».

«Хожу и сплю в одном и том же коричневом, однажды безумно севшем, бумазейном платье, шитом весной 17-го года за глаза в Александрове. Всё прожжено от падающих углей и папирос...».

«Есть ли сейчас в России – Розанов умер – настоящий созерцатель и наблюдатель, который мог бы написать настоящую книгу о голоде: человек, который хочет есть, – человек, который хочет курить, – человек, которому холодно, – о человеке, у которого есть и который не даёт, о человеке, у которого нет и который даёт, о прежних щедрых-скарредных, о прежних скупых-щедрых, и, наконец, обо мне: поэте и женщине, одной, одной, одной – как дуб – как волк – как Бог – среди всяческих чум Москвы 19-го года...».

Да, это уже 19-й год, а в 18-м Цветаевой с двумя девочками было едва ли не голоднее, не отчаяннее. И это отчаянье толкнуло её на поездку в сентябре 1918 года в Тамбовскую губернию в поисках продуктов – поездку тяжёлую, рискованную, унижительную.

Находя отдушину в стихах, которые писала в любой обстановке, Марина Цветаева никогда не расставалась с тетрадью: постоянное желание остаться с ней наедине придавало силы. Но желание это осуществлялось далеко не всегда: быт отнимал почти всё время. Тяжесть быта удесят�ерял голод. Время уходило не только на то, чтобы истопить печь, приготовить обед, но и на то, чтобы добыть – из чего...

У Цветаевой вообще нет случайных стихов, тем более не случайны эти:

*Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы – и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что – Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных – и сытость сытых!*

Стихи написаны 5 августа 1918 года.

Заветную тетрадь взяла Цветаева и в поездку на Тамбовщину. Записанные диалоги, наброски оформились значительно позже в очерк «Вольный проезд» (в некоторых публи-

кациях это произведение Марины Цветаевой называется повестью).

До недавнего времени «Вольный проезд» полностью не публиковался – только в отрывках, со значительными сокращениями и, к сожалению, со множеством опечаток, неточностей, что не давало возможности представить атмосферу, в которой Цветаева прожила не один день. Полностью «Вольный проезд», впервые опубликованный в 1924 году в «Современных записках», был напечатан в первой книге первого тома антологии «Литература русского зарубежья» (Москва, «Книга», 1990), а к 100-летию со дня рождения Марины Цветаевой Тамбовское общество любителей книги издало это произведение в миниатюрном исполнении (Тамбов, 1992).

Почему для поездки выбраны были именно Тамбовская губерния и именно станция Усмани? Потому что знакомый знакомого Марины Цветаевой – красноармеец реквизиционного отряда, «наводившего порядок» осенью 18-го года в Усмани и близлежащих сёлах, как раз отправлялся туда. С ним, его мать, приходившейся тещей приятелю Н., и с самим Н. (имя по какой-то причине не раскрывается) Цветаева и отправилась в это непоэтическое путешествие. С присущей ей остротой восприятия описывает она мельчайшие детали поездки:

«Станция Усмани. 12-й час ночи. Приезд. Чайная. Ломящиеся столы. Наганы, пулемётные ленты, сплошная кожаная упряжь. Веселы, угощают. Мы, чествуемые, все без сапог, – идя со станции, чуть не потонули...».

«Тридцать вёрст пешком по стриженному полю, чтобы выменять ситец (розовый) на крупку...».

Хозяйка, у которой Цветаевой пришлось прожить-прождать три недели, – бывшая владелица мастерской в Петрограде. Хамка, по определению Цветаевой, превращённой за квартирование в служанку.

«Мытьё пола у хамки.

– Ещё лужу подотрите!.. Да вы не так! По половикам надо! Разве в Москве у вас другая манера? А я, знаете, совсем не могу мыть пола, – знаете: поясница болит! Вы, наверное, с детства привыкли?

Молча глотаю слёзы...».

И после всего этого, после горы перемытой посуды, дважды вымытого пола, выслушанных и вытерпленных оскорблений – к тетради.

«Пишу при луне (чёрная тень от карандаша и руки). Вокруг луны о г р о м н ы й крут. Пыхтит паровоз. Ветви. Ветер.

Господа! Все мои друзья в Москве и везде. Вы слишком думаете о своей жизни! У вас нет времени подумать о моей – а стоило бы...».

Это уже грань отчаянья. Но Цветаева не даёт отчаянью разрастись, она отодвигает реальность, пытаюсь создать художественный образ – сказочный сюжет: «Разбойник, разбойникова жена – и я, разбойниковой жены – служанка. Конечно, может стать – выхвачу топор... А скорей всего, благополучно растряс свои 18 ф. пшеницы по 80-ти заградительным отрядам, весело ворвусь в свою Борисоглебскую кухню – и тут же – без передышки выдышу стихом!».

И «выдыхала» такие строки:

*Ты дал нам мужества –
На сто жизней!*

Пусть земли кружатся,

Мы – недвижимы.

И рёбра – стойкие

На мытарства:

Дабы на койке нам

Помнить – Царство!

Своё подобье

Ты в небо поднял –

Великой верой ,

В Своё подобье.

Так дай нам вздоху

И дай нам поту –

Дабы снести нам

Твои щедроты!

Под стихотворением дата: «17 сентября 1918».

Обходя крестьянские избы, предлагая ситец, мыло, спички в обмен на продукты, Марины Цветаева внимательно всматривается в лица, вслушивается в речь:

«– А мыло духовитое? А простого не будет?.. А ситец-то ноский будет?.. Почём, купчиха, за аршин кладёшь?

– Я на деньги не продаю...

– Чего же тебе надо-то?

– Пшеница, сала.

– Са-ала? Нет, сала у нас не будет. Какое

у нас сало? Сами всё всухомятку жрём. Вот медку не хочешь ли?

– А почём, коли пшеном, за ситец кладёшь-то?

Я, сразу робея: – полпуда (учили – три!)

– Пол-пу-уда? Такой и цены нет. Что ж ситец-то у тебя шёлковый, что ли? Только и красоты, что цвет. Посмотри, как выстирается, весь водой сойдёт.

– Сколько ж вы даёте?

– Твой товар – твоя цена.

– Я же сказала: полпуда.

Отлив. Шепота.

Разглядываю избу: всё коричневое, точно бронзовое: потолки, полы, лавки, столы, котлы. Ничего лишнего, всё вечное. Скамьи точно в стены вросли, вернее – точно из них выросли. А ведь и лица в лад: коричневые! И янтарь нашейный! и сами шеи! И на всей этой коричневизне – последняя синь позднего бабьего лета. (Жестокое слово!).

В многодневном походе по избам Цветаеву постигали неудачи: давали за ситец так мало, что приходилось, скрепя сердце, уходить ни с чем. Бывало и похуже: сладятся, отсыпят пшено, а потом, как спохватятся, – иди, мол, подбру-поздорову, а то свяжешься с тобой, Бог тебя знает, откуда ты...

«– Ты, вишь, москвочка, невнятная тебе наша жизнь. Думаешь, нам всё даром даётся? Да вот это пшано-то, что оно у нас – дождём с неба падает? Поживи в деревне, поработай нашу работу, тогда узнаешь. Вы, москвичи, счастливые, вам всё от начальства идёт. Ситец-то, чай, тоже даровой?..».

Но за все неудачи, унижения, оскорбления – наконец-то награда: не только (и не столько!) добытые в конце концов пшено, мука, сало, но и встреча со... Стенькой Разиным! Так назвала Цветаева слободского парня, который в один из дней вошёл вместе с другими, вернувшись с реквизиции, и – «сразу кинулся ко мне:

– Из Москвы, товарищ? Как же, как же, Москву знаю!..»

Найдя общий язык, как-то сразу поняв и приняв друг друга, они проговорили несколько часов подряд: о Боге, о запахах, о войне, с которой «Разин» вернулся с двумя Георгиями – спас полковое знамя. Цветаева читает

ему свои стихи, не открывая авторства. «Разин» спрашивает:

«Это какой же человек сочинял? Не из простых, чай? А раскат-то какой! Аккурат, как громом перекаатило!..».

В «Разине» Цветаеву поражает и внешность (лицо круглое, лукавое, веснушчатое; глаза – васильковые), и умение слушать, и дар рассказчика. Она записывает его сказ – удивительную притчу о подводном городе:

«А теперь я вам, барышня, за труды за ваши, сказ один расскажу – про город подводный. Я ещё махонький был, годочке по восьмом, – отец сказывал. Будто есть где-то в нашей русской земле озеро, а на дне озера того – город схоронен: с церквами – с башнями, базарами – с амбарами. *(Внезапная усмешка)*. А каланчи жарной не надо: кто затонул – тому не гореть. И затонул будто бы тот град по особому случаю. Нашли на нашу землю татары, стали дань собирать: чиста злата крестами, чиста серебра колоколами, честной крови-плоти дарами. Град градом, что колос за колосом, клонится: ключьями позвякивают, татарам поддакивают. А один, вишь, князь – нежлонлив был: «Не выдам я своей святыни – пусть лучше кровь моя хлынет, не выдам я своей помощи – отрубите мне руки и ноги!». Слышит – уже недалече рать: топота великие. Созывает он всех звонарей городских, велит им изо всей силы-мочи напоследок в колокола взыграть: татарам на омерзение, Господу Богу на прославление. Ну и постарались тут звонарики! Меня вот только, молодца, не было... Как вдарят! Как грянут! Аж вся грудь земная дрогом пошла!

И построились, с того звону, реки чиста серебра: чем гуще звонари работают, тем круче те реки бегут. А земля того серебра не принимает, не впитывает. Уже по граду ни пройти, ни проехать, одноэтажные домишки с головой под воду ушли. Только Князев дворец один держится. А уж тому звону в ответ – другие звоны пошли: рати поганые подступают, кривыми саблями бряцают. Взобрался князь на самую дворцовую вышку – вода по грудь, – стоит с непокрытой головой, звон по кудрям серебром текёт. Смотрит: под воротами-то – тьмы! Да как зыкнет тут не своим голосом:

– Эй вы, звонарики-сударики!

Только чего сказать-то он им хотел – никто не слышал! И городу того боле – никто не видал!

Ворвались татары в ворота – ровень-гладь. Одне струйки маленькие похлипывают...

Так и затонул тот город в собственном звоне»...

Цветаева дарит «Разину» на память переписанные печатными буквами свои стихи и серебряный перстень: «С безымянного моего – на мизинный твой». Они расстаются, но в день её отъезда из Усмани он появился на станции – помочь с посадкой. И, уже стоя в вагоне-теплушке, сдавленная со всех сторон, она увидела прощальный взмах руки:

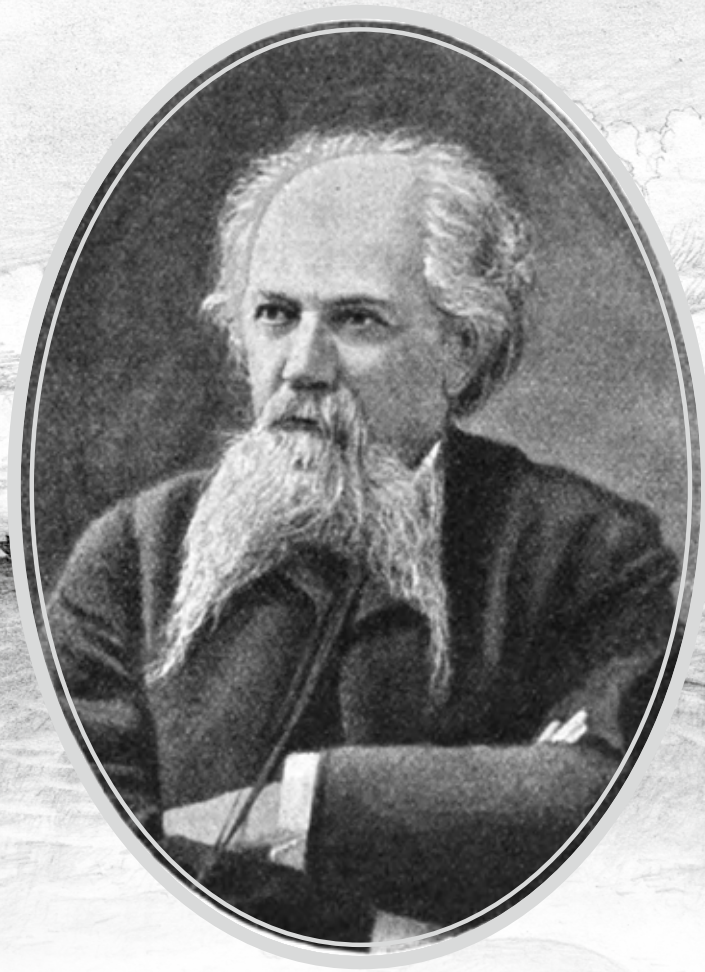
«Ах, рука на прощанье, с моим перстнем! Станция Усмань Тамбовской губ. – последний привет!»...

Больше они не встречались. Но тема Стеньки Разина (не от той ли встречи?) возникает в творчестве Марины Цветаевой ещё раз (в 1917 году у неё уже были написаны стихи о Разине, которые она и читала своему усманьскому знакомому). И вот, в 18-м, 7 ноября (как она сама пометила под стихотворением: «1-я годовщина Октября, Москва») – такие стихи:

*Царь и Бог! Простите малым –
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщённым и обманутым, –
Царь и Бог! жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!
Царь! Господь тебе оплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!
В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!
Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирен и связан!
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за тёмную,
Да за удаль несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!
Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселись, сердце русское!
Царь и Бог! Для ради празднику
– Отпустите Стеньку Разина!*

Валентина ДОРОЖКИНА

«О, край родной, как ты мне мил!..»

ТЕМА МАЛОЙ РОДИНЫ В ПОЭЗИИ А.М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

ПОЭТ, ПОЧЁТНЫЙ АКАДЕМИК ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ОДИН ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ИМЕНИ – КОЗЬМЫ ПРУТКОВА, АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЖЕМЧУЖНИКОВ РОДИЛСЯ 22 ФЕВРАЛЯ (ПО ДРУГИМ ДАННЫМ, – 23-ГО) 1821 ГОДА, В МЕСТЕЧКЕ ПОЧЕП ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В БОГАТОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ. У ЖЕМЧУЖНИКОВЫХ БЫЛО РОДОВОЕ ИМЕНИЕ В ДЕРЕВНЕ ПАВЛОВКА ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (НЫНЕ – ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ), КУДА ОНИ ПЕРЕЕХАЛИ ЧЕРЕЗ ГОД ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ СЫНА.

Алексей Жемчужников, как большинство дворянских детей, получил хорошее домашнее образование, что дало ему возможность успешно окончить Петербургское училище правоведения, готовившее будущих мини-

стров, дипломатов, губернаторов. Прослужив несколько лет в Сенате, в канцелярии Государственного Совета, Жемчужников, не склонный к подобной работе, вышел в 1858 году в отставку и всерьёз занялся литератур-

ной деятельностью. К этому времени у него уже были публикации: журнал «Отечественные записки» напечатал в 1841 году стихи 20-летнего поэта, а в 1852-м в «Современнике» появилась «недурная комедия в стихах А. Жемчужникова...» – так отозвался о комедии «Сумасшедший» Н.А. Некрасов, знавший автора по его ранним публикациям в своём журнале: в 1850 году в «Современнике» была напечатана комедия в стихах «Странная ночь».

Многие читатели и критики тех лет воспринимали А. Жемчужникова как сатирика и юмориста, хотя он с юности и до конца дней писал лирические стихи, стихи гражданского и философского звучания. Одно из последних стихотворений, посвящённое Л. Н. Толстому, датировано 5 марта 1908 года, а через несколько дней (25 марта по старому стилю, 7 апреля – по новому) Алексей Михайлович умер. Действительно, широкую известность поэту принесли сатирические произведения – эпиграммы, басни, афоризмы, публиковавшиеся под коллективным псевдонимом «Козьма Прутков». Это имя вошло в литературу благодаря его создателям – родным братьям Алексею, Владимиру, Александру Жемчужниковым и их двоюродному брату Алексею Константиновичу Толстому.

В примечаниях к сочинениям Козьмы Пруткова, напечатанных во втором томе «Русской поэзии XIX века» (М., 1974), говорится: «В начале 50-х годов два молодых талантливых литератора – Алексей Толстой и Алексей Жемчужников – весело шутили над штампами современной им романтической поэзии. Собрав эти стихотворные шутки, они решили их издать под именем, которое носил служивший им камердинер... В 1854 году Козьма Прутков впервые появился в некрасовском «Современнике». Постепенно стала вырисовываться фигура вымышленного автора. Он обрёл, как это подобает живому лицу, собственную биографию и индивидуальный облик... Тупой, самодовольный и ограниченный чиновник – живое воплощение бюрократической машины монархии – обладал исключительными претензиями на гениальность, на недоступную ему высоту духа, на романтические страсти. Вместе с тем он проповедо-

вал казённую мораль, был благонамеренным. Вот эта-то чиновничья поэзия беспощадно высмеивалась в образе Козьмы Пруткова и его сочинениях...» (с. 676)

Творчество Козьмы Пруткова – это не «добродушное чудачество», как называли его отдельные критики; каждое сочинение было направлено против определённого лица или какой-то жизненной ситуации: «Юнкер Шмидт» – пародия на русских подражателей Гейне; «Желание быть испанцем» – на увлечение некоторых поэтов экзотикой дальних стран. Наибольшей популярностью пользовались афоризмы Козьмы Пруткова: «Смотри в корень!», «Никто не обнимет необъятного», «Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?», «Вытапливай воск, но сохраняй мёд», «Принимаясь за дело, соберись с духом», «Единожды солгавши, кто тебе поверит?» и т. д. Редкий человек ни разу не употребил в своей речи афоризмы Козьмы Пруткова, зная или не зная их автора, – настолько они вошли в обиход и стали популярными, как пословицы и поговорки: «Что имеем, не храним, потерявши, плачем», «Если хочешь быть счастливым, будь им».

В сатирических произведениях А.М. Жемчужников высмеивал бюрократов, лжепатриотов, обличал тупых и самодовольных чиновников. Связь с Н.А. Некрасовым и М.Е. Салтыковым-Щедриным способствовала обострению гражданской позиции Жемчужникова, для которого тяжёлая жизнь народа была не проходящей болью:

*Рабочий люд едва не весь
На нашей родине без хлеба.
«Хлеб наш насущный даждь нам днесь!» –
Так он, голодный, молит небо.
(«Всем хлеба!»)*

Рисуя в стихах картины деревенской природы, любуясь ею, поэт не может всецело отдаться этой красоте: его тревожит участь крестьян, вынужденных трудиться день и ночь и не иметь необходимого для сколько-нибудь сносного существования... Вот они возвращаются с поздней молотьбы и от безысходности поют песню, «безотрадную, как приговор судьбы»; а вот подошёл к окошку «старик прохаживший с нищенской сумой...».

Даже живя за границей, А.М. Жемчужников с горечью пишет в стихотворении «Осенние журавли» о печальном виде земли, об «угрюмых людях», уже и не мечтающих о счастье:

*То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода
и слякоть...*

Почти 20 лет прожил А.М. Жемчужников за рубежом, но он постоянно интересовался всем, что происходило в России, вёл переписку с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным, был в курсе и столичной, и провинциальной жизни. Положение русского человека, бесправного труженика, не могло не волновать честного гражданина, каким был Жемчужников. Тяжело переживая вынужденную разлуку с родиной, он в 1884 году вернулся в Россию, с радостью встретившись с родимыми местами:

*О, край родной, как ты мне мил!
От долговременной разлуки
Какие радости и муки
В моей душе ты пробудил!*
(«На родине»)

Русскую природу поэт называет «преlestной» («Она так скромно-хороша!..»), но эта красота не может скрыть убогость «...селений, где живёт /Всё так же, как во время оно, / Под страхом голода народ».

С 1890 года и до конца дней А.М. Жемчужников жил в деревне Павловке, в Тамбове, часто гостил в Ильиновку Кирсановского уезда, в имении дочери Ольги Алексеевны которая была замужем за внучатым племянником поэт; Е.А. Баратынского – Михаилом Андреевичем. Одно время они жили в Тамбове – в не сохранившемся доме (улица Мичуринская, 9а). Рядом с ними поселился и Алексей Михайлович, но через некоторое время он снял более удобную квартиру у домовладелицы Евсюковой на улице Араповской (ныне – М. Горького). И этот дом не сохранился, на его месте построено здание Тамбовского отделения Сбербанка России. Об этом писал журналист И. Овсянников в статье «Потеря памяти...» («Тамбовская правда» от 20 августа 1989 года), вызвавшей многочисленные отклики читателей. Надо отдать должное работникам Сбербанка: в память о знаменитом земляке они открыли в своём учреждении экспозицию, посвящённую жизни и творчеству А.М. Жемчужникова.

В Тамбове поэт принимал самое активное участие в культурной жизни: выступал с лекциями, был страстным пропагандистом творчества русских писателей. И, конечно, он занимался поэтическим творчеством. Стихи, написанные в Тамбове, составили два сборника: «Песни старости» (1892– 898) и «Прощальные песни» (1900–1907). Много стихотворений А.М. Жемчужникова посвящены природе Тамбовского края. Какое бы время года ни наступало, он воспевал его, находя каждый раз новые слова для выражения чувств, которые целиком захватывали его, и душа – то с печалью, то с восторгом – пела о зиме и весне, о лете и об осени. Цикл стихотворений «Лесок при усадьбе», написанный в Ильиновке, как обширное полотно художника, являет нам постоянно меняющиеся картины природы со всем её богатством. Мы видим автора прогуливающимся по леску, где встречается ему молодая крестьянка, угостившая его только что собранными ягодами; он наслаждается тишиной, которую вскоре нарушают грачи, «и лесок, доселе дремавший, ожил»:

*Друзья родной земли моей,
Они, как я, здесь летом дома.
Непостижима без граней
Страна дубов и чернозёма.*

Подмечая все изменения, происходящие в природе, поэт ненавязчиво, как хороший экскурсовод, ведёт нас по красивому усадебному леску, где «Берёза, клён уж пожелтели, / Но дуб могуч ещё доселе». Ярче представить эту живописную картину помогают используемые автором художественные особенности, метафоричность стиха, простой и в то же время выразительный язык: «Меня из леса поле манит, / А с поля снова манит лес». И как ни печально расставаться с летней красотой, она, по закону природы, уступает место невзрачному виду осеннего ненастья:

*Небо холодное – в тучах;
Хмуры лужайки и чащи;
Слышен в берёзах плакучих
Ветер, уныло гудящий...*

Способностью понимать природу, вести разговор с деревьями, цветами, птицами обладает далеко не каждый человек. А.М. Жемчужникову такое понимание было дано. В стихотворении «Старая ракета» он пишет об одиночестве не только дерева, ожидавшего «последнего срока», но и о людском, в частности – о своём. Вначале он говорит, что старая ракета «Не нужна никому; далеко от жилья; / На просторе родном одинока...». И в то же время она «чутка и теперь», и в какие-то моменты, особенно в ясные дни, пусть только для себя самой, но вдохновенно, как прежде, «шелестит иль шумит монологи»:

*А порой из неё крик идёт по земле,
Всю окрестность от сна пробуждая;
Словно сердце в груди, в её старом дупле
Громко бодрствует птица седая.*

Так, состарившийся человек чувствует себя иногда молодым, душа его ликует, он забывает о возрасте: «Нет, сердце, значит, не остыло, / Не загубел с годами вкус!...».

Слияние человека и природы в стихах А.М. Жемчужникова органично, но такое слияние происходит только в деревне, на приволье. Город он называет «красивой тюрьмой», из которой он наконец-то вырвался, и с восторгом восклицает:

*О, леса шум; о, шорох нивы;
О, жизнью веющий покой!
С меня мгновенно, как рукой,
Сняла деревня гнёт тоскливый.
Как лет уж несколько назад,
Опять, среди родной природы,
В глубоко старческие годы
Я жизнь люблю, я жизни рад.*
(«Родная природа»)

Не представляя себя вне природы, поэт слагает ей «благодарственный молебен». Его не страшит приближение стужи, о чём он говорит в стихотворении «Возвращение холодов»; он радуется «узорам серебряной парчи», которые рисует на окнах мороз. Ему было бы ещё отраднее, «Когда бы сердце не щемило / От этих ужасов войны» (стихотворение написано в феврале 1904 года, когда шла русско-японская война, и как истинный гражданин России, её патриот, А.М. Жемчужников переживал за исход военных действий). Проживший долгую, активную творческую жизнь, поэт, подводя её итоги, признаётся: «Мне ценно всё, что в жизни было...».

А.М. Жемчужников умер в Тамбове, похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. Но, как у всякого большого поэта, жизнь его продолжается в стихах. Их можно найти и в отдельных сборниках, и в коллективных. В 1988 году в Москве, в издательстве «Советская Россия», вышла книга «Стихотворения» со вступительной статьёй тамбовского поэта и литературоведа Сергея Бирюкова. В ней представлены стихотворения и поэмы Жемчужникова, а также сочинения Козьмы Пруткова.

Валентина ДОРОЖКИНА

*Одиночки
болтавши,*

*кто
тебе поверит?*

ЖЕМЧУЖИНА ВСЕЯ РУСИ

ЛЮБОЙ, КТО БЫВАЛ В ГУБЕРНСКОМ ГРАДЕ МОРШАНСКЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ БОЛЕЕ ПОЛУТОРА ВЕКОВ, НА ВОПРОС О ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЯХ ГОРОДА, ВСПОМНИТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР. ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ – ПРИНАДЛЕЖИТ ОН К ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ ИЛИ НЕТ, ХОТЯ ВСЯ ИСТОРИЯ РОССИИ – ИМЕННО ЭТА ТРАДИЦИЯ И НИЧТО ИНОЕ. ИСТОРИЯ ЭТОГО ХРАМА – ЭТО ИСТОРИЯ МОРШАНСКА. ОНИ НЕРАЗРЫВНЫ, ОНИ ПОЛНЫ РАДОСТИ И СКОРБИ, КАК ИСТОРИЯ НАШЕЙ РОДИНЫ.

Век XIX – для России особенный, хотя и заурядных в ее истории нет. После победы Отечественной войне 1812 года наметился не только большой экономический рост Империи, но и осмысление ее истории, а главное ее духовный рост и повсеместное широко-масштабное церковное строительство. В это время процвел и Моршанск, прежде всего как имеющая общероссийское значение пристань на Цне. Знаменитый Цнинский караван из десятков сотен груженных топленым и соленым

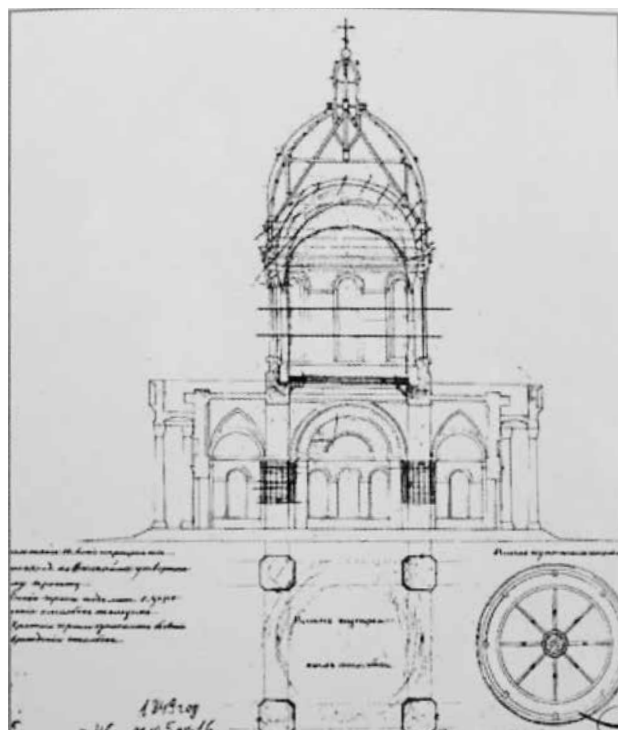
салом, медом, пенькой и другим товаром барок отправлялись вниз по реке к Волге, расходясь далее по городам и весям. Уже сформировался и утвердился в Моршанске целый ряд купеческих фамилий, которые будут вписаны золотыми буквами в его историю. Активно строился по плану регулярной застройки город (редкость для уездного центра и в наши дни), но не было в нем достойного просторного гласного храма. Построенная в 1750-х годах Софийская церковь, хоть и име-

ла статус собора, но была явно тесна и мала. В момент освящения – это был единственный каменный храм населенного пункта. Но в начале XIX века на центральной площади города уже освятили большую размером Вознесенскую церковь, на купеческом кладбище города в начале 1830-х годов четырехпрестольную Федоровскую.

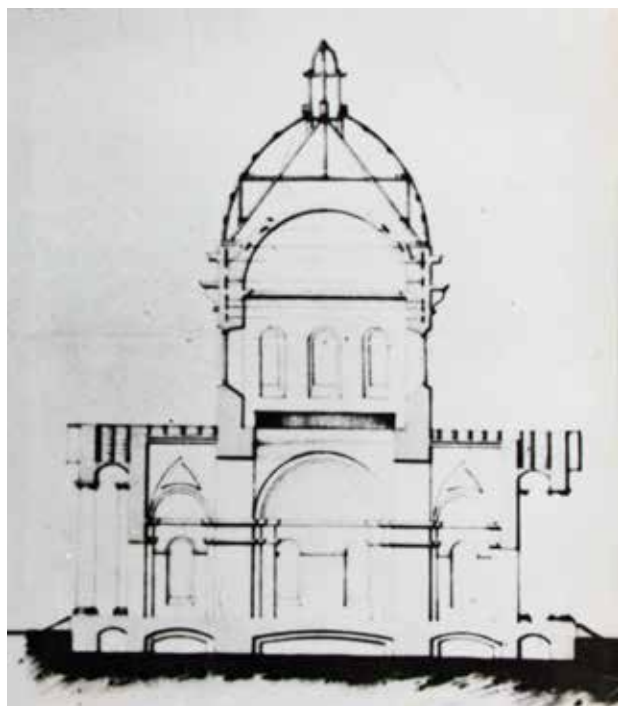
В это время образовалась инициативная группа верующих людей, которые взвалили на себя крест по строению нового большого достойного соборного храма. Река времени сокрыла от нас имена многих из этих ревнителей. Известны в основном представители купечества: Василий Гудобин, Кондратий Михайлов, Юсовы, Смесовы, Серебряковы, Платицины.

В 1826 году епископ Тамбовский и Шацкий Афанасий (Телятинский) выдал городскому голове Дорофею Кожину соборную книгу. Однако размер пожертвований явно не соответствовал намеченным планам. За несколько лет было собрано 54 тысячи 975 рублей, позднее еще 1205. Этого с лихвой хватило бы для постройки обычной церкви, но отнюдь не величественного собора. Со слов Кондратия Михайлова помог случай.

Они решили обратиться к богатому купцу Егору Платичину. Когда 22 марта 1836 года доброхоты пришли к нему, тот отозвался и выписал чек. Выйдя на улицу, ревнители из любопытства решили посмотреть, какую

сумму он пожертвовал богатей. Размер ее по тем временам был гигантский – 20 тысяч рублей. Придя в замешательство, они, полагая, что тот ошибся, решили вернуться и указать ему на это. Платицин сказал, что действительно ошибся и приписал еще ноль. В итоге получилась вообще гигантская сумма – 200 тысяч!

лий Жуковский. История донесла нам немного деталей того знакового события. Однако, есть веские основания полагать, что наследник принимал участие в закладке храма.

Строился храм долго, временами работы вообще практически останавливались. По моршанскому преданию чтимый городской прозорливый, юродивый Василий Блажен-

---

КАК ОТМЕЧАЕТ ПОЗДНЯЯ ПО ВРЕМЕНИ СОСТАВЛЕНИЯ ЛЕТОПИСЬ ХРАМА, ЕГО ПОСТРОЙКА, БЕЗ ВНУТРЕННЕГО УБРАНСТВА ОБОШЛАСЬ В СУММУ ОКОЛО МИЛЛИОНА РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМ, «А ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ СИИ ДЕНЬГИ – НЕВЕДОМО».

После этого стало возможным приступить к строительству. Первоначально собор предполагалось заложить близ существовавшего Софийского, но затем решили перенести храм поближе к реке. В то время здесь бурлила жизнь главной Цнинской пристани, складировался товар к отгрузке, стояло несколько домов. Строения снесли, расширив Софийскую площадь – так тогда официально именовалось это место.

1836 год – год закладки храма. Для Моршанска он еще ознаменовался тем, что его посетил наследник Цесаревич, будущий император Александр III. Об этом упомянул в своих записках его воспитатель – поэт Васи-

ный (в миру Василий Иванович Ильин), почитаемый людьми святым, даже бил своим посохом особо жадных купцов, буквально заставляя их делать пожертвования: «Скорее стройте, а то не успеете, многие храмы разрушит антихрист, а этот не сможет, хоть поругает очень...»

Как отмечает поздняя по времени составления летопись храма, его постройка, без внутреннего убранства обошлась в сумму около миллиона рублей серебром, «а откуда взялись сии деньги – неведомо». Летопись также сообщает, что по реке временами приходили барки со стройматериалами – пожертвования – без указания имени отправив-

теля. Также и в сборной книге пожертвования записаны без указания имени жертвователя. Тут стоит задуматься современным бизнесменам, как порой сделают на копейку, а раструбят на миллион...

Ещё на один момент стоит обратить внимание – это пожертвования Платицина. В советское время на нём было модно спекулировать всем презентовавшим себя знатоками местной истории. Их домыслы кочевали из реферата в реферат, из уст в уста укореняясь в умах. Виной тому знаменитый процесс 1868 года, скопческого кормчего Максима Платицына, моршанского купца миллионера. Якобы главным жертвователем постройки собора был он. Никто и не думал утруждать себя какими-либо хотя бы минимальными доказательствами скопцы – и все тут! Однако молчат о том все многочисленные документы архива Тамбовской Духовной Консистории. Не упоминает о том в своих трудах подробно рассматривающий моршанский скопческий процесс И. Дубасов, хотя и публикует немало других «соблазнительных» фактов церковной истории. Имеется лишь один документ, где заседание Тамбовской Духовной Консистории отказалось принять его пожертвования на благотворительность, судя по всему руководствуясь Указом Государя Александра I от 1816 года запрещающим брать деньги на церковное строительство и благотворительность от людей предосудительных, бывших под судом и наживших их явно нечестным способом. Все доводы «краеведов» строятся просто на одинаковости фамилий. Платицины упоминаются еще среди поселенцев Морши 1717 года, а в середине XIX века их было порядка восьми кланов. Предположение о жертвах скопческого гуру – также абсурдно в своей сути, как если бы кто сказал, что на строительство храмов жертвовал В.И. Ленин. К чему кормчему было укреплять стан своих противников? Все это придумали после Великой Отечественной войны, когда храм лежал в руинах. Дескать, зачем его восстанавливать – религиозные изуверы строили...

Наверное никогда нам не узнать достоверно, у кого родилась идея построить в глубокой провинции храм столичного образца, откуда был взят проект, кто выполнил инже-

нерные расчеты? Архивные документы, касаемые этого, не найдены. Великий зодчий Василий Петрович Стасов, про которого сам Государь говорил, что «у меня нет архитекторов, кроме Стасова», в своем письме отказался от Моршанской постройки, отметив, что она сделана с явным подражанием его столичным храмам, но местами неверно. Действительно, освященные в столичном Санкт-Петербурге Спасо-Преображенский и Свято-Троицкий соборы в основных своих частях и пропорциях – сходны с моршанским храмом. Сходны – но далеко не копии. Он, как бы промежуточный между ними. Современники отмечали некое болезненное честолюбие Стасова, поэтому можно предположить, что он мог будучи чем-то обижен (может неким искажением своего замысла) считать строение не своим. Ведь даже представить, что проект по зарисовкам выполнил какой-либо иной архитектор, пусть даже значимый в пределах центральной России, немыслимо. Уж больно сложен замысел и инженерная составляющая.

«Инженер на троне» – так кто-то назвал императора Николая I. Именно эпоха его правления ознаменовалась грандиозным всплеском инженерной мысли в России. Одного начала строительства железных дорог хватило бы обессмертить его имя. А небывалое строительство храмов Имперского стиля. Кроме упомянутых выше – Исаакиевский в Санкт-Петербурге, храм Христа Спасителя в Москве.

Настал радостный для православных Моршанска 1857 год, год освящения собора. Главный престол храма посвящен Святой Троице, (первоначально предполагалось, что он будет, как и прежний, посвящен Святой Софии – Премудрости Божьей), взиранием на образ которой православные единятся «дабы преодолеть ненавистную рознь мира сего». Единство народа стало тогда необходимо как никогда. Левый боковой придел был освящен в честь образа Казанской иконы Божией Матери – образа Русской воинской славы, а держава вела бесконечные войны с врагами внешними. Третий, левый престол, был посвящен святому благоверному князю Александру Невскому – одному из символов русской доблести. Здесь надо видеть не толь-

ко чаяние оказать много жертвовавшему на храм купцу Александру Серебрякову. Александр Невский – защитник православной веры и небесный покровитель находящегося в тот момент на престоле Государя Александра II – того самого наследника-цесаревича, в год посещения Моршанска которым был заложен Свято-Троицкий собор. И глупо считать это случайностью. До 1857 г. православный Моршанск не имел церквей с престолом такого посвящения. Многие последующие десятилетия собор был связан с воинством – квартировавшими в Моршанске полками.

Храм получился необычным: 75 метров высоты (105 аршин, по принятой тогда системе измерения), вместимость, по разным подсчетам, от пяти до десяти тысяч человек, напомним, что все население города было тогда менее 15 тысяч), с момента закладки храма менялись тамбовские губернаторы, поменялось несколько правящих епископов, ушли в мир иной многие ревнители.

Совершавший освящение епископ Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский, в своей проповеди во время первой литургии сказал: «И если храм ваш не есть единственный в нашей стране, то по справедливости, великолетнейший во всей нашей епархии и один из первых и лучших в целой России».

Во время богослужения пели хор архиерейский и имевший европейскую известность хор князя Юрия Голицина, тамбовского землевладельца, собранный из крестьян.

Собор быстро стал духовным центром не только города и даже наверное более, чем уезда. О любви к нему горожан говорит такой немного наивный и бесхитростный в своей сути факт, описанный в центральной прессе: когда Моршанск, в мае 1875 года пылал в небывалом пожаре, буквально выжегшем город, по Соборной площади за столбом огненного смерча бежал человек с косой, «дабы поразить ведьму», храм в пожаре действительно не пострадал...

Многое, очень многое можно рассказать о Свято-Троицком соборе – этой жемчужине всея Руси: о приезде сюда Государя Императора Николая II, о том, как храм был ограблен советской властью, и чуть было не разрушен, о его возрождении. Отраднo, что и ныне, он вот уже два десятка лет, как действует. Обо всем этом подробно рассказывается в подготовленной книге «Под омофором Святой Троицы», которая, хочется надеяться все же выйдет в свет. Ведь в 2017 году, храм празднует 160-летие со дня своего освящения.

Игорь ОЗАРНОВ,
православный историк

ХРИСТОВА НЕВЕСТА

РАССКАЗ-БЫЛЬ

ЧУДО

На окраине села в покосившейся избе тускло горела лампада, освещая лики святых. На иконы страстно молились женщина и девочка. Глаза женщины были влажные и, стоя на коленях, она умоляюще не сводила глаз с иконы старца Серафима. Подросток полулежал на полу, как-будто не видя ничего вокруг, читал наизусть молитвы. Мать часто сбивалась и время от времени начинала повторять священные слова вслед за своей дочерью.

Закончив молиться женщина взяла девочку, ноги которой свесились безжизненными плетьюми, на руки и положила на кровать. Вытерев кончиком платка глаза, тихо сказала:

«Спи Марфушка, батюшка Серафим нам поможет. Не может не помочь, всем помогает. Вот завтра поедем к нему и все будет хорошо».

Тяжело вздохнув, Наталья Ивановна, так звали женщину, еще раз повернулась к иконам, перекрестилась и легла на стоящую в соседнем углу кровать.

Ребенок беззаботно засопел, а тяжелые думы все не выходили из головы матери. Несчастья преследовали бедную женщину всю жизнь. Родилась Наталья в семье средней, достаток был и жили спокойно. Сама она была работающей и все в ее жизни складывалось вроде бы ровно, все как у людей, но встретился на ее жизненном пути Петр, красивый парень из бедной семьи. Сама не понимая как, девушка влюбилась в него и вопреки родительской воле, молодые обвенчались в церкви и стали жить.

Родители не простили непослушной дочери такого решения и благословения на брак не дали. И пошло у молодых все не так. На их беду началась война Японская. Наталья была на сносях, срок рожать подходил, а ее Петра забрали в армию. Скоро родилась дочь, тяжело девушка пережила роды, да и ребенок рос болезненный, еле выходили. Решила молодая мать назвать дочку Марфой.

Через полгода случилось горе, пришло известие, что муж ее Петр убит на войне. Вмиг почернела несчастная женщина, состарилась в момент, и даже близкие не узнавали ее. Как пережила такую беду Наталья сама не помнит, Никто помогать ей не спешил, а дочь растить надо. Ох и похожа стала дочь на отца своего покойного. Росла резвым ребенком, все схватывала на лету.

Но судьба снова испытывала эту семью. В прошлом году исполнилось Марфе восемь лет, купалась она с соседскими ребятами на пруду, что в центре села. От этого водоема и дошла шатающейся походкой до дома, легла на кровать и на утро не смогла с нее встать. Отказали ноги.

Мать плакала, рыдала, расспрашивала дочь, что случилось, а девочка смотрела на мать виноватыми глазами и только просила прощения, отвечая, что ушиблась по неосторожности.

Как этот год прожила Наталья Ивановна, сама не понимает. В будни батрачила на соседей, а в воскресные дни и праздники брала ребенка на руки и несла в церковь, где усадив девочку на лавку, неистово молилась Богу.

Марфу пора было отдавать в школу, но обучаться она не могла. И все равно, дочь росла не по годам разумная, схватывала все

на лету. Со временем выучила многие молитвы и Наталья стала замечать, что молясь, сама стала повторять слова за дочерью.

После завершения одной из воскресных служб мать взяла ребенка на руки и тут к ней подошла женщина в монашеском одеянии.

– Я вижу горе у вас? А как из беды выбраться вы не знаете. – начала разговор подошедшая. – Слышали вы о святом старце Серафиме?

– Как не слышать? Лет десять назад к нам в губернию сам государь-император приезжал. На всю Русь возвеличили святого, – ответила Наталья, усадив девочку на лавку у стены. И, разогнувшись, посмотрела на собеседницу.

– Точно так, – продолжила разговор старушка, – десять лет прошло и люди все идут в Саров помолиться преподобному. Вот и ты иди и проси за дочь. И излечитесь.

Наталья Ивановна посмотрела на монахиню со страхом и неверием:

– Как же мы доберемся туда, да и поможет ли нам грешным батюшка Серафим?

– В дни прославления преподобного Серафима Саровского, от святых его мощей произошло неисчислимое множество благодатных исцелений. Бросает костыли крестьянин с разбитыми упавшим деревом коленными чашечками; с глаз крестьянки, лишившейся зрения за двадцать лет до того, как чешуя, спадают слепота; ребенок, все кости которого искривлены, вдруг распрямляется, кричит: «Я хочу бечь!» – и бежит, – затараторила монашка. – Иди и спасай дочь.

С этой встречи прошло пять дней. Многие передумала бедная мать. И все же решила на такое путешествие. Собрав оставшиеся деньги, договорилась с соседом о поездке и вот теперь женщина никогда не покидавшая родного села, со страхом ожидала утра.

Петухи запели, вскочив со своей лежанки, Наталья умывшись начала неистово молиться и собираться в дорогу. Отнеся еще ставшую дочь на телегу, и прикрыв ее одеялом, женщина села рядом. Окликнув лошадь, сосед взял вожжи и направил на Астраханский тракт размеренный шаг лошади по накатанной дороге. Путешествие прошло на удивление легко. По приезду мать и дочь

молились не замечая времени. С грустью покидали они обитель Преподобного Серафима, но чуда так и не увидели. Погрузив девочку на телегу, мать отправилась в обратный путь. Когда в лучах заходящего солнца показались крайние дома родного села, мать приподняла голову девочки, чтобы та могла посмотреть на село.

Потекли обычные дни. Наталья продолжала работать на соседей и не переставала ходить в церковь. Но однажды, в одно из воскресений вернувшись из храма и положив дочь на постель, мать сама легла отдохнуть. Вдруг женщину разбудил непонятный шум. Повернув голову Наталья с изумлением увидела, что ее дочь сидит на краю кровати свесив ноги и пытается встать.

Не веря глазам своим, мать подбежала к дочери и, схватив ее, помогла стоять на дрожащих, ослабленных ногах. Они стали рыдать и в одном порыве бросились молиться перед иконами...

С тех пор девочка быстро пошла на поправку и уже через месяц свободно ходила по улице. Все соседи дивились произошедшему чуду, о чём рассказывали друг другу. И хотя дочь с матерью жить богаче не стали, но появившийся просвет очень сильно вдохновил их.

Марфа стала петь в церковном хоре, хотя отказывалась учиться в школе, так как за время уединения отвыкла от сверстников, не переносила шума, мирской суеты. Девушка росла тихой, застенчивой и, несмотря на безграмотность, выучила все молитвы наизусть и могла самостоятельно исполнять различные церковные требы, что стало приносить определенный доход в семью. Её часто приглашали отпевать умерших. Рвение девушки в вере не осталось незамеченным со стороны местного священника и он многим ставил ее в пример.

В пятнадцать лет Марфа была направлена паломником в святой город Иерусалим, вернувшись откуда девушка еще сильнее укрепилась в вере, готовилась стать инокиней и принять монашеский постриг.

Так и жили мать и дочь, радовались каждому дню, тому что есть хлеб насущный и здоровье не подводит, пока не пришли лихие времена – революция, гонения на церковь

ПЕРЕЛОМЫ СУДЬБЫ

Прошло десять лет. Революция, не сильно изменила жизнь населения, но разделила на два враждующих лагеря жителей села. Стороной обошла страшная Антоновщина. Постепенно стала налаживаться мирная жизнь. Но все эти изменения, казалось никаким образом не влияли на жизнь матери и дочери.

Девочка выздоровела, превратилась в красивую девушку, но была настолько набожной и уединенной, что ни один парень из села не смел к ней подойти. Семья продолжала жить в нужде, да ещё положение усугубляло то, что Наталье перестали давать подработку соседи; всех одинаково душила бедность. Но положение выправляла набожность дочери, будто сам Господь давал этой бедной семье хлеб.

Накалялась ситуация вокруг местного храма. Но жители Новоархангельского, такое красивое название имело это село, стояли насмерть за свою церковь и, побоявшись обострения обстановки, ведь свежи еще были воспоминания об Антонове, местные власти отступили от идеи закрыть храм.

А Марфа как-будто не замечала происходящего вокруг. Она знала, что начнётся день с молитвы и закончится ею. Когда не было службы в своей церкви, она отправлялась в соседние села и там поражала всех своей усердной молитвой. Особенно нравилось ей бывать в монастыре расположенном вблизи города Раненбург. Часто посещала там старца Василия, ставшего ей наставником и духовником.

Именно Василий и предсказал девушке: быть тебе невестой Христовой, к чему она себя и готовила. Школу Марфа не посещала, а по селу ходила как блаженная, в черной одежде, всегда низко опустив голову...

***

Был теплый апрельский день. Время приближалось к полудню. Стояла звенящая тишина. Марфа шла после службы из храма домой. После молитв дышалось легко. Она не чувствовала усталости, как будто отдыхала во время моления.

Не дойдя три дома до своего, Марфа услышала веселые голоса. Подойдя поближе увидела, что у соседского забора стоит телега набитая тюками, которые весело перекидывают мужики, а чуть поодаль в окружении ребятшек за ними наблюдал молодой человек, одетый в военную форму.

Глаза девушки и военного встретились и он завороченно смотрел на Марфу, которая потупив голову, заспешила домой.

– Что это за монашки у вас по улице бегают? – спросил военный, обратившись к стоявшему поодаль старику.

– Это дочь Наташкина, – Марфушка, при церкви служит. Блаженная, – ответил дед.

– Пощупать бы ее, какая блаженная, – рассмеялся парень. – Веселей таскай, всю деревню в шелка оденем.

– Где же ты материала столько набрал, сынок? – спросил подошедши ближе старик.

– В самом Кремле сейчас работаю, – лихо ответил «сын». – Распределяю, что цари у народа украли.

– Да, высоко взлетел. Раньше нам такое и не снилось. – Как бы сам с собой проговорил старик.

А Дмитрий в окружении родни прошел в дом, где стал распределять по родне привезенный материал, а был он различный – невероятно гигантских размеров шторы, скатерти, вырезанная из диванов кожа. Всех снабдил, каждый клочок из привезенного, пошел на пользу нищей родне. А затем накрыли столы и каждый хотел угодить высокому начальнику; сегодня материалом одарил, завтра работу даст, всю семью прокормит.

Большая родня веселилась и распивая самогонку, слушала невероятные рассказы Дмитрия про военную службу и невероятную столичную жизнь. Было жарко, гости хмелили, разговор становился все громче...

***

А Марфа дома прилегла отдохнуть. Жара сморила ее, но проспав до вечера, стала собираться на улицу.

– Куда ты доченька? – спросила Наталья.

– У Сухаревых дядя Петя умер. Пригла-

сили отпеть, – ответила девушка, – приду поздно.

– В час добрый!, – перекрестила мать дочь, и та вышла из дома.

***

Стояла глубокая ночь. Небо было звездное, ярко светила луна. Марфа устало шла домой, когда впереди услышала пьяные голоса.

– Ну и где твои девки? – послышался пьяный, незнакомый голос. – Деревня, она и есть деревня, ни жизни – ни развлечений.

– Да, не Москва уж, – заискивая, оправдывался другой.

Сердце Марфы сжалось в предчувствии беды. Мужчины поравнялись с ней, когда один из них резко схватил ее за руку и притянул к себе. Глаза мужчины и женщины встретились и она узнала виденного днем военного.

– Вот и монашка попалась, – дыхнув перегаром, сказал Дмитрий и впился поцелуем в губы девушки.

Реальность перестала существовать для Марфы. Мало понимая, что происходит, она как бы провалилась в сон...

Наталья встретила дочь на рассвете. Та пришла в разодранной одежде и, мыча что-то непонятное, свалилась в постель.

Причитая, женщина стала пред иконами и начала молиться сквозь слезы, то и время повторяя «какое горе».

***

То утро было особенно тяжелое и для Дмитрия. Подняв тяжелую голову и осмотревшись стеклянным взглядом по сторонам, он с трудом начал вспоминать, что происходило вчера.

Приезд, радужная встреча родни, задача подарков, застолье, гуляние по деревне, соседская девушка и ее глаза, чистые, неподвижно смотрящие... Эти глаза и сейчас смотрели на него, в них чувствовалась скорбь и утрек.

Он медленно поднялся с кровати, выйдя из избы, побрел во двор к колодцу. Жадными глотками выпил воды и услышал голос своего приятеля Кольки, друга детства, гулявшего с ним вчера.

– Что, голова чумная? – весело спросил Николай. – Понравились наши девки? А ты – Москва, Москва. Вон как на Марфушку запрыгнул.

– Да пошел ты! – зло отрезал Дмитрий. И войдя в дом, нашёл бутылку с самогоном, налил кружку, молча выпил.

В сознание стало всплывать происходящее вчера и ему чудилось, что многие монашки смотрят на него, причем с разных сторон.

– Не переживай, – стал утешать вошедший в избу приятель, – делов-то? Не ты, так другой. Она теперь и счастлива небось, ведь красный командир «осчастливил».

Дмитрий, не слыша приятеля, сидел обхватив голову руками. Колька разлил самогон в кружки, протянул одну другу, который взерошив волосы руками, чокнувшись, выпил.

Весь день прогуляли Дмитрий с другом и до позднего вечера по деревне раздавались их пьяные песни.

***

Летом время летит быстро. Молитва принесла успокоение Марфе. Все было как прежде, только девушка стала в храм ходить по окраине села и не появлялась на той улице, где проживал насильник.

Дмитрий же, нагулявшись в первое время, занялся обычным крестьянским трудом, но при этом совсем потерял покой. Перед ним все время стояли глаза Марфы. Не было ему покоя ни ночью – ни днём. Он стал искать встречи с Марфой, поджидать её около храма, несколько раз попытался подойти, но, наткнувшись на стеклянный, невидящий взгляд, пристыженный, опустил голову, проходил мимо.

До конца отпуска оставался месяц. Был праздник Петра и Павла. Несмотря на то, что парень считал себя безбожником, работать в этот праздник не решился. Промучившись всю ночь, он направился к храму.

Народу было много и после окончания службы люди толпами расходились по домам. Встав в сторонке, Дмитрий наблюдал за происходящим; вот вышли последние люди, а Марфа все не показывалась. Наконец, у дверей величественного храма обозначились две фигуры в черном одеянии. Повернувшись на храмовую

икону, женщины перекрестились и пошли, улыбаясь и о чем-то тихо разговаривая. Заметив Дмитрия, они замедлили шаг, при этом смотрели на красного командира настороженно. У пожилой женщины читался в глазах испуг, а взгляд молодой обжигал холодом.

– Здравствуйте! – заговорил молодой человек.

Мать кивнула, а Марфа выжидающе смотрела в глаза парню.

– Я мучаюсь каждый день, – выпалил Дмитрий. – Нет мне покоя, твои глаза стоят передо мной. Нет мне прощенья, но если можешь, то прости и выходи за меня замуж... Выходи, не пожалеешь, я в Москве не последний человек, нужды знать не будешь.

Марфа спокойно, выжидающе смотрела как-будто сквозь него.

– Ты все сказал?

– Да. Ты мне нужна. Лучше меня не найдешь здесь.

– Есть и лучше, намного лучше, – растяжно проговорила девушка.

– И кто же он? – ревниво спросил парень.

– Господь наш, Иисус Христос. Я невеста Христова, – ответила Марфа.

– А ты подумай, – крикнул вслед собеседник, – я через месяц уезжаю.

Женщины медленно удалялись, и Дмитрий, махнув рукой, тоже зашагал прочь.

Наталья дома стала готовить скудный, но все же праздничный обед. Марфа прилегла на кровать и немного задремала. А потом, идя к столу, почувствовала легкое головокружение и сильную тошноту. Быстро вскочив, прикрыв рот рукой, она выбежала во двор, где ее начало рвать.

Наталья с полотенцем в руках тревожно смотрела на дочь. Взяв ее под руку и заведя в дом, уложила на кровать, сама села рядом:

– Беременная ты видно, Марфа. Не зря сегодня этот черт красный кружил рядом.

– Что же теперь со мной будет?, – заплакала дочь.

Наталья вытерла уголки глаз краем платка.

– Судьба наша такая, страдать. Это я виновата. Без родительского благословения ничего не делай, дочка.

Слезы катились по щекам Марфы, а в голове была пустота.

– Иди к старцу Василию и проси совета, – сказала Наталья.

На следующее утро, как только рассвело, Марфа отправилась в Петропавловскую обитель. Пока прошла по лугу, промочила всю обувь и подол платья.

В монастырь пришла ближе к полудню и обрадовалась, увидев седовласого монаха близ колокольни.

– Здравствуйте батюшка, – наклонившись за благословением произнесла девушка.

Перекрестив Марфу и положив руку на склоненную голову, старец также поприветствовал ее и пригласил в часовню.

Беседа девушки и монаха длилась два часа, после чего она вся заплаканная вышла из ворот монастыря и медленно побрела домой. Дорога совсем не запомнилась ей и лишь к вечеру дойдя до дома, она устало прилегла на кровать. Глазами полными слез уставилась в потолок.

Мать вздохнув, села рядом с кроватью.

– Нельзя мне в монахини. Отец Василий сказал нужно ребеночка сначала выкормить, а дитя бросать грех. Нужно его человеком сделать. Грехи мне отпустил, а за безбожника замуж запретил выходить. Дети страдать будут.

– Да как же это без отца рожать? – испуганно спросила Наталья. – Грех то какой, людям ведь не объяснишь ничего.

– Отец Василий сказал – нельзя за безбожника, – повторила дочь и забылась во сне.

Наталья, встав перед иконами, стала молиться Богу, время от времени причитая.

Утром мать и дочь пошли в церковь, а, выйдя из храма, увидели стоявшего поодаль Дмитрия, поджидавшего их в тени деревьев.

Когда женщины подошли поближе, молодой человек вышел на дорогу и, преградив им путь, спросил:

– Ну что? Подумала? Соглашайся. Последний раз предлагаю.

Марфа только хотела ответить, когда произошло неожиданное. Наталья упала перед ней на колени и ухватив дочь за ноги прокричала:

– Соглашайся милая, Христом Богом прошу, соглашайся. Не губи ни жизнь свою, ни дитя, нельзя без отца – это грех.

И причитая, не выпускала девушку из своих рук.

Лицо Марфы исказило страдание:

– Встань матушка, не позорь меня. Умоляю – поднимайся.

– Не встану, пока согласишься не дашь, – сквозь слезы шептала мать.

Дмитрий молчал потупив голову. Из-за соседних оград стали показываться головы односельчан. Шедшие впереди люди остановились, обернулись на шум. Все взгляды были устремлены на Марфу и она, испуганно отшатнувшись, как подкошенная села на дорогу и обнявшись с матерью зарыдала.

После подняла заплаканные глаза и, посмотрев на «жениха», произнесла:

– Согласна, я. На все согласна.

Дмитрий облегченно вздохнул, с достоинством, легким шагом, впервые за последние три месяца без мрачных мыслей зашагал домой.

Войдя в избу, подошел к отцу:

– Все батя, женюсь я, давай свадьбу готовить.

– Вот это новость, на ком же, сын?

– На Марфе, что на окраине живет, – выпив из ковша воды, улыбнулся сын.

– Да на кой же она нищая нам нужна? – дивился старик.

– Не рассуждай по-старому, батя, – лихо ответил Дмитрий. – Предрассудки это. А я всех вас обеспечу и родне достанется.

Отец недовольно покачав головой вышел из избы.

***

Через три дня сыграли свадьбу. Молодые начали жить в летней пристройке. Дмитрий был счастлив и как-будто не замечал тихой печали своей жены. Спустя месяц закончился его отпуск, он засобирился в Москву.

Прощаясь с Марфой, Дмитрий обещал скоро вернуться, просил родителей беречь молодую жену и ребенка когда родится. Затем отбыл на службу.

Время потянулось долго, беременность Марфы протекала тяжело, общение с мужем осуществлялось через письма, которые Марфе читал в храме священник, он же и писал ответы за неграмотную девушку.

К старцу Василию девушка ходить перестала, ей было стыдно, но службы посещала с тем же усердием, несмотря на болезни. Находила Марфа время для помощи по хозяйству матери. При этом жить оставалась все в той же летней пристройке, благо, осень была теплой и снег не лег даже в декабре.

Родился сын, а помощи от родителей мужа не было. Не спешили они перевести ее в теплый дом, а родная мать приказывала жить в семье мужа, чтобы не случилось.

В одну из ночей внезапно наступил мороз, ребенка охватил жар. Промучился он два дня и умер на руках Марфы. Она думала, что не переживет этого горя и в отчаянии бросилась к местному священнику, который написал письмо Дмитрию, с мольбой приехать за молодой женой. Дмитрий приехал спустя три дня. Поругавшись с родителями, поклялся не приезжать больше в родное село и с молодой женой уехал в ночь в Москву.

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

После смерти сына Марфа пребывала как во сне. Смотрела и на дорогу к Москве как бы со стороны. Столица вначале встретила маленькими селами, затем здания стали расти, город надвигался, каменные здания нависали. И наконец, появились стены Кремля. Кирпичные величественные стены, возносящиеся ввысь башни и орлы на шпилях...

При въезде в Кремль у них проверили документы. Караульные отдали честь мужу и повозка въехала в ворота. Вещей у Марфы не было, ее с маленьким узлом Дмитрий провёл в высокий дом. Они поднялись на третий этаж, муж достал ключ, открыл одну из дверей на площадке.

– Хозяиничай, жена, – великодушно произнес он, широко разведя руки в стороны. – Все здесь теперь наше.

Марфа стояла в нерешительности, не выпуская из рук узел. Затем, была в обуви, с уз-

лом в руках, пошла осматривать просторные комнаты.

Через час молодая хозяйка уже наводила порядок в доме, а ее муж докладывал коменданту о своем прибытии.

Жизнь потекла по новому, Марфа вела хозяйство, терпеливо ждала мужа с работы и усердно молилась. Для этих целей она отвела себе уголок в каморке, где поместила привезенные иконы, которые муж не разрешал выставлять напоказ.

Дмитрий занимал должность завхоза Кремля. Вел активную жизнь, участвовал во многих мероприятиях. Постепенно забылись обиды на родню, за погубленного ребенка и он стал отправлять посылки в родное село с целью поддержать своих. Будучи человеком общительным, он всегда находился в центре внимания, но из-за набожности супруги не приглашал друзей в гости.

А Марфу не интересовали события происходящие в стране. Через год у нее родился сын. А вскоре из родного села Новоархангельского пришло известие о смерти матери. Поехать на похороны она не смогла и долго оплакивала свою мать перед иконами.

Редко выходила Марфа на улицу, а если и выходила, то ездила в Троице-Сергиеву Лавру. Этот монастырь особенно ей понравился. Там она не чувствовала времени, молилась часами. С грустью покидала стены обители отправляясь в обратный путь...

Один за другим родились у Дмитрия и Марфы еще трое детей. Теперь семья стала большой: двое сыновей, две дочери.

Однажды Дмитрий вернулся домой и его поразила тишина стоящая в доме. Пройдя по комнатам, он услышал тихий шепот доносящийся из темной комнаты, где обычно молилась Марфа. Подойдя поближе он увидел свою жену и детей стоящими на коленях перед иконами и повторявшими слова молитвы.

– Володька, Мишка, – окрикнул он сыновей, – быстро подойдите ко мне.

Дети встрепенулись и испуганно вскочив, подбежали к отцу, потупив взгляды.

– Вы что тут делаете? Вам что, в школе не объясняли, что Бога нет?, – зло спросил Дмитрий.

– Мы с мамкой молимся, – шмыгнув носом ответил старший, Владимир, – она молится и мы за ней.

– Марш учить уроки!, – приказал отец. – А ты иди сюда, поговорим. – поманил он пальцем жену.

Медленно поднявшись с колен, поправив платье и вздохнув, Марфа подошла к мужу. Дочери в это время убежали в свою комнату.

– Ты не смеешь портить детей!, – прокричал Дмитрий. – Они дети большевика и сами большевики. Не смей портить им жизнь.

– Они православные и верят в Бога, – тихо ответила Марфа.

– Не смей, слышишь? Не смей мне так говорить, – пригрозил Дмитрий и хлопнув дверью вышел из комнаты.

С того дня Дмитрий пристально следя за поведением детей, стал замечать в них изменения, то, как они украдкой крестятся. С наступлением лета он отправил детей в пионерский лагерь, запретив жене посещать их. По окончании смены, перевел детей из обычной школы в школу-интернат, объяснив это лучшими условиями обучения.

Марфа сильно страдала от того, что не может видеть своих детей и воспитать их настоящими православными людьми. От этого она еще больше замкнулась и стала проводить почти все время в молитвах.

***

Жизнь в стране улучшалась. Партийная элита стала жить значительно лучше. Не знала нужды и Марфа. Но достаток скорее тяготил ее, а спокойствие она получала только в стенах Троице-Сергиевой Лавры.

Дмитрий, хотя и был поглощен работой, но успел помириться со своей родней и оказывал ей всяческую помощь, вместе с женой бывая в селе. Правда Марфе не к кому было там приезжать – родная мать – Наталья – умоляя дочь выйти замуж, как бы предчувствовала свою кончину. Душа ее упокоилась на третий год после переезда Марфы в Москву, которая приезжая в родное село подолгу была на кладбище, ухаживала за могилкой. А после шла в храм, где проводила фактически все время, стараясь меньше общаться с род-

ней мужа. Так и шло у них, все порознь: он на службе, она в молитвах.

Но Дмитрий, занимая высокий пост в Кремле, был обязан участвовать в различных официальных мероприятиях и частых застольях. Непременным условием таких приемов было то, что партийные и хозяйственные работники должны были присутствовать со своими супругами.

Марфа очень переживала, поскольку эти мероприятия попадали в пост или под церковные праздники, а перебороть себя она не могла и категорически отказывалась участвовать в торжествах, сказываясь больной. В семье вновь начались скандалы.

Решение вопроса пришло неожиданно. Как-то, возвращаясь из очередной поездки в Лавру, Марфа вошла в дом, а впереди неё по лестнице поднималась соседка, по имени Мария – вдова большевика, погибшего в 20-х годах, женщина моложе Марфы, проживающая одна и бездетная.

Поздоровавшись, они стали расходиться, как вдруг Марфа окрикнула соседку:

– Мария, мне необходимо с вами поговорить! Не поймите меня неправильно, но мне нужна ваша помощь. – комкая в руках платок, продолжила Марфа.

– Ну же, говорите, – ответила Мария.

– Вы знаете моего мужа – Дмитрия Николаевича, ему необходимо быть на приемах, а я вечно болею. Не могли бы вы стать его спутницей на них? – подбирая слова, говорила Марфа.

– Не поняла? – удивилась соседка.

– Прошу сопровождать мужа на торжествах, назвавшись его женой, – опустив глаза сказала Марфа.

– Забавно, то есть вы предлагаете мне быть праздничной женой Вашего мужа? – засмеялась Мария.

– Да. Вы очень сильно выручите нас, – умоляюще смотрела на собеседницу Марфа.

– Смешно. Вы просите меня о таком... – кокетливо поправила прическу Мария. – Это даже интересно. Я подумаю.

– Прошу вас. Помогите, – еще раз попросила уставшая женщина.

Марфа поднялась к себе и принялась готовить ужин. Дмитрий в этот день пришел

раньше обычного и когда супруги уселись за стол, Марфа начала разговор:

– Скоро праздник, годовщина Октября.

– Да, – ответил Дмитрий, – подготовка идет полным ходом. Такого парада Москва еще не видела.

– А я снова болею, боюсь не смогу пойти с тобой, продолжила жена.

Дмитрий выронил вилку из рук, которая со звоном ударилась о тарелку и выжидающе смотрел на супругу.

– Я сегодня разговаривала с нашей соседкой, Марией, ты ее знаешь, – испуганно заговорила жена, – она вроде не против пойти с тобой на парад, а я отлежусь и после буду здорова.

– Какая еще Мария? – глаза Дмитрия сверкнули. – Ты моя жена, – при чем здесь Мария?

– Мария, соседка, мы и похожи с ней. Она пойдет за меня, а я останусь дома, по хозяйству, – затараторила Марфа, боясь пропустить хоть одно слово.

Дмитрий поднял вилку и задумчиво продолжил ужин...

На следующий день Марфа спустилась к соседке и повторив свою просьбу получила утвердительный ответ...

Так Мария стала праздничной женой Дмитрия и, начиная с 7 ноября, сопровождала его на всех последующих мероприятиях.

Марфа восприняла это как облегчение судьбы, и теперь ничто не мешало ей уединяться и еще больше времени проводить в молитвах. Со временем она начала замечать изменения происходящие в ее отношениях с мужем.

Однажды, возвращаясь с покупками из магазина, проходила мимо двери Марии, и услышала звук открывающегося замка. Спиной к ней выходил мужчина в военной форме, которого сильно прижимала к себе и целовала, закрыв глаза, соседка. Когда Мария увидела Марфу, зрачки ее расширились и она, замерев, с испугом оттолкнула мужчину.

Оцепенение прервал стук закрывающейся двери и лязг замка. Марии на лестничной клетке уже не было. А Дмитрий, посмотрев на супругу, поправил фуражку и молча стал спускаться, по лестнице.

С тех пор супруги стали очень мало общаться. Дмитрий ходил на приемы со сво-

ей праздничной женой. Марфа молилась. И только редкие приезды детей оживляли их жилище. Но при виде детей сердце матери разрывалось еще больше. Дети не верили в Бога и росли в отца без веры.

СБЫВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО

Время проходит быстро. А в жизни Марфы мало что менялось. Молитва, быт, забота о муже и уже выросших детях... И снова молитвы. Страна готовилась к празднованию 1 мая. До этого события оставалось две недели и Дмитрий был полностью поглощён работой.

Тот день проходил как обычно. Проводив мужа, Марфа занялась домашними делами. В окно ярко светило солнце, радуя своими теплыми лучами. Весна была поздней и Марфа всегда замечала, что когда Пасха поздняя и тепло задерживается, то Светлый праздник наступит через неделю. Женщина готовила два обеда – постный для себя и обычный для мужа.

Неожиданно раздался звонок. Вздрогнув, Марфа, отложила нож и пошла открывать дверь. В дверях стоял взволнованный помощник мужа.

– Дмитрий Николаевич... Дмитрию Николаевичу стало плохо, – выпалил взволнованный парень. – Стоял, вдруг за сердце ухватился и упал. В «Кремлевку» отвезли. – всхлипнув, закончил вошедший.

Как молнией подкошенная, Марфа упала потеряв сознание. Придя в себя, при помощи помощника поднялась и начала звонить в больницу, откуда ей сухим голосом сообщили о смерти Дмитрия.

***

Шла подготовка к похоронам. Марфу, несмотря на все просьбы, не подпускали к телу супруга. Церемония погребения была четко отработана и все вмешательства, даже родственников, казались лишними.

К матери слетелись все дети и, в ожидании прощания с отцом, бесцельно слонялись по квартире.

– Подойди ко мне, Миша, – тихим голосом позвала старшего сына Марфа.

– Что?

– Этажом ниже живет женщина, – с трудом начала говорить мать. – Пригласи ее на прощание с отцом.

– Да ты что, матушка?

– Пригласи. Любил он ее, – откинувшись на подушку дивана, закончила мать.

Сын, опустив голову, вышел из квартиры. Спустя несколько минут дверь открылась, и за Михаилом в дом вошла Мария. С заплаканными глазами она нерешительно прошла в комнату, и сев напротив Марфы, рыдая, стала просить у нее прощения.

– Бог простит, – ответила Марфа, – а я тебя давно уже простила.

Когда соседка ушла, Марфа вновь подзвала старшего сына:

– Душа моя болит, что отец твой не крещеный был, да без покаяния умер. В пост хороним, а эти... с музыкой хотят. Молю тебя, положи в карман ему молитву вот эту.

Женщина протянула сыну свернутую разрешительную молитву.

– Положи в карман отцу и попроси их хоронить без музыки. – повторила Марфа.

– Что ты, матушка, – испугался сын, – нельзя этого, не положено.

– Умоляю, сделай так, – с плачем просила мать. – Даже похоронить по православному не дают.

***

Наступил день похорон. За гробом шли две женщины, дети покойного и много друзей. Как гром среди ясного неба, грохнул оркестр, и Марфе почудилось, что под эти звуки душа Дмитрия несется в ад. И чем громче играл оркестр, тем быстрее она стремится в геену огненную.

Бедная женщина не понимала, что происходит. Лица соболеющих, знакомых, детей, проходили как в тумане.

Пришел черед прощания. И Марфа наклонилась над мужем, в слезах целуя его, она невольно пошатнулась и, чтобы не упасть, ухватилась за карман супруга. Почувствовала, что в кармане покойного лежит свернутая молитва. Встрепенувшись, мать встретилась глазами с сыном, и слезы благодарности потекли по ее щекам.

На следующий день Марфа ехала в троллейбусе. Лицо ее было каменное. В простой холщевой сумке лежал пистолет покойного Дмитрия, который она обязана была сдать.

Зайдя в кабинет для сдачи оружия Марфа, назвавшись, достала из сумки пистолет и протянула сидящему в форме человеку. Тот с удивлением покачал головой и попросил подождать, пока будут заполнены необходимые документы.

– Распишитесь вот здесь, – спустя некоторое время сказал военный, протягивая женщине журнал, где галочка.

Марфа неуверенной рукой взяла в руки протянутое перо, обмакнула в чернильницу и поставила крест в указанном месте.

– Что это? – удивился военный. – Я же сказал – распишитесь.

– Не грамотная я, – ответила Марфа. – Вот моя подпись.

Под удивленные взгляды присутствующих женщина молча вышла из кабинета.

Выдержав паузу, оставшиеся переглянулись.

– Надо же, у такого Человека и такая жена. – Недоумевая проговорил военный, закрывая журнал.

***

Прошел год. Марфа всё же приняла монашеский постриг, став, наконец-то «невестой Христовой». Она нашла то, к чему стремилась всю жизнь. День и ночь проводила у икон, молясь за покойного мужа и близких.

Но, вопреки всему, успокоения в ее душе не было. Дети не понимали ее, стараясь не посещать. И так же, без веры в Бога, воспитывали своих детей. У Марфы сердце сжималось от боли и она старалась еще усерднее молиться.

До конца её жизни никто из четырех детей так и не побывал больше у матери.

Выходит сбылось печальное предсказание, которое дал ей в день их последней встречи старец Василий...

Анатолий Труба,
член Союза писателей России

ВЕРХОМ НА СВЯТОСТИ

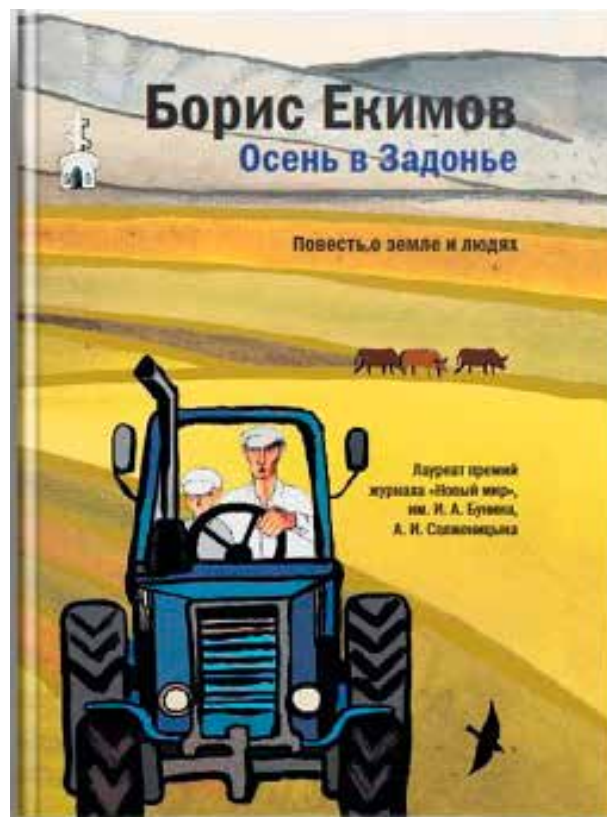
У НАС ВЕДЬ КАК? ПРОТИВ ШЕРСТИ – РУСОФОБИЯ, ПО НЕЙ – РУСОПЯТСТВО. БЕЗ ВАРИАНТОВ. А ВОТ ЕСЛИ ПРАВДЫ, ДА ТАКОЙ, ЧТОБЫ БЕЗ УТАЙКИ, ДО КОНЦА?

ПРАВДА – ЕСТЬ. ПУСТЬ В ФОРМЕ ПРИТЧИ С ЕЁ ЗАВЕРШЁННОЙ ЛОГИКОЙ «КОНЦОВ И НАЧАЛ», ГДЕ ПРАВому ДОСТАЁТСЯ ТРУДНЫЙ ЗЕМНОЙ РАЙ, А НЕПРАВому ЕСЛИ НЕ ЛЮТАЯ СМЕРТЬ, ТО РАЗОРЕНИЕ, НО ОНА – ЕСТЬ.

Борис Екимов, пишущий уже полвека, наследует не просто «деревенской прозе» – это определение слишком поверхностное – но почвенной традиции, внимательно и неспешно разбирающейся в нестоличных судьбах. Стилистически такая проза волей-неволей будет восходить к сказу, изрядно потрёпанному многими повествователями к месту и не к месту, однако функции свои она выполняет исправно: Екимова стоит прочесть уже ради тех самых пропускаемых в отрочестве «описаний природы».

О старом Доне мы знаем практически всё: «Тихий Дон», «Донские рассказы», «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину» так впечатались в сознание, что на самой периферии едва мерцает крохотный образчик полузабытого теперь Алексея Толстого. Его «Архип» – зарисовка о том, как мелкий помещик едет отыскивать украденную лошадь и попадает к богатому казаку Заворыкину, который чуть не забивает его до смерти за одно подозрение в том, что он вор. При этом он, разумеется, и вор, и скупщик краденого. Понятие о «степной чести» специфично; устами Заворыкина: «У нас в степи законы не писаны, колодцы глубокие, – бросил туда человека, землицей засыпал, и пропал человек... У нас в степи казак на сорока тысячах десятинах – царь, не только в чем другом, в жизни людской волен».

Никаких утаек не содержит и фабула екимовской «Осени в Задонье» – о Доне современном. Отчаявшийся в случайных дорожно-торговых заработках, бесконечных досмотрах и взятках правоохранителям дальнотойщик Иван идёт в услужение к богатому

казаку Аникею. Автор подчёркивает – настоящему казаку, хозяйствующему на земле, а не увешанному фальшивыми медалями горлопану. Прикипев к огороду, скотине и прочей живности, Иван сманивает к себе сына-подростка, а потом и жену. Усаживанием на землю новоявленный фермер то тревожит, то размягчает нрав сурового отца, если и жалеющего, то о том, что дети, к его огромному сожалению, не обладают должной жизненной хваткой для того, чтобы стать «настоящими хозяевами».

«Начитались книжек, стишки учили, чуть что, сразу под юбку. Твоя порода!» – попрекает «старый Басакин» жену. Эту речь можно было бы спокойно свести к пронизывающему сознание постсоветских людей идеалу хищничества, всеподавляющей жестокости и беспрестанной экспансии, если бы не авторская сюжетная логика. «Племенные ценности» Екимова амбивалентны и работают в обе

стороны: род целостен, и потому он должен собраться вместе, но не всякой ценой и не для всякого, тем более ложно понимаемого, блага. Можно, например, бытовать, как сицилийский клан, терроризировать округу, а можно истово и тяжело работать, не претендуя ни на что, кроме возлюбленного клочка земли.

Здесь – феномен ценностный. Нравственный образ, пронесённый казачеством (да только ли им?) сквозь годы советской власти, остаётся, по Екимову, дореволюционным. Не просто земля, но – воля, причитающаяся любому её обхаживающему. И воля – не в смысле «что хочу, то ворочу», но «тружусь – ergo, преобразую и – преобразуюсь».

«угощать» блудницами на обширных поместных гульбищах «ментов» и прочих заезжих «деловых».

Поучительна судьба его работников «из интеллигентов», рассказанная в подпитии дедом Атаманом: жили «очкастые», пахали, как проклятые, мальчика их током убило прямо в доме, они и пропали. Соседи Аникея – чеченцы – по его словам, ещё хуже – кормят своих рабов «дроблянкой», крупной низшего сорта. Однако скоро оказывается, что один из чеченцев – Вахид – русских рабов совсем не держит. Противоречие? Ничуть. Екимов – писатель меры и степени, как именовал Ф. Искандер Создателя, «весовщик совести».

«НАДО РАБОТАТЬ» – КАК ЗАВЕДЁННЫЕ, ПОВТОРЯЮТ ЕКИМОВСКИЕ ГЕРОИ. НО ПОСЛЕ СОВЕТСКОГО РАЗВИТОГО ХОЗЯЙСТВА, ЕГО ПРОМЫШЛЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ВЫСОТЫ, ВПАДЕНИЕ В НЕМЫСЛИМУЮ ПРОСТОТУ СВИНАРНИКОВ, КОРОВНИКОВ, ПОКОСОВ И ВЫПАСОВ ВИДИТСЯ ВОЗВРАЩЕНИЕМ В КАМЕННЫЙ ВЕК.

Помните, за что колготились первые либералы перестройки? Стань средним классом, твердили они, отвязись от государства, навяжи ему свои условия! Никто еще не предъявил этим агитаторам счетов за сгинувших на необъятных просторах десятках тысяч инженеров ОПК и их семей, неосмотрительно поставивших знак равенства между дачей и ранчо.

«Надо работать» – как заведённые, повторяют екимовские герои. Но после советского развитого хозяйства, его промышленной и социальной высоты, впадение в немыслимую простоту свинарников, коровников, покосов и выпасов видится возвращением в каменный век.

«Осень в Задонье» – притча о труде и воздаянии. «Хозяин» Аникей, трогательно заботящийся о хуторских стариках-соседях, оригинал, и пребольшой. О работниках своих, «бичах», бывших уголовниках, говорит так: «здесь людей нет, одни обезьяны» – поучает он преемника Ивана. «Бичей» можно – и нужно! – нагайкой. От морали немецко-фашистского «бауэра» Аникей не просто никуда не ушёл – он ей и дышит, и живёт. Благодатель не считает зазорным отдыхать после тяжелого труда с «девками», при живой жене, тихо проживающей в городе с подростками дочерьми,

Конец Аникея бесславен: ему, начинающему теснить горских соседей, устраивают автокатастрофу, а хутор его сжигают. Настаёт очередь Ивана с семейством – огород их уже вытоптан чеченскими козами, не сегодня-завтра... но тут, как *deux ex machina*, является старший брат, бравый полковник ВВС Павел и устраивает спецоперацию, увозя лютого казачьего врага Асланбека на долгое и мучительное следствие. Поклонный крест, сломленный магометянином, восстанавливают, а сын Ивана Тимошка, подобный отроку Варфоломею, отсыкивает древний подземный монастырь, а в нём – ограждающую от зла икону Богородицы. Из горы же начинает бить родник – знак возвращения прежней благодати. Хэппиэнд?

Конечно же, нет. В сущем и настоящем Аникей благоденствует, а гибнут и опускаются вместе с семьями как раз трудяги, вроде Ивана.

Но вот вопрос: можно ли с годами будет всем нам полюбить екимовское семейство Басакиных, как истово и преданно любят шолоховских Мелиховых? Хорошие Басакины или плохие? Ни хорошие, ни плохие. Русские. Органически не принимающие «чужих», да и

ОСНОВНАЯ ЗАГАДКА – КАК НА ФОНЕ ИССТУПЛЁННОЙ ПОГЛОЩЁННОСТИ АНАТОМИЕЙ ПОКОСОВ И ВЫГОНОВ, ПРИ ПОЛНОМ И ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ВЫТЕСНЕНИИ ИЗ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЛЮБЫХ «ОЧКАСТЫХ» (КНИЖКИ, СТИХИ) СЕМАНТИК БАСАКИНЫМ (НЕ ВСЕМ, НО ИЗБРАННЫМ) УДАЁТСЯ НЕ ОСКОТИТЬСЯ, НЕ СКАТИТЬСЯ В «АНИКЕЙСТВО».

к своим относящиеся настороженно. Где же тут есть хвалёная русская доброта вселенского покроя, масштаба и пошиба? Сквайры, только без английского лоска. Неужели на их частном интересе всё дёржится?

Основная загадка – как на фоне исступлённой поглощённости анатомией покосов и выгонов, при полном и окончательном вытеснении из повседневности любых «очкастых» (книжки, стихи) семантик Басакиным (не всем, но избранным) удаётся не оскотиниться, не скатиться в «аникейство». Единственное извинение «степных нравов» – то, что и казаки, и чеченцы – дети Больших Геноцидов, спешащие жить богаче, бесшабашнее и наглее. Кто не с ними, тому в затвор, книжки читать да стишки учить.

Повесть, конечно, прошита и противостоящей линией – о гонимой и тайной вере, основавшей подземный монастырь и проложившей к редким постройкам «монашья тропы». Верхом на неиссякаемой подземной святости можно ехать ещё долго, но долго ли истощить её, как нефть, отчалив к тем пределам, где русский «хозяин» ничем не будет отличаться от американского латифундиста? В чём разница?

Может быть, именно вере суждено когда-нибудь переломить отчуждение людей друг от друга, выковать единую меру для всех, кто честно поливает потом землю. Но сегодня и в русских лесах, и на русских горах, в городах и поселках почти все друг другу чужие. Даже в семьях, где патриархальный догляд не отменяет непонимания ближнего и угрюмой ненависти к любому дальнему только за то, что дальний. Это и есть то вещество, что не даёт нации ни согласиться с самой собой, ни строить, ни доверять, ни просто сочувствовать.

Донские хутора, модель праначально вольной Руси, отъединённые друг от друга меловыми дорогами, еще долго будут мечтой о лучшем русском мире, чем он есть сегодня. Когда сойдёт на нет «первоначальное накопление», морочащее вчерашних оголодков, и уйдут в землю ненасытные злыдни, наступит иная пора... Но останется ли Дон Доном, а народ народом, если уйдут самые жестокие, с рождения делящие мир на своих и чужих, чтобы на первых ездить, а вторых сживать со свету?

**Сергей АРУТЮНОВ,
доцент кафедры творчества
Литинститута им. Горького**

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОГО КИНО

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино», – эти слова классика в свое время висели в каждом кинотеатре. И он был прав. По массовости и эффективности воздействия на людей кино было вне конкуренции. Чтобы смотреть кино не нужно даже быть грамотным, как в случае книг или газет. Воздействие идет одновременно на зрение и на слух. Театр есть далеко не в каждом городе, и он дает один, ну два спектакля и не каждый день. Кинотеатр и не один, был в каждом районе городов, райцентрах. Несколько сеансов ежедневно. Кино «крутили» в клубах, домах культуры, работали «кинопередвижки». Не будем забывать, что цена билета в кино была в разы ниже цены билета в театр. Добавим сюда получившее распространение во второй половине XX века телевидение, когда при трансляции «17 мгновений весны», «Тени исчезают в полдень», «Место встречи изменить нельзя» улицы пустели. Что получается: По массовости, доступности, доходчивости кино

оставляло далеко позади все виды искусств и средств массовой информации. Добавим сюда еще один любопытный эффект: Показанное на экране воспринимается как некое обобщение, что везде по стране так, а И естественно, в кино нашло свое отражение село с его проблемами и государственными установками.

Начало 1930-х. Только-только завершилась коллективизация. Как она проходила – предмет особого разговора, но государству было необходимо показать успехи коллективизации, популярность колхозов. Фильм «Вражья тропы» режиссеров Преображенской и Правова, вышедший на экраны в 1935-м году как раз показывает успехи колхозного строя, борьбу с вражескими элементами и массовое вступление крестьян в колхоз. Но самое главное, показанное в фильме – это трансформация сознания середняка от единоличного к общественному. Эту трансформацию переживало огромное количество крестьян по всей нашей тогда в основном крестьянской стране.

Третье десятилетие прошлого века было временем горячим. Строилась страна, строились заводы, сельское хозяйство насыщалось техникой, но дело шло к войне и

руководство страны это понимало. И вот в начале 1939-го на экраны выходит фильм «Трактористы» режиссера Ивана Пырьева. Это одна из визитных карточек советского кинематографа. Песни из неё стали народными. Многие слова и поговорки вроде «а я и растерялся ...» ушли в разговорную речь. На экране тяжелые гусеничные тракторы ЧТЗ, что недавно стали поступать в народное хозяйство, перевыполняют нормы. А еще идут мобилизационные мероприятия общесоюзного масштаба: готовится резерв механиков-водителей танков, готовятся женские тракторные бригады для замены ушедших в армию мужчин. Ну и думаю, у многих мальчишек замирало сердце при виде как танк БТ-5 преодолевает препятствия, форсирует водные преграды. «Танк – это мощно, танк – это красиво!» – практически открыто говорят нам с экрана.

Грянула война. Миллионы ушли на фронт. Тысячи ушли в партизаны. И здесь кино не осталось в стороне. Фильмы «Секретарь райкома» Ивана Пырьева, «Она защищает Родину» Фридриха Эрмлера мобилизовывали, завали в бой, к отмщению; вселяли надежду, веру в Победу. В наше гуманное время слова Константина Симонова кому-то могут «резануть слух»:

*«Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.»*

Но в то время вопрос стоял именно так: Или мы их, или они нас. Третьего не дано. И это был девиз не только поэзии и кинематографа, но и всего советского искусства Великой Отечественной войны.

Отгремели бои, наступил мир. Пришло время восстанавливать и отстраивать. И на экран вышли другие картины. От них веяло оптимизмом, изобилием, достатком, мирным трудом. Первое, что приходит на ум, это конечно же «Кубанские казаки». В хрущевские и более поздние времена говорили, что это кино-сказка, смаковали муляжи овощей и фруктов на ярмарке. Однако сами создатели фильма утверждали, что когда снимали фильм в колхозе-миллионере «Кавказ», то действительность была приукрашена совсем немного. С другой стороны, проблем и тревог людям и в жизни хватало. Зачем они еще и в кино? Справедливости ради отметим, что помимо «Кубанских казаков» были и другие фильмы. Может быть менее известные, но не менее яркие и интересные. Например, фильм «Новый дом», снятый в 1947-м году на студии «Беларусьфильм» и где блеснули своим талантом Николай Черкасов, Лидия Смирнова, Евгений Самойлов.

Вторая половина 1960-х прошла в нашей стране под знаком XX съезда и связанными с ними потрясениями в нашем обществе. В первую очередь в сознании людей. И это отразилось в кинематографе. На экране стали поднимать темы, которые до

этого официально или неофициально считались запретными. Как жилось людям на оккупированной гитлеровцами территории жестко поднято в фильме «Бабье царство» режиссера Алексея Салтыкова, снятом в 1961-м году. Как выживала и жила потом изнасилованная, в том числе буквально, российская деревня? Как потом жили люди со всем произошедшим? Как относились друг к другу? Другая тема, приподнятая в фильме – предательство. Возможно ли из-за личной обиды пойти на службу к врагам Родины?

Жизнь побеждает всегда. Эти слова можно смело считать девизом фильма «Председатель», также снятым Алексеем Салтыковым. Одноруким инвалид Егор Трубников поднимает колхоз. Да что там Егор Трубников. Вся страна была таким инвалидом и поднялась. Однако и там были подняты темы, волновавшие умы людей. Оказывается, достижения могут быть «дугами», НКВД может быть неправым, а в тюрьме сидеть не только преступники. Там же, правда несколько вскользь, приподнимается тема жизни под оккупацией.

В семидесятые был пройден важный рубеж. Городское население превысило сельское. Деревни начали пустеть. Что делать? И последовал заказ на привлечение людей в деревню. Фильм «Здравствуйте, доктор.», снятый в 1974-м году режиссером Василием Левиным, буквально напрямую это говорит. А еще в нем столичный перспек-

тивный хирург в исполнении одного из ярчайших актеров советского кинематографа Василия Ланового принимает решение переехать на работу в сельскую больницу. Привлекает его сердечность сельских нравов и действительная нуждаемость людям.

Тоже о сельском враче рассказывает картина «Жил был доктор» (1984-й год, режиссер Вячеслав Сироткин). Это уже сельский врач 80-х. Замотанный, задерганный, с семейными неурядицами, низкой зарплатой. Это уже отражение предперестроечных веяний, когда советские люди начали размышлять над окружающей действительностью и не всегда оптимистично. В том же духе, но еще жестче, снят в 1986-м году фильм «Первый парень». Там остро ставится проблема разваливающегося сельского хозяйства.

Несколько особняком стоят многосерийные фильмы – колхозные саги «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», оба снятые по одноименным романам Анатолия Иванова. Они дают целый срез советской эпохи. Выводят на экран интереснейшие образы самых различных людей – наших соотечественников, переживших вместе со страной революцию, коллективизацию, Войну и послевоенное восстановление. Сейчас можно спорить об их идеологическом содержании, но бесспорно главное: оптимизм и любовь к Земле. Не зря в свое время они собирали миллионы перед экранами телевизоров.

В XX веке наша страна пережила много всего: радостного, трагического, смешного. Вместе со страной жила деревня, вместе со всеми делила радости и горести. И всё это нашло отражение в «важнейшем из искусств». Стоит посмотреть советские фильмы о селе. Вместе с героями поразмыслить о жизни. Жизнь-то ведь продолжается.

Андрей БОЛДЫРЕВ,
эксперт Изборского
клуба «Урал»

ЮРИЙ МАНАЕНКОВ

Родился 14 октября 1956 года в селе Ярок Мичуринского района Тамбовской области. Свое детство и юность провел в родном селе. Учился в Ярковской восьмилетней школе, окончил восемь классов и за семь километров ходил учиться в Старо-Казинскую среднюю школу. Закончил в Тамбове педагогический институт (факультет физического воспитания) по специальности преподавателя физического воспитания средней школы, был распределен в Никифоровский район. Начал трудовую деятельность в Голицинской восьмилетней школе, затем переведен в Юрловскую среднюю школу. Награжден Почётной грамотой Министерства просвещения РСФСР и республиканского комитета профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений за успешную работу по обучению и воспитанию подрастающего поколения. Работал по специальности в Никифоровской школе №2. Пишет стихи, сочиняет музыку, является членом поэтического клуба «Вдохновение» при РДК и участником народного хора ветеранов «Красная звезда». К 60-летнему юбилею издал сборник стихов «Край любимый, край родной».

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Родные просторы манят меня вдаль,
 Чтоб за горизонтом оставить печаль,
 Чтоб душу раскрыть восходящей звезде,
 С мечтою проснуться на ранней заре,
 И там, где любовь прошла стороной,
 Открыть ненароком весенним дождем,
 Где мысли грядущие к жизни зовут,
 Где верят в тебя и любят, и ждут,
 Услышать в тиши милый сердцу твой зов,
 Вдохнуть настроенье живых голосов,
 И от блаженства летать в облаках,
 Чтоб в мире остаться в призрачных снах.

ДАЛЬ ГОЛУБАЯ

Утро. Рассвет. Заря веет свет.
 Алой полоской зарделся край неба над лесом.
 Даль голубая,
 Дорога степная
 Уходит далёко, чтоб встретиться
 с солнечным светом.
 Солнце встаёт.
 Новый день настаёт.
 От лучей просыпается радость и в жизни.
 Мысли зовут
 Меня в дальний путь,
 Свято исполнить свой долг для Отчизны!
 Время не ждёт,
 На подвиг зовёт.
 Нет нам преград для свершения цели,
 Вера живёт.
 Слава зовёт!
 С честью нести свет родной колыбели!

МОЙ КРАЙ

Я возвращаюсь вновь к тебе,
 любимый край,
 Ты в сердце лишь со мной
 всегда навеки,
 К твоим берёзкам, нивам, тополям,
 К земле родимой,
 К небу,
 к солнцу,
 свету.
 Я счастлив, что живу,
 дышу,
 пою,
 Тебе, мой край,
 лирическую песню,
 Разносишь эхом ты мою струну
 Над полем хлебным,
 За селом, за лесом.
 Она звучит из сердца, как струна
 Мелодией, рождающую радость,
 Как в жаркий полдень струйка родника
 Бурлящая живительная сладость.
 Из детства прошлого
 в грядущий день иду
 Навстречу вёснам,
 ветрам и
 рассветам...

Ты в сердце, край,
 Тебя всегда храню
 Моей любовью,
 Моей звонкой песней!

МОИ СТИХИ...

Мои стихи звучат
 И льются к тебе в душу
 То тихой песней,
 То криком журавля...
 Однажды прозвенят
 И летом уходящим,
 Дыханьем осени
 Вдруг обожгут меня.

Мои стихи летят
 на крыльях, словно птица
 Туда, где в небе звёзды
 Мерцают в вышине,
 Чтоб с высоты светить

и радугой разлиться
 Лучом, искрящимся в душе,
 Всем людям на земле.

Мои стихи зовут
 В грядущий день, как прежде,
 Мечту и цель в дороге обрести.
 В душе живёт
 И светит лучик надежды,
 Иду я с ним сегодня по пути.

Мои стихи живут,
 И согревают души
 Звенящей несмолкаемой струной.
 Душа поёт,
 Пожалуйста, послушай,
 Когда идёшь ты
 с песней вслед за мной!

НЕ ИСКУШАЙ ВОСПОМИНАНЬЕМ

Не искушай воспоминаньем
 Минувших дней, былых времен...
 Порой невнятным расставаньем
 Сжигаем душу мы огнём!

Однажды в жизни счастье наше
 Прольётся полною рекой...
 И мы вкушаем его свято,
 Чтоб обрести в душе покой!

Угаснет пламень сокровенный
 В душе, согретой от любви...
 Мечтой прекрасной незабвенной
 Оживлены, оживлены!

Не искушай воспоминаньем
 Ушедших дней, минувших дней...
 Не возродить былых желаний
 В душе моей, в душе моей!

КЛЁН

Памяти С. Есенина

Клён ты мой кудрявый, молодой, красивый
 Словно кучерявый парень, сизокрылый.
 Лишь проснись на зорьке, ты стоишь, качаясь,
 И резной листвою песню распевашь

Молодым берёзкам и красивым елям,
Головой склоняясь бурям и метелям.
Разбивались тучи, крону задевая,
Разлеталась звонко песня удалая.
Так шумел ты годы у моей калитки,
Но однажды грозы пробрались в «накидке».
Будто друг твой милый ждал тебя
с «гулянки»,

Встретил его песней, словно плач тальянки.
Выгнув нараспашку грудь свою и тело,
Родился в «рубашке», умирать чтоб смело.
Не поник ты юный, и теперь, с годами,
В памяти остался с песнями, стихами.
Клён ты мой кудрявый, с буйной головою,
Клён мой ненаглядный,
что стряслось с тобою?

И теперь все знают люди на планете
И возносят славу в память о поэте.

ПАМЯТИ ОЛЕГА ПЕШКОВА,

*подполковника Воздушно-космических сил
России, летчика, погибшего от рук турецких
пособников международных террористов,
отдавшего жизнь при исполнении воинского
долга в Сирии 24 ноября 2015 года.*

Со взлётной полосы «двадцать четвёртый»
Бомбардировщик «СУ» взмывает ввысь...
Полёт, как сокол, устремляет зоркий
В небе над Сирией на террористов и «ДАИШ».

Пилот отважный подполковник Пешков –
Земляк наш с Липецка исполнить долг летел...
Помочь, чтоб армии правительственной курдов
Под крыльями боекомплект направил в цель.

Быть может, в сотый раз он возвращался смело
Достичь чтоб свою цель, и снова к ней лететь...
И над своей границей по своему же следу
Сбивают самолёт... вдруг начал он гореть...

Но катапульт сработал очень чётко,
И с другом боевым вознёсся в небеса...
Туда где светит солнце, где небо голубое,
И выше облаков раскрылись паруса.

Он жив! Его геройский подвиг
С небес на Землю Ангел опускал...

В бессмертие от пуль сражённый вражьих
Вознёсся на высокий пьедестал!

...И в небо синее взлетают самолёты,
Чтоб на Земле достойно отстоять
Мир, тот хранимый и высоты...
Геройским подвигом и жизнью защищать!

РОССИЯ ВЕЛИКАЯ

Россия Великая
Наша Держава,
Родная Священная
Родина Мать!
Ты Славу и Гордость
Навеки Снискала,
Хранит Тебя в Мире
Могучая Рать!
В боях и сраженьях
Рожила Характер.
Геройские Подвиги –
В наших сердцах...
Всемирной Истории
Мудрости «Мастер»
Ведёт Тебя Свято
Во всех Временах!
В Победах –
Отвага,
Уменье и
Сила
Народа Российского –
Гордость Страны...
Ты в Битвах Великих
Во Всех Победила,
Твой Доблестный Воин –
Хозяин Земли!
Вы слышите, Люди,
Во Всём Этом Мире...
Его Защищать Нам
Трудней и сложней...
Оплотом является
Наша Россия
И Путин Владимир – Наш Президент!

ТИХО СЕРДЦЕ СТУЧИТСЯ...

Тихо сердце с забвеньем устало стучится
В то счастливое детство, в ранний рассвет...
Где с порога родного из юности снится
Твой забытый затерянный девичий след.

Может, поздней порой на траве заискрится
От зари восходящей в лучах солнца роса,
Чуть заметный тот след на земле отразится
Эхом долгим и звонким отголоском стиха.

Где-то там за рекой, от села вдалеке,
Где в душе разливались волшебные струи,
Твоё имя чертил на озябшем песке,
Когда в сердце звучали взволнованно струны.

Тихо сердце стучится в тот дальний рассвет
Чистой струйкой ключа на лугу у ольхи...
Словно взмахом крыла, шлю тебе я привет,
И, как память о детстве, посвящаю стихи!

СВЕТЛА ВЕСЕННЯЯ ЛАЗУРЬ

...Светла весенняя лазурь
От ясных дней и вешних бурь...
И даль от своего порога
В заре рассвета золотого.

В сиянье дня и в лучах света
И солнечным теплом согрета,-
Вновь оживает вся земля,
И рвётся из груди душа...

Под сводом неба голубого
На небесах, чтоб молодого
На зорьке месяца догнать
И радость в жизни ощущать.

Заря зажжётся в красках дня.
За горизонтом синева...
С восходом солнца светла лазурь
Скроет печаль прошедших бурь.

В сиянье дня и в лучах света
И солнечным теплом согрета,
Рождает вновь моя земля
Весну и радость для тебя!

Будто на крыльях я лечу,
Весне навстречу и кричу:
«Спасибо, свет, что я живу!
И песню о тебе пою!»

АПРЕЛЬ

Высыхает замёрзшая пашня,
Чернозём после сна разомлел...
Как невеста, белая вишня
Светлокудрый встречает апрель...

И разносится крик журавлиный,
Пеньем птиц оживают леса.
Разливается свет сизокрылый
На селенья, леса и поля.

Ранней зорькой инеем тянется
Остужённая за ночь земля,
Но как только день начинается
Полной грудью вздыхает она...

Пробуждается с солнцем и ветром
От звенящего шума полей,
Что весною разносится эхом
Заведённая сельхозартель.

От прохлады ночной стынут крыши,
Встанет солнце, и плачет капель...
Для девицы – весны сроки вышли-
Светлокудрый спешит к ней апрель.

КАК ЖАЛКО, ЧТО УХОДИТ ВРЕМЯ...

Как жалко, что уходит время...
И день за днём, за годом год,
Как тяжело расстаться с теми,
Кто к нам назад уж не придёт.

К нам не придут и не вернуться
Из детства юные года...
Ошибки в жизни не сотрутся,
Память хранит их навсегда.

Ты душу как-нибудь оттуда.
С порога детства своей тропы,
Живым глотком воды, как чудо,
В ладонях к людям принеси.

Нет! Я удачей не отмечен,
Быть может, по своей вине,
Её исправить уже нечем,
И потому не спится мне.

Я труд привычный познал рано,
Хоть день зарёй и не пророс,
В рассвете дня, в закат тумана
Пытать судьбу мне привелось.

По зову сердца, тропою к свету
Тянулась мысль к судьбе моей,
А я навстречу шёл к рассвету,
На розыск юности своей.

ОТДОХНИ, МОЯ БОЛЬ

Отдохни, моя боль,
Под высокой сосною...
И под тенью деревьев
Усталость моя затаись.
Упаду, зарыдав, с головою
В травы зыбкие,
Что с земли под берёзой
Ввысь поднялись.
Что случилось опять?..
Свет повис над землёю.
И черёмуха сыплет
Густой аромат.
Принакрылась сирень
Перламутром зарёю,
Осыпается с яблонь
Белый цвет в снегопад.
Где всю жизнь я бродил?
С кем делился заботой?
Что на свете творил
И какие построил мосты?
Поднимала меня,
Как ребёнка, работа,
Предо мной расступалась гора.
Жизнь моя!
Перекатное дивное поле!
Где скучать нам,
Когда в жилах вскипает
Ретивая медь!
Боль угаснет,
Иной и не надо мне доли,
Чтобы вновь над землёй
Травы стали б опять зеленеть!

...И БУДЕТ РУСЬ ВСЕГДА НЕТЛЕННОЙ

...И будет Русь всегда нетленной
Я верю, взлёт, паденья будут
И блеск звезды первоначальной...
Я верю, люди не забудут
Свой край любимый и печальный.
Как ни длинна дорога странствий,
В тот мир на небе неземном
Останется родным пространством
Вся Земля наша, отчий дом...

И будет Русь всегда нетленной,
Как много лет тому назад
Зелёным островком Вселенной,
Где зреют рожь и виноград.
Быть, может, сроки и не вышли
До тех свершений сотни лет,
Но годом световым уж мыслит
В наш век учёный и поэт...

И в нашей жизни незабвенной.
Земля пусть будет молодой,
Я верю, будет Русь нетленной
В столетьях вновь сиять звездой!
...И мир, спасённый на Планете,
Будет лететь к звёздам опять,
И будущее наше – Дети
Русь будут с честью защищать!

ПРЕОДОЛЕНИЕ

МАЛЬЧИК ДОЖДЯ

ШЕСТИЛЕТНИЙ СЕРАФИМ ВМЕСТЕ С РОДИТЕЛЯМИ ДЕЛАЕТ ПЕРВЫЕ ШАГИ ИЗ ЗАМКНУТОГО КРУГА НАВСТРЕЧУ БОЛЬШОМУ МИРУ

Энергичный мальчик с красивыми глазами, но несколько отрешённым взглядом и звучным именем в честь православного святого, расположившись на диванчике в фойе детского сада, рассматривает аппликации. Их он сделал сам, аккуратно наклеив бумажные элементы на фоновые основы. И получилось ничуть не хуже, чем у сверстников. А белый тетрадный листок упорядоченно исписан буквами английского алфавита. Их тоже написал Серафим, а это уже смогут единицы его ровесников.

Серафим растёт в обычной семье, у него есть папа Михаил, мама Елена и старший брат Илюша. Как и все мальчики, он любит играть в машинки и конструктор, строить и складывать пазлы, мозаики, решать головоломки и логические задания. Семья раньше жила с родителями Михаила в Мичуринске. Когда появились дети, начали подумывать о собственном жилье. Переехали на малую родину Елены в Первомайский район. Направили средства материнского капитала на строительство дома в одном из сёл района. Два

года назад семья переселилась в собственное гнёздышко. Илюша пошёл в местный филиал школы, сейчас он учится в третьем классе.

Родители стали замечать, что с сыном что-то не так, когда ему был третий годик. Им не терпелось услышать первые слова «мама» и «папа». Ровесники сына уже вовсю лепетали, а Сима произносил только звуки и только когда хотел. Обычно, когда в семье двое детей, младшие стараются подражать старшим, копировать их. Однако Сима не спешил за Илюшей, который на 2,5 года старше.

Елена и Михаил стали искать корень проблемы. Обращались к платным специалистам, ездили в другие города. Тогда казалось, что платно – это хорошо и качественно. Но оказалось, что это не так. Врачи говорили, мол, все детки в таком возрасте активные, непоседливые, даже капризные, себя в детстве вспомните! И не видели или не хотели видеть тревожных звонков. А ведь Сима мог часами оставаться один, он раздражался, даже если родители находились рядом. Каково маме и папе, когда ребёнок не признаёт ласки, когда необъяснимо меняется его настроение и он практически не говорит, знают, наверное, только сами Елена и Михаил. Родственники долго не хотели верить в то, что Сима растёт необычным ребёнком. Старались как-то сгладить его нестандартное поведение, найти объяснение его поступкам.

Что на самом деле происходит с Симой, узнали уже после переезда.

– Тогда в наше село приехал автопоезд «Забота», – рассказывает Елена. – Симе уже исполнилось шесть, его обследовал педиатр и срочно выписал направление в областную больницу. Там нам и поставили диагноз «аутизм». После этого – постановка на учёт у психиатра, недели наблюдения в стационаре больницы.

Тогда в их жизни был, наверное, самый сложный период. Принять такую новость и осознать, что твой ребёнок не такой, как все – испытание для любых родителей. Сколько было пережито, сколько слёз пролито... Но отчаиваться было некогда, нужно было срочно действовать. Елена и Михаил сознавали, что то, как сложится судьба сына, зависит в первую очередь от них. Это обычные люди живут, как могут, аутисты же, как им помогут.

Дети-аутята – это люди, для которых вся информация нашего мира избыточна. Она причиняет им большую боль любыми своими проявлениями, а не только злобой или агрессией. И нужно найти такие пути открытия мира для этих детей, которые не будут их ранить. Детям-аутистам трудно различать лица и понимать, о чём говорят окружающие, резкие звуки невыносимы, всё вокруг страшно и опасно. Ни один учёный не скажет, почему вдруг радостный полуторагодовалый малыш замыкается, и словно живёт в своём мире, где вместо друзей могут быть игрушки, а вместо детских шалостей – истерики и капризы. Однако далеко не все специалисты согласны, что аутизм – это болезнь, скорее – особенность психики.

Это редкое, ещё довольно не изученное заболевание, когда человек живёт в своём мире, не отвлекаясь на внешние раздражители. Каких-то пару десятилетий назад диагноз аутизм считался приговором. Сейчас же «истории успеха» появляются. Это результат огромных усилий родителей, специалистов, и чем раньше заметили и приступили к коррекции, тем лучше результат.

Так началась борьба и у наших героев. Неизвестно, удастся ли полностью устранить отклонение, но осмысленная жизнь с таким диагнозом вполне возможна. Некоторые взрослые довольно успешно социализируются и занимаются интеллектуальными

видами деятельности, например, фрилансом, программированием. Другие же всю жизнь нуждаются в посторонней помощи. Успех во многом зависит от интеллекта, особенностей личности человека и от того, насколько эффективно с ним занимались родители, педагоги, врачи и психологи, как он учился взаимодействовать с другими людьми и осваивался в нашем большом и светлом мире. Диагноз – это всегда удар для родителей. Но когда появляются первые успехи, просыпается вера, что недуг получится преодолеть, возникает новая точка отсчёта подлинных побед и светлой, огромной гордости за ребёнка и всю семью.

До переезда Елена работала фармацевтом в одной из городских аптек. Сменный график позволял совмещать заботу о детях с работой, да и родители Михаила были на подхвате. После переезда ради сына работу Елена вынуждена была оставить.

– В Мичуринске с диагнозом Сима от нас отказывались все дошкольные учреждения, – рассказывает Елена. – Специализированных или коррекционных групп для таких деток мы в городе не нашли...

Но мир не без добрых людей. От знакомых семья узнала о группе лекотеки в филиале «Дружба» Первомайского детского сада.

– К счастью, педагоги нас поддержали, – благодарна специалистам Елена, – в лекотеке сразу разработали для Сима индивидуальную программу занятий.

На быстрые результаты надеяться не приходится, но педагоги лекотеки, а главное, Сима и его родители – люди упорные и терпеливые. Чтобы ребёнок-аутист вписался в общество, нужна непрерывная цепочка. И они сделают всё возможное, а, может, и невозможное, чтобы добиться цели. Занятия в лекотеке стали своего рода мостиком, который проложен в большой мир из маленького и замкнутого мира Сима.

Начиная с весны, несколько раз в неделю Елена и Михаил привозят Симу в «Дружбу».

– Мальчику нравятся занятия, проходят они в основном в игровой форме, – делится Елена. – Когда мы приезжаем в райцентр, он ищет глазами дорогу к садику, показывает её

пальчиком, расстраивается, если проезжаем поворот и едем по другим делам. Уже после двух первых занятий произошло чудо. Сима, когда мы приехали домой, расположился в своей комнате на диване. И вдруг до того не говоривший ребёнок начинает отчётливо произносить слова. Причём не просто набор слов, а тематические блоки – как его учили. К примеру, перечисляет названия техники, животных, частей тела.

Вся семья тогда замерла и слушала... По словам Елены, это было невероятное счастье – просто слышать, как разговаривает твой ребёнок.

– Оказалось, что у нас есть надежда, что занятия не проходят впустую, – радуется Елена.

К слову, память у мальчика уникальная. Родители замечают, что он помнит многие даты, события, без труда выучил английский алфавит. Специалисты не исключают, что, обучаясь в школе и общаясь с обычными детьми, аутиста впоследствии будут полноценно жить. Сима может говорить (но только когда захочет), обслуживать себя, разогреть в микроволновой печи обед, нарезать колбасу с батоном и сделать бутерброды, знает цифры и буквы, хорошо справляется с заданиями на память, логику и мышление.

Всё, чего достиг и достигает Сима, это преимущественно результат стремления и большой любви его мамы и папы, их ежедневной, кропотливой работы. Елена перечитала множество медицинской литературы, специальных сайтов и методик, находила нужные учебники и пособия, встречалась с педагогами и врачами, чтобы найти заветный ключик от волшебной дверцы в мир своего сына.

Любой малыш имеет право на счастливое, здоровое детство. Но, к сожалению, кому-то с малых лет приходится бороться с тяжёлым недугом. Иногда людей с диагнозом «аутизм» сравнивают с улиткой или ёжиком: дотронешься, он сразу закрывается, сворачивается, прячется в свою раковину, в свой маленький мир. Елена и Михаил надеются, что Сима преодолеет это препятствие и вырвется из замкнутого круга. Они верят и мечтают, что сын будет жить так же, как все: учиться в школе и общаться с друзьями. До восьми

лет, когда Сима начнёт познавать школьную программу, педагоги и медики рекомендуют домашнее обучение. У Симы и его родителей ещё есть полтора года, каждый день из которых пройдёт по установленному режиму – занятия, общение, поездки в лекотеку, наблюдение у врачей. Каждый пункт в этом расписании – небольшой, но шаг к победе. Елена и Михаил самоотверженно борются за здоровье сына и не собираются отступать. Их мечта – чтобы Сима пошёл в школу, освоился в обществе, в будущем нашёл работу по душе. Вместе они ломают стереотипы несведущих людей. Они верят и надеются, что диагноз Симы – это не приговор, а испытание. Вместе они приложат все силы, чтобы преодолеть его. Елена и Михаил верят, что любовью, вниманием, терпением смогут разрушить ту стену, которой поневоле отгородился от внешнего мира шестилетний Серафим.

Ирина ПАРИНОВА,
фото автора

Лучшие страницы

РАССКАЗ

– Витек, а, Витек! – позвала жена. – Ты книжку купил, а в ней страниц 40 не хватает.

– Как не хватает, – отозвалась «половинка».

– Вот, сволочи. Вроде бы издана неплохо. Хотя и самиздат, и переплет шикарный, с тиснением.

Супруга профсоюзного лидера областного масштаба держала в руках самиздатовский томик Джеймса Чейза – по тем временам вещь редкую.

– Дай-ка мне ее, малыш, – так ласково он называл супругу, тем более момент был подходящий. За потраченные впустую денежки могли и спросить.

Жена протянула увесистое сочинение мужу. Он повертел детектив в руках, отыскал нужную страницу, с которой обнаруживались пропуски текста. А текст отсутствовал со 120 по 164 страницу, включительно.

– Солидный кусок пропущен, а может здесь по смыслу все нормально, просто ошиблись с нумерацией страниц, – проявил смекалку супруг.

Известно давно, что в первые минуты нам всегда хочется думать о людях лучше, чем в последующие часы, после того, как мы окончательно убедимся, что нас просто надули. Профсоюзный «босс» стал вчитываться в текст и воскликнул:

– Слушай, здесь речь идет о красивой машине, на которой подъехали две роскошные блондинки к какому-то бару.

– Ну и что дальше? – спросила супруга.

– А дальше к ним подсаживается какой-то господин, по-видимому, их знакомый, или приятель одной из «крошек». Скорее всего, приятель «мамочки». Вторая-то, похоже, дочкой оказалась.

– Ну и что из этого? А что, на 164 странице – это продолжение диалога? – выхватила книгу из рук мужа напористая супруга, уже начавшая в душе жалеть уплывшие, скорее всего, денежки. Чувство интуиции ее подвело крайне редко. И тут она стала читать вслух: «Тщи его в угол, Дик. Он еще жив. Закрой рот скотчем. Дай мне наручники. Его надо привязать к батарее».

– Это что за чушь, дорогой? А дальше, наверное, утюг принесут. Это что за триллер – типа «Братан-1», а может «Томми+»? Что за ерунду ты приобрел? Куда ты смотрел? Ну, ты даешь, голубчик! Я бы такую ерунду никогда не купила. Деньги на ветер.

Она небрежно бросила книжку на кресло и пошла на кухню, разогревать обед. Диалог происходил в воскресный день.

Витёк с утра сбегал на «яму» – так в районе железнодорожной станции «Сортировка» называлась книжная «толкучка», где он с удовольствием приобретал книги диссидентствующей русской диаспоры. Малоознакомый «жучок» подвел его к одному из книжных развалов, где солидный мужчина интеллигентного вида, скорее всего из жидо-массонской социальной прослойки и предложил ему это «замечательное произведение», за которое он выложил приличную сумму.

Муженьку стало не до обеда. Про себя он начал рассуждать: как это могло случиться,

как он смог так «обмишуриться»... Стал вспоминать, где еще его так надували. Всплыло несколько картин примитивного жульничества. Довспоминался аж до изжоги.

– Виктор, кушать, – позвала его к столу супруга.

– Спасибо, милая. Я лучше пойду, позанимаюсь. Как-то не до обеда.

И он ушел в свой скромный кабинетчик, площадью с хрущевскую кухню. Там он быстро открыл футляр пишущей машинки и начал стучать по клавиатуре. Ему пришла в голову дерзкая идея – описать исчезнувшие страницы, а точнее, допечатать, вклеить и продать, а по возможности, обменять эту книгу.

– Но как это сделать? – рассуждал он. – Я не писатель, не журналист. Что я могу? А, чем черт не шутит, попытаюсь все же поработать над этими злополучными страницами.

И он начал печатать.

«Дамы были прекрасно одеты. На более молодой блондинке с крутыми бедрами и тонкой талией манекенщицы в обтяг сидели голубые джинсы «Levis», великолепную грудь скрывала бордовая маечка от «Berdi». Такие «перси» не могли не впечатлять, – отметил наш «писатель». Вторая дама (он называл ее «дамой» так как она была старше своей спутницы лет на пятнадцать-двадцать). Она выглядела очень респектабельно, отличалась изысканными манерами, хорошим вкусом и имела оксфордское образование. Так казалось ее спутнику – седовласому, молодящемуся мужчине лет семидесяти. Он сопровождал дам в их поездке по Чикаго.

Далее начинающий «писатель» стал вворачивать такие штучки, что позавидовали бы даже поднаторевшие, опытные детективисты, если их так можно назвать. Он разработал оригинальный план ограбления банка, просто «закачаешься». Молодая девица влюбляет в себя уже немолодого служащего банка, тот готов на все ради «любви». Девица ловко разыгрывает спектакль о том, что ее родители, якобы были похищены, когда ей было 11 лет отроду, и она всю жизнь мечтала выкупить их из рабства. В жизни ей пришлось «несладко», кем только не приходилось работать: и проституткой, и манекенщицей, и быть на содержании у богатого «джентльмена», и со-

проводить развлекающиеся компании на курортах, – заливала девица. Одним словом, ей очень нужны большие деньги и их сможет для нее достать только он – этот очаровашка по кличке «интеллего», которая прилипла к нему еще со времен колледжа. Очаровашка трудился на ниве финансов в престижном коммерческом банке «Билли Бонд», который славился безупречной репутацией и старыми, добрыми традициями.

Далее наш «писатель» привел несколько постельных сцен с охами, вздохами и сексуальными баталиями. Причем идет описание сексуальных фантазий служащего банка в таком, примерно ключе: то финансист совокупляется с этой девицей в хранилище на куче долларов, то он раздевает ее и поливает долларовым дождем, при этом автор не забывает описывать ее гениталии, отдельные прелести и сексуальное белье многочисленных французских и американских фирм. Вся эта чушь расписывается страниц на пятнадцать. Отдельные моменты он даже стал зачитывать супруге.

– Душка, как ты считаешь, вот эта сцена, не слишком ли пошло? Героиня обращается к финансисту: «Дорогой, возьми меня с той стороны, где кончается спина, как говорят французы. Я много слышала, что в Европе эту позу очень обожают немки».

– Не знаю, дорогой, мне не приходилось бывать в Европе, – парировала жена.

– А сзади? – спросил муж.

– Так ты еще и пошлишь, после того, как тебя надули спереди, подсунув эту ерунду, – отмахнулась по-курниковски его спутница жизни.

– Ты зря дуешься, любимая. Во-первых, я неслучайно пишу об этом. Я когда-то читал в официальной статистике, что 80% немки любят заниматься сексом именно со стороны спины. А вот русские женщины, они более физиологичны и предпочитают миссионерскую позу. И еще, думаешь почему стараюсь подпускать больше секса? Я хорошо помню, как Андре Моруа рекомендовал молодым писателям укладывать свою героиню каждые пять страниц с новым любовником, и тогда, говорил он «Ваши романы будут расходиться миллионными тиражами».

Вот такой, примерно, монолог закатил супруг.

– Миллионщик ты мой, ложись-ка лучше спать. Уже почти два часа ночи, – смягчилась вторая половинка семейства.

– Дорогая, спокойной ночи. Я еще должен подклеить страницы к этой книжке. Вряд ли сегодня мне удастся поспать.

Но сон все же сморил «Мопассана». Ночью автору снилось, как его поздравляют сослуживцы с большим успехом, что его книги расходятся сумасшедшими тиражами, что он дает интервью по телевидению, что он пребывает в сплошных презентациях и фуршетах, его уже узнают на улицах, просят автографы молодые сексуальные девушки и не очень, дамы бальзаковского возраста одолевают счастливицу телефонными звонками.

– Дорогой, сколько можно тебе названивать? – будила супруга его половинка. – Ты же опаздываешь на работу. А я с утра уже успела обежать несколько магазинов в округе.

– Спасибо, милая, убегаю...

Случилось так, что на работе ему, удалось обменять подготовленную загодя книгу с известным в обкомовских кругах букинистом. Обмен произвели аж на четырехтомник Синклера.

Каково же было удивление начинающего писателя, когда он через пару дней подслушал, как Фирсов (так величали нового обладателя этого «замечательного» произведения) рассказывал молодым инструкторшам об увлекательных моментах из новой книги Дж. Чейза.

– Девочки, там есть такие крутые сцены, как, например, героиня отдается банковскому служащему под долларовым проливным дождем, а потом он ей читает сексуальную статистику – «Статкамасутру» – и все повторяется вновь, – захлеб смаковал обладатель детектива. А в конце разговора вдруг сказал:

– Завтра я принесу эти лучшие страницы. Они почему-то у меня отклеились.

При таких словах, «автор», по меньшей мере, почувствовал себя Нобелевским лауреатом в области художественной литературы.

Александр Николаевич СЁМИН,
член Союза писателей России,
академик РАН

КАК СНИМАЛИСЬ ФИЛЬМЫ, СТАВШИЕ КЛАССИКОЙ КИНЕМАТОГРАФА ЭЛЕОНОРА ШАШКОВА, СЫГРАВШАЯ В ЗНАМЕНИТОМ ФИЛЬМЕ ТАТЬЯНЫ ЛИОЗНОВОЙ «СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ» ЖЕНУ ШТИРЛИЦА, ОТПРАЗДНОВАЛА 75-ЛЕТИЕ. ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА ПРОШЛИ НА СЦЕНЕ ЕЕ РОДНОГО ТЕАТРА ИМ. Е. ВАХТАНГОВА, В КОТОРОМ ОНА СЛУЖИТ С 1963 ГОДА.

Образ жёны

В кино Элеонора Шашкова не раз «связывала свою судьбу» с разведчиками. До роли жены Штирлица она уже сыграла супругу разведчика Тульева в шпионском фильме Вениамина Дормана «Ошибка резидента». Потом были «Судьба резидента», «Возвращение резидента».

Служба внешней разведки России (СВР) уже наградила заслуженную артистку России Элеонору Шашкову за создание «образа жены разведчика». И в этот раз, поздравив актрису с юбилеем, СВР поблагодарила актрису за то,

что в коротком эпизоде встречи Штирлица с женой ей удалось «передать боль от разлуки, переживание и ежедневное чувство тревоги за судьбу близкого человека, которую испытывает жена каждого разведчика».

– Сама не знаю, почему мне предлагали такие роли, – говорит актриса. – Может, потому, что я однолюбка? Моим любимым произведением в юности, например, была поэма Некрасова о женах декабристов «Русские женщины». Да, я создала в кино идеальный образ жены – той, что умеет преданно любить

вопреки всем трудностям и ждать в разлуке. Представители СВР в этот мой юбилей подчеркнули, что мои героини – и в «Мгновениях», и в «Резиденте» – очень нравятся женам разведчиков. Что именно я показала, какова на самом деле их жизнь... Ведь жена разведчика, даже овдовев, не имела права снова выйти замуж: слишком много знала.

Аъ: Ваша семья, вероятно, не имеет отношения к разведке?

Э.Ш.: Нет, конечно! Хотя... в разведке я все-таки поработала. Дело в том, что мой отец – офицер-пограничник, он прошел всю войну, а потом всю жизнь мы мотались с ним по гарнизонам. Так добрались до Курильских островов. На острове Кунашир, где отец служил, он меня после школы устроил на службу в штаб пограничных войск, и я стала там секретарем-делопроизводителем в отделении разведки. Я научилась печатать на машинке, заочно окончила стенографические курсы. А потом в качестве стенографистки присутствовала даже при допросах задержанных шпионов.

Аъ: А как Вы стали актрисой?

Э.Ш.: Я всегда мечтала быть актрисой, только вот отца моя идея в восторг не приводила. Он хотел, чтобы я была педагогом. У меня был двойной оклад, и мама посоветовала мне копить деньги, чтобы ехать поступать в театральное или музыкальное училище. Навигация на Курилах была всего четыре месяца в году, поэтому мы по многу раз смотрели фильмы, завезенные с материка. Так, «Карнавальную ночь» я смотрела, наверное, раз 20, потом ее крутили в клубе даже задом наперед, чтобы как-то скоротать вечер. А я тем временем в клубе играла в разных спектаклях, дирижировала хором, играла на аккордеоне (его мы потом с моей однокурсницей Людой Чурсиной, когда совсем нечего было есть, продали и проели). Весной я заявила, что еду поступать в театральный институт. Был скандал, но мы с мамой и сестрой уехали в Москву. Это был 1959й год.

Аъ: Говорят, Вы поступали сначала «на певицу»?

Э.Ш.: Неплохой природный голос мне от мамы достался. В Москве я пришла в оперную студию, располагавшуюся на первом

этаже Щукинского училища, которой руководил Сергей Лемешев. На прослушивании я грянула, как та Фрося Бурлакова, «Вдоль по Питерской», и Сергей Яковлевич спросил: «А у Вас есть что-нибудь из женского репертуара?» «А мне, – отвечаю, – такие песни больше нравятся!» Потом выяснилось, что в студию принимают с десятилеткой, у меня же образование – семь классов да еще музыкальная школа по классу аккордеона. Тогда Сергей Яковлевич и говорит: «Не расстраивайтесь! Поднимитесь наверх, из Вас может получиться неплохая драматическая актриса». Я поднялась – и поступила.

...Похоже, о смене амплуа Элеонора Петровна совсем не жалеет. На сцене театра им. Е. Вахтангова она создала множество прекрасных женских характеров, отмеченных душевностью и лиризмом. Она играла в «Живом трупе» Толстого и «Идиоте» Достоевского, в постановках по пьесам Пушкина, Островского, Мольера, Эдуардо де Филиппо. И посея день играет в комедии Старицкого «За двумя зайцами». Кроме того, она регулярно выступает на телевидении, радио, эстраде. И все же славой Элеонора Шашкова обязана кинематографу.

Аъ: Не обидно, что Вы столько сыграли в театре, были и яркие, запоминающиеся роли в кино (взять хотя бы Стешку в «Тени исчезают в полдень»), а зрители все равно воспринимают Вас как «жену Штирлица»?

Э.Ш.: Что ж, театр по части известности всегда уступал кинематографу. К тому же за самую «звездную» свою роль мне не стыдно. Она действительно была сложной и мне удалась. Кстати, сразу после выхода «Семнадцати мгновений весны» народ стал узнавать буквально всех артистов, кроме меня. Меня ведь для этой роли искусственно состарили. Узнавать меня стали только после 40, когда я внешне стала походить на свою героиню...

...Сцена встречи Штирлица с женой на экране длилась 5 минут 30 секунд. На предварительном просмотре картины киношное начальство, посчитав, что она затянута, предложило Лиозновой сократить ее в 10 (!) раз. Но режиссер отстояла первоначальный вариант. Она оказалась права – сцена встречи

получилась одной из лучших в фильме, пронзительной, берущей за душу, признанной сегодня классикой в мировом кинематографе.

Аъ: О том, как снималась знаменитая сцена в кафе «Элефант», до сих пор ходят легенды.

Э.Ш.: Сцена с «женой» должна была сниматься без Тихонова. Он работал на износ и в тот день взял первый за полгода выходной. Татьяна Лиознова, конечно, настраивала меня на роль. «Ты его очень любишь, переживаешь, как он живет без тебя, о нем ведь и позаботиться некому! – говорила она. – А самое главное – вокруг фашисты, поэтому ты ничем не должна себя выдать – ни словом, ни улыбкой. Единственное, что можешь, – просто смотреть». А у меня без партнера, глядя в стену, играть никак не получалось. Это ведь очень сложный эпизод, такая гамма чувств – и ни единой реплики. И вдруг входит Тихонов! Не смог усидеть дома, захотел взглянуть, как выглядит его «жена». Теперь во время съемки я смотрела в его необыкновенные глаза, в которые невозможно было не влюбиться. Вячеслав Васильевич был великим актером и отличным партнером, и мы уложились в один съемочный день. На другой день все произошло с точностью до наоборот. Утром мне позвонила Лиознова: «Приезжай, Тихонов отказывается сниматься без тебя». Теперь уже я сидела рядом с камерой, а он на меня смотрел...

Кстати, потом он нередко смущал меня прилюдными заявлениями, представляя: «А это моя самая любимая жена!» Чуть позже я поняла, что это относится не ко мне, Элле Шашковой, а к сыгранному мной образу – идеальной жены. Благодаря режиссерскому гению Татьяны Лиозновой, композиторскому гению Микаэла Таривердиева, написавшего пронзительную музыку, великому Вячеславу Тихонову и немножко мне получилась сцена, которую теперь помнят все.

Аъ: Вернемся к первой роли супруги разведчика Тульева из «Резидента».

Э.Ш.: После училища меня приняли в театр им. Е. Вахтангова, где я работаю по сей день. Нам с Людой Чурсиной выделили комнатку в театральном общежитии. Жить было трудно, но весело. Были надежды, были мечты.

Хотелось работать, и я ездила на пробы на «Мосфильм», на «Ленфильм»... И тут меня неожиданно пригласили на пробы в картину Дормана «Ошибка резидента». Переволновалась ужасно. И перед камерой стала по привычке громогласно отвечать на реплики партнера. Георгий Степанович Жженов тут и говорит: «Стоп, перерыв, пойдем кофейку попьем». Посидели, поговорили. «Эль, нормально говори на площадке, не ори, над тобой же микрофон висит! – сказал он. – Я вижу, ты непосредственная, искренняя. Давай!» Мы сняли дубль, и Георгий Степанович тут Дорману то ли в шутку, то ли всерьез и говорит: «Веня, если она сниматься, я на площадку не приду». И меня тут же утвердили. Потому Георгия Жженова я считаю своим крестным. Фильм всем понравился, имел продолжения – и это был мой дебют в кино. А на премьере «Ошибки резидента» меня увидели Краснопольский и Усков и пригласили на роль Шешки в картину «Тени исчезают в полдень». На тех съемках я на всю жизнь подружилась с замечательным актером Петром Вельяминовым, научилась косить, жать – мы ведь все делали сами. Но это уже совсем другая история...

...Элеонора Шашкова была замужем дважды. У нее взрослая дочь Антонина и двое внуков: Давид и Георгий. По ее словам, когда она слышит от одного из них: «Бабушка, я очень по тебе соскучился», то это дорогого стоит.

Аъ: Элеонора Петровна, а что у Вас с кинематографом сегодня?

– Профессия наша сложная, зависимая. Для актеров страшнее всего невостребованность, застой, который я и пережила в 1990х годах. Слава Богу, потом обо мне вспомнили – с 2002 года я снялась сначала в «Возвращении Мухтара», потом в «Утесове», «Мачехе», «Взрослых играх», сериале «Я лечу», «Грехи наши», «Гламур». К тому же создала концертную программу, и у меня теперь есть сольный концерт. Я вообще-то по жизни оптимист. Верю, что обязательно произойдет что-то хорошее, что будет работа, что все будет в порядке. Все будет хорошо!

Ольга ИВАНОВА

Царская охота

ПОЛЕТ СОКОЛА

*Всего прекрасней – сокола полет.
Я полюбил следить за ним часами,
Когда, дрожа и трепеща крылами,
На краткий миг он в воздухе замрет.
Горд красотой и вечно одинок,
Как молния, сверкающим изломом
Он мчится в горы, где ревет поток,
Где древний дуб поник, спаленный громом.
В изгибе крыл, в прямой стреле хвоста
Идея красоты, – она проста:
В гармонии аккорда нет согласней.
Я красоту люблю в стихе, в цветах,
В наряде жен, в улыбках, в облаках,
Но сокола полет – всего прекрасней.*

Борис Александрович Садовской, 1905

Человек с птицей на руке – сколько лет этому союзу? Древний охотник еще не успел впервые сесть на лошадь, не имел при себе охотничьей собаки, а ловчие птицы уже верно служили ему, ежедневно помогая добывать пропитание для себя и своей семьи. Первые

изображения охотника с ловчей птицей (сокольника) имеют возраст более 5 тысяч лет. Зародившись в глубине веков в Азии, во время крестовых походов искусство дрессировки (выноски) ловчих птиц было принесено и в Европу, где получило свое второе рождение. Если раньше к союзу с крылатым охотником человека толкала необходимость добывать пропитание в сложных природных условиях, то теперь охота с соколом стала чем-то вроде развлечения аристократии. Особого расцвета она достигла на Руси во времена правления Ивана IV Грозного и Алексея Михайловича Романова. Тогда же был издан «Урядник Сокольниковского пути» – первый свод законов и положений, касающийся охоты с ловчими птицами, появились первые заповедники, предназначенные для охраны мест гнездования соколов. Постепенно сформировалась целая инфраструктура, направленная на развитие соколиной охоты. Огромный соколиный двор, насчитывающий тысячи ловчих птиц, обслуживали сотни сокольников, целые деревни занимались отловом и выращиванием голубей на прокорм хищников, выплачивая

так называемую «голубиную повинность». К слову, именно в этот период стали появляться первые породы домашних голубей путем отбора и размножения особенных экземпляров. Так что современное голубеводство обязано своим рождением тем, кого сейчас голубеводы считают злейшими врагами – соколам и ястребам. Особую касту общества составляли помытчики – ловцы птиц, отправляющиеся за соколами для царя за тысячи километров. Люди эти были в особом почете, но и ответственность была велика: ловчие птицы (прежде всего белые, или как их раньше называли «красные», кречеты) ценились так высоко, что за единственное сломанное при транспортировке перо легко можно было лишиться головы.

Охотничьи выезды царя с ловчими птицами не имели себе равных в истории. Дворцовая знать со своими лучшими птицами в окружении сотен сокольников и загонщиков выезжали в поля для «красной птичьей потехи». Русскими царями исконно почитались две ловчие птицы – самый быстрый в мире сокол – сапсан, и самый крупный, зачастую окрашенный в чисто-белый цвет, северный сокол – кречет. Но использовались и другие птицы. Специально для женщин, которые так же присутствовали на соколиной охоте, обучались так называемые «дамские» сокола – дербник и чеглок, которые были втрое меньшего размера, но также являлись отменными охотниками. Самой же добычливой птицей считался ястреб-тетеревятник. Не даром существует пословица «Сокол создан для души, а ястреб – для желудка», подчеркивая, что красота полёта сокола и уловистость ястреба несопоставимые понятия. В других же странах использовались самые разные птицы. Для арабов традиционной ловчей птицей всегда был и остается сокол балобан – неутомимый пустынный охотник, в центральной Азии предпочтение отдавали огромным орлам – беркутам, способным одолеть даже волка или антилопу.

Но как бы широко по планете не была распространена соколиная охота с появлением огнестрельного оружия, она повсеместно пришла в упадок, а местами и вовсе исчезла. Ружейная охота оказалась куда более

продуктивной, а связанное с ней развитие охотничьего собаководства окончательно отвлекло внимание от ловчих птиц. Очень быстро хищные птицы превратились из векового союзника в злейшего врага. Все птицы с крючковатым клювом и когтями истреблялись без разбора. Неверная оценка влияния хищных птиц на популяции дичи повлекла повсеместное их преследование и уничтожение, в результате чего некогда многочисленные виды оказались на грани исчезновения. К счастью, человечество одумалось, вовремя заметив, что снижение численности хищников отнюдь не ведет к увеличению количества дичи, а совсем наоборот. В лишенных санитаров экосистемах стали массово распространяться болезни, размножились слабые особи, что вскоре привело к резкому падению численности, которое мы наблюдаем и по сей день. В развитых странах развернулись государственные программы по восстановлению хищных птиц. К примеру, Англия, когда-то с радостью избавившаяся от ястреба-тетеревятника, уже через два года осознала свою ошибку, оставшись без какой-либо дичи, и была вынуждена закупать уцелевших хищников в континентальной Европе. Постепенно в сознании охотпользователей стало формироваться понимание того, что хищник является неотъемлемой частью экосистемы, без которой она не может существовать. Для

исправления ситуации был создан ряд заповедников и питомников хищных птиц. Один из них, расположенный по соседству, в Липецкой области, и по сей день занимается восстановлением уничтоженного некогда в нашей лесостепи сокола балобана, когда-то тоже причисленного к разряду врагов, хотя рацион его состоит почти исключительно из грызунов. Да и вообще, говоря о вреде и пользе хищных птиц, стоит отметить, что из десятков видов, обитающих на территории нашей области, только ястребы способны охотиться на крупную добычу. Остальные же хищники питаются главным образом мышевидными грызунами, ящерицами и насекомыми, лишь иногда нападая на ослабленных больных животных, тем самым выполняя роль санитаров. Наверняка все видели крупных буроватых птиц сидящих на столбах и деревьях вдоль дороги или на стогах сена – это обыкновенные канюки, или сарычи. Часто их можно видеть парящими в потоках воздуха и издающими мяукающий крик, птица как бы просит, что-то, канючит, за что и получила свое название. Канюк, как и все совы, отличный защитник сельского хозяйства. Семья канюков в день съедает не менее 20 мышей-полевок, за год это 7300 штук, а учитывая, что каждая мышь в день съедает и портит около 20 г зерна можно представить приносимую пользу. Не менее беспощадный истребитель мышей и

сокол-пустельга. А вот императорские орлы, или как их еще окрести советские орнитологи орлы-могильники, вполне способны отлавливать сусликов, принося еще большую пользу. Мелкие соколки – чеглоки и кобчики в летнее время съедают огромное количество вредных насекомых. И как не досадно, по иронии судьбы именно эти полезные птицы, которые чаще всего попадают на глаза человеку, обычно и попадают под выстрелы горе-охотников. А настоящих ястребов большинство охотников не видело ни разу в своей жизни, так как в лесу эти птицы очень скрытны и бесшумно перемещаются низко над землей словно тени. Куда чаще с ястребами сталкиваются голубеводы, питомцы которых в период миграции хищников часто подвергаются нападениям. В качестве защиты можно посоветовать прекращать гон и закрывать голубей весной и поздней осенью, когда идет массовый пролет хищников. Отлов или отстрел, которые к тому же не законны, в это время не принесут никакого результата, так как пообедавший на голубятне хищник уже на следующий день может оказаться за десятки километров, а ему на смену придет другой. Кроме того новым законодательством ужесточена ответственность за незаконную охоту, и если за убитого ястреба или канюка можно отделаться штрафом в несколько десятков тысяч рублей, то выстрел в сокола может обойтись

браконьеру в 2 млн. или реальным лишением свободы. Такие меры введены не случайно: помимо непрерывного прессы безграмотных охотников, которые до сих пор живут убеждениями советских времен, серьезную угрозу для хищных птиц представляет повсеместное применение ядохимикатов, беспокойство со стороны отдыхающих на природе и незаконный отлов с целью продажи. Немалая заслуга в развитии угрозы браконьерского вылова принадлежит современным СМИ, везде и всюду в погонях за сенсацией озвучивающим баснословные цены на соколов. Но ажиотаж вокруг ловчих птиц на самом деле далек от действительности. Сейчас в нашей стране существует немало крупных питомников, разводящих и реализующих птиц на любой вкус, цвет и кошелек. Да, есть среди них и довольно дорогие, оцениваемые в десятки тысяч рублей, а порой больше. Но это единичные элитные птицы, как и дорогие породы собак. Рядовая же ловчая птица вполне по карману человеку со средней зарплатой и составляет 10–20 тыс. руб., т.е. не больше породистой собаки или кошки. Все птицы из питомников имеют пакет документов и помечены несъемным кольцом с номером, по которому можно получить все данные и о заводчике и о нынешнем владельце. Содержание в неволе нелегальных птиц приравнивается к браконьерству и влечет серьезную ответственность.

Изъять птицу из природы можно только по разрешению, выдаваемому природоохранными структурами.

Но не все так плохо. Во многих регионах страны, где соблюдается природоохранное законодательство, численность птиц стабилизируется, а соколиная охота постепенно возрождается. Импульс новой волны интереса к ловчим птицам, заданный в середине прошлого века в Западной Европе, достиг России, и сейчас организация соколиных охот уже не редкость. Ежегодно проводятся встречи сокольников, соревнования и коллективные охоты, а число сокольников неуклонно растет. Так что же такое соколиная охота в современном мире? Люди уже давно перестали испытывать потребность в охоте как в средстве обеспечения себя пищей. Современное огнестрельное оружие и организация охотхозяйств позволяют без особого труда добыть любой трофей, поэтому исчезает главная особенность охоты – охотничий азарт, связанный с трудностями поиска, выслеживания и добычи желаемого объекта. В связи с этим все больше охотников предпочитает ружейной охоте охоту с луком, борзыми или норными собаками, даже обученными хорями. Но вряд ли хоть одна из этих охот сравнится по зрелищности с соколиной, когда обученный сокол, покорно ждущий команды сокольника, обрушивается на добычу с километровой высоты, развивая при этом скорость до 300 км/ч, или когда ястреб неуловимым броском за доли секунды настигает вспугнутую дичь. Пережив эти захватывающие минуты, человек навсегда остается поклонником этой «царской охоты».

Для нужд соколиной охоты сейчас работает масса зарубежных фирм, выпускающих всю необходимую амуницию, а в нашей стране и даже у нас, в Тамбовской области, есть мастера, изготавливающие различные атрибуты сами. Питомники позволяют приобрести ловчую птицу в любое время года, при этом получив все необходимые документы. В Московской области функционируют школы сокольников, в которых любой желающий совершенно бесплатно может научиться азам обращения с хищной птицей. Приобрести необходимый опыт можно и на встречах сокольников, ежегодно в сентябре-октябре на базе

питомника хищных птиц заповедника «Галичья гора» (Липецкая область) проводятся открытые слеты, где любой желающий может посмотреть на охоту и соревнования ловчих птиц. Словом пополнить ряды сокольников, некогда почитаемый слой общества, сейчас может любой желающий охотник, т.е. гражданин, являющийся членом охотобщества.

К сожалению, законодательная база, касающаяся охоты с ловчими птицами в стране очень не совершенна. В правилах охоты ловчим птицам уделено всего пара строк. Сроки охоты неоправданно сокращены, и это при том, что соколиная охота является самой экологичной, по сути, являясь частью природного цикла: при ней не бывает подранков, не рассыпается по угожьям несметное количество ядовитого свинца, добываются только самые слабые особи, что не противоречит естественному отбору. Сокол – не ружье, его нельзя использовать в короткий сезон, а потом просто повесть на гвоздь. Что бы птица оставалась охотником, она должна работать каждый день, постоянно развиваясь, совершенствуя свои навыки. Просидев без дела всего пару месяцев, сокол в значительной степени утрачивает охотничьи качества и на их восстановление уходит много времени. Кроме того хищнику не объяснишь, кого можно ловить, а кого нельзя. Видимо этим и объясняется весенний запрет на соколиную охоту, когда добыча самок пернатой дичи запрещена. Но разве можно сравнить ущерб от одной-двух пойманных соколом птиц, от количества убитых из ружей по ошибке? Ведь и под выстрел не редко попадают краснокнижные виды. В результате на соколиную охоту отведены лишь осенне-зимние месяцы, из которых сентябрь и часть октября уходит на подготовку птиц после летней линьки, а уже в декабре охота становится маловозможной из-за снега и холодов. В результате сокольнику с его птицей остается только дождливый ноябрь. Хочется верить, что в скором времени ситуация с законодательством изменится в лучшую сторону и ловчие соколы вновь поднимутся в Русское небо, став живым напоминанием о величии нашей страны.